

Федеральное государственное бюджетное общеобразовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Камчатский государственный университет имени Витуса Беринга»

На правах рукописи

Вечканова Елена Михайловна

**ЦЕННОСТНО-СМЫСЛОВЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ ВРЕМЕННОЙ
ПЕРСПЕКТИВЫ ЛИЧНОСТИ В ПЕРИОД КРИЗИСА ИДЕНТИЧНОСТИ**

19.00.01 – Общая психология, психология личности,
история психологии

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата психологических наук

Научный руководитель
доктор психологических наук, профессор
Серый Андрей Викторович

Петропавловск-Камчатский – 2015

Оглавление

Введение	3
Глава 1 Теоретические основания исследования временной перспективы во взаимосвязи с ценностно-смысловой сферой личности	14
1.1 Становление и развитие научного подхода к проблеме психологического времени и временной перспективы личности.....	14
1.2 Временная перспектива личности как психологический феномен: основные характеристики и ее динамика.....	32
1.3 Взаимосвязь временной перспективы личности и ценностно-смысловой сферы.....	55
1.4 Ценностно-смысловая сфера: общие представления и динамика	62
Выводы по главе.....	79
Глава 2. Методологические основания исследования ценностно-смысловой детерминации временной перспективы личности в период кризиса идентичности	83
2.1 Кризис идентичности как фактор, опосредующий взаимосвязь ценностно-смысловой сферы и временной перспективы личности.....	83
2.2 Организация и методы исследования ценностно-смысловых детерминант временной перспективы личности в период кризиса идентичности	101
2.3 Диагностические показатели кризиса идентичности и феноменологическое описание экспериментальных групп	122
Выводы по главе.....	146
Глава 3. Эмпирическое исследование ценностно-смысловой детерминации временной перспективы личности в период кризиса идентичности	149
3.1 Особенности ценностно-смысловой сферы при переживании кризиса идентичности.....	149
3.2 Особенности временной перспективы личности при переживании кризиса идентичности..	172
3.3 Временная перспектива как предиктор переживания кризиса идентичности.....	182
3.4 Особенности ценностно-смысловой детерминации временной перспективы личности в период кризиса идентичности	187
Выводы по главе.....	204
Заключение	207
Список литературы	213
Приложение	232

Введение

Актуальность исследования. В современном мире, характеризующемся высоким темпом изменений разнообразных областей реальности, наличием большого количества всевозможных выборов, стоящих перед человеком, проблема времени, как интегрирующей основы жизни человека, все больше находит свое отражение в исследованиях, раскрывающих различные психологические аспекты данного феномена (К. Левин, Ж. Нюттен, Ф. Зимбардо, Дж. Бойд, Ж. Пиаже, П. Фресс, Д. Г. Элькин, С. Л. Рубинштейн, Л. С. Выготский, К. А. Абульханова-Славская, А. В. Болотова, Т. Н. Березина, М. Р. Гинзбург, Е. Н. Дмитриева, В. И. Ковалёв, О. В. Лукьянов, Ж. С. Мамедова, Н. Н. Толстых, Е. И. Головаха, А. А. Кроник, А. Сырцова, Т. А. Нестик и др.). Одной из форм трансформации времени в субъективную реальность человека, выступает временная перспектива, представляющая собой переживание времени, как отраженного в сознании единства взаимовлияющих потоков прошлого, настоящего и будущего. Временная перспектива выступает в роли уникальной способности человека объединять в целое исторический опыт культуры, личный опыт, реализованный в прошлом, актуальное настоящее и перспективное будущее. В самом широком смысле временная перспектива выступает в качестве одной из основ целостности человека, как открытой саморазвивающейся системы.

Однако, несмотря на достаточно большое количество исследований в области временной перспективы, до сих пор не определены основные личностные детерминанты данного феномена, при этом широко освещаются аспекты, касающиеся структурных, функциональных, диагностических, динамических и иных особенностей временной перспективы (К. Левин, Ж. Нюттен, Ф. Зимбардо, А. Сырцова, Е. И. Головаха, А. А. Кроник, К. А. Абульханова-Славская, Т. Н. Березина, Н. Н. Толстых и др.), либо рассматривается спецификация временной перспективы, характерная для различных социальных групп, и изучается взаимосвязь данного образования с иными структурными элементами личности и ее состояниями (М. Ш. Магомед-Эминов, О. Г. Квасова, М. Р. Гинзбург,

И. И. Вартанова, Б. Г. Бовин, Ю. В. Славинская, Ж. С. Мамедова, Т. А. Нестик и др.). Все исследования сходятся в одном – в определении важности сбалансированной временной перспективы для процесса личностной адаптации и постоянного развития в условиях изменяющегося мира, при этом зачастую игнорируется тот факт, что сбалансированная временная перспектива является не единственным фактором, ответственным за целостную интеграцию человека в окружающую действительность.

Еще одной основой целостности человека в потоке постоянных перемен, свойственных реальности, выступает идентичность, отражающая как физическое, интеллектуальное и нравственное самоопределение человека, так и субъективную принадлежность к тем или иным социальным категориям, вместе с ценностными и эмоциональными проявлениями этой принадлежности (Э. Эриксон, Дж. Марсиа, А. Тэшфел, Г. Брейкуэлл, Дж. Тернер, Г. М. Андреева, Е. П. Белинская, Н. Л. Иванова, Т. В. Румянцева и др.). При этом проблема идентичности неразрывно связана с темпоральным аспектом жизнеосуществления человека, а в свете происходящего процесса трансформации научной парадигмы, переходящей к идеалам постнеклассической рациональности, актуальной становится проблема самоидентичности, как процессуально-динамической составляющей механизма устойчивости человека в меняющемся мире (В. Е. Клочко, О. В. Лукьянов).

Не менее актуальным в современной науке остается вопрос о кризисе идентичности, четких дефиниций которого до сих пор так и не выявлено. В свете чего Е. П. Белинская отмечает, что понятия идентичности и кризиса идентичности зачастую становятся предметом научных спекуляций, результатом которых является увеличение количества определений, отражающих частные аспекты процесса идентификации. При этом классическое понимание идентичности посредством тождественности образов «Я» во времени (Э. Эриксон), а проявления кризиса идентичности, соответственно, через нарушение данной тождественности, имманентно присутствует во многих концепциях, рассматривающих описываемые явления. Однако большее внимание уделяется иным проявлениям кризиса идентичности: распаду социальных связей, смене неустойчивых социальных

самоидентификаций, утрате смысловой насыщенности прежних форм социальной идентификации (В. А. Ядов, Т. С. Колябина), внутреннему конфликту (Д. А. Савельев), нереализованности основных ценностей и стагнации в развитии личности (И. А. Дружинина). Многие ученые сходятся во мнении, что кризисная динамика идентичности является следствием динамики различных социальных структур и общества в целом, соответственно стабильность идентичности зависит от стабильности общества (Е. Н. Данилова, В. А. Ядов, Г. М. Андреева, М. В. Заковоротная, Н. Л. Иванова, Т. В. Румянцева, Ц. П. Короленко, Н. В. Дмитриева и др.). При этом согласно системной антропологии, транслирующей необходимость изменений для устойчивости человека в его саморазвитии, стабильность, напротив, выступает как деструктивное условие, не позволяющее самоорганизующейся системе «Человек» усложняться в своем развитии (В. Е. Ключко, Э. В. Галажинский, О. М. Краснорядцева, О. В. Лукьянов, Е. В. Некрасова и др.).

Решением данного противоречия, на наш взгляд, может быть смещение ракурса анализа проблемы кризиса идентичности с позиции социального и личностного самоопределения к позиции темпоральной организации субъектом своего внешнего и внутреннего мира, другими словами – объединение в целостную систему двух оснований, ответственных за интеграцию человека в окружающую действительность – идентичности и временной перспективы личности. Основываясь на теоретических положениях ценностно-смысловой парадигмы развития личности (А. В. Серый, М. С. Яницкий), согласно которым фундирующим базисом или системообразующим фактором личности выступает ценностно-смысловая сфера, можно утверждать, что далеко не все проявления нестабильности жизни являются причиной кризисного состояния идентичности, а только те, которые, вызывая определенные изменения в ценностно-смысловой сфере субъекта, ведут к нарушению тождественности образа «Я» во времени и, как следствие, к изменениям во временной перспективе субъекта и общей его способности к конструктивной адаптации в различные области жизнедеятельности. В этой связи исследование, направленное на выявление особенностей ценностно-смысловых детерминант

временной перспективы личности в период кризиса идентичности, является актуальным, так как не просто выявляет детерминанты временной перспективы личности, но и непосредственно указывает на то, каким образом данные детерминанты обуславливают временную перспективу в процессуальном и динамичном состоянии переживания кризиса идентичности.

Целью работы является выявление опосредованных переживанием кризиса идентичности особенностей ценностно-смысловых детерминант временной перспективы личности.

Объект исследования – временная перспектива личности.

Предмет исследования – ценностно-смысловые детерминанты временной перспективы личности в период кризиса идентичности.

Гипотеза: Ценностно-смысловыми детерминантами временной перспективы личности, определяющими ее структуру и динамическое состояние в период переживания кризиса идентичности, выступают смысложизненные ориентации, интегрирующие в себе сложную систему интернализованных ценностей, мотивационных интенций, смысловых идентификационных категорий и когнитивных репрезентаций Я-образа человека.

Частные гипотезы:

- в период переживания кризиса идентичности ценностно-смысловая сфера личности характеризуется несогласованностью ее структурных компонентов и нарушением механизма синхронизации временных локусов смысла, выражающихся в неинтенциональном ценностном отношении к субъективным прошлому, настоящему и будущему;

- временная перспектива, детерминируемая характеристиками ценностно-смысловой сферы личности, в период переживания кризиса идентичности претерпевает трансформацию, определяющую ее протяженность, выраженность временных ориентаций, особенности системы взаимосвязей и взаимообуславливания типов временной перспективы, значимость и степень связанности временных зон.

- показатели динамического состояния временной перспективы личности, выраженные в параметрах эксплицитности временных ориентаций, значимости и степени связанности временных зон, выступают в качестве предикторов переживания кризиса идентичности.

Для достижения поставленной цели и подтверждения гипотезы были сформулированы следующие теоретические и эмпирические *задачи* исследования:

1. Проанализировать состояние научной проблематики временной перспективы и ценностно-смысловой сферы в их взаимосвязи и взаимообусловленности.
2. Теоретически обосновать рассмотрение кризиса идентичности, как условия, приводящего к изменениям в ценностно-смысловой сфере и тем самым опосредующего взаимосвязь ценностно-смысловой сферы и временной перспективы личности.
3. Методологически обосновать, выделить и эмпирически проверить единицы анализа для изучения и описания ценностно-смысловых детерминант временной перспективы личности в период кризиса идентичности.
4. Провести сопоставительный анализ психологических характеристик, отражающих особенности процесса идентификации, в условиях наличия и отсутствия кризиса идентичности. Выявить особенности ценностно-смысловой сферы и временной перспективы личности при переживании кризиса идентичности.
5. Исследовать и охарактеризовать ценностно-смысловую детерминацию временной перспективы личности, опосредованную переживанием кризиса идентичности.

Методологической базой исследования явились: принципы детерминизма, единства сознания и деятельности (А. Н. Леонтьев, С.Л. Рубинштейн), основные положения культурно-исторической психологии (Л.С. Выготский), принципы и положения системной антропологической психологии (В. Е. Ключко, О. М. Краснорядцева, Э. В. Галажинский, О. В. Лукьянов), теоретические основания и принципы исследования временной перспективы личности (Л.К. Франк, К. Левин,

Ф. Зимбардо, Дж. Бойд, Ж. Нюттен, Т. Коттл); теоретические положения ценностно-смысловой парадигмы развития личности (А. В. Серый, М. С. Яницкий), концепция личностных конструкторов (Дж. Келли, Д. Баннистер, Ф. Франселла), теоретические подходы к изучению кризиса идентичности (Э. Эриксон, Дж. Марсиа).

Методы исследования:

1. Теоретический анализ психологической литературы по теме исследования.
2. Эмпирические методы исследования: опросник «Личностная и социальная идентичность» (ЛиСи) А. А. Урбанович; методика М. Куна-Т. Макпартленда «Кто Я?»; тест смысложизненных ориентаций Д. А. Леонтьева (реконцептуализация А. В. Серого, А. В. Юпитова); методика ценностных ориентаций М. Рокича; методика ZTPИ Ф. Зимбардо по временной перспективе (модификация А. Сырцовой, Е. Т. Соколовой, О. В. Митиной); Метод мотивационной индукции Ж. Нюттена (русскоязычный вариант, предложенный Д. А. Леонтьевым); проективная методика «Тест кругов» Т. Коттла; техника репертуарных решеток (авторский вариант А. В. Серого, М. С. Яницкого).
3. Методы статистического анализа (анализ таблиц сопряженности, корреляционный анализ, кластерный анализ, факторный анализ, дискриминантный анализ, однофакторный дисперсионный анализ, t-критерий Стьюдента, ϕ^2 - критерий углового преобразования Фишера, критерий U-Манна-Уитни, критерий Н-Краскала-Уоллеса). Статистические расчеты выполнены с использованием пакета прикладных компьютерных программ универсальной обработки табличных данных Microsoft Excel XP и пакета статистического анализа SPSS for Windows 16.0.7.
4. Качественный анализ и содержательная интерпретация результатов.

Экспериментальная база и этапы исследования. Исследование ценностно-смысловых детерминант временной перспективы личности в период кризиса идентичности проводилось в период с 2011 по 2015 гг. и состояло из следующих этапов: первый поисково-аналитический (2011-2012 гг.) – определение объекта и предмета исследования, формулирование первичной гипотезы исследования, определение и обоснование теоретических предпосылок и методологических оснований для изучения заявленной темы, постановка целей и задач, выбор методов

и методик исследования; второй (2012-2014 гг.) – проведение пилотажного исследования на малой выборке; проведение эмпирического исследования, направленного на выявление особенностей ценностно-смысловых детерминант временной перспективы личности в период кризиса идентичности, на основной выборке; третий (2014-2015 гг.) – проведение обобщающего анализа данных, полученных в ходе исследования; систематизация результатов, формулировка выводов по исследованию, оформление текста диссертационной работы.

Эмпирическую базу исследования составили студенты высших профессиональных учебных заведений г. Петропавловска-Камчатского. Общее количество опрошенных респондентов составило 288 человек – студенты различных специальностей и направлений подготовки, с 1 по 5 курс. Возраст респондентов варьировался от 18 до 24 лет (средний возраст испытуемых составил 20 полных лет). Выбор именно данной группы испытуемых основывается на положении о нормативном переживании кризиса идентичности в период юности (Э. Эриксон), совпадающим с поступлением и процессом обучения в высшем учебном заведении.

Надежность и достоверность результатов исследования обеспечивалась методологической обоснованностью исходных положений, применением комплекса взаимодополняющих психодиагностических методик, соответствующих цели, задачам и гипотезам исследования, достаточным объемом выборки и ее репрезентативностью, корректным применением методов математической статистики при обработке экспериментальных данных, содержательным анализом выявленных фактов и закономерностей.

Научная новизна исследования заключается в том, что:

- исследованы психологические феномены, указывающие на сложный детерминационный характер взаимосвязи ценностно-смысловой сферы, временной перспективы и идентификационных процессов личности;
- получены экспериментальные доказательства ценностно-смысловой детерминации временной перспективы личности в период переживания кризиса идентичности;

- выявлены и описаны ценностно-смысловые детерминанты временной перспективы личности, в качестве которых выступают смысложизненные ориентации и уровень внутреннего локуса контроля, отражающие интернализированные ценности и их согласованность с мотивационными устремлениями;
- определены особенности временной перспективы личности и ценностно-смысловой сферы, характерные для состояния переживания кризиса идентичности;
- доказана возможность использования показателей временной перспективы личности в качестве предикторов переживания кризиса идентичности.

Теоретическая значимость заключается в том, что:

- уточнено понятие «временная перспектива личности» как обусловленное культурными и ценностно-смысловыми факторами динамическое образование, которое отражает отношение личности ко времени и предполагает процесс объединения прошлого, настоящего и будущего во временные категории, структурирующие и придающие смысл всему времени жизни и выполняющие мотивационно-регулирующую функцию;
- расширено представление о ценностно-смысловой сфере и ее структурных компонентах как о факторах детерминирующих временную перспективу личности в период переживания кризиса идентичности;
- теоретически обоснована возможность рассмотрения особенностей временной перспективы личности в период кризиса идентичности как предикторов переживания кризиса идентичности.

Практическая значимость исследования. Определена возможность использования показателей временной перспективы в качестве предикторов переживания кризиса идентичности, что позволяет использовать полученные данные как в диагностических целях, так и с целью разработки специализированных программ психологического сопровождения, предполагающих работу с временной перспективой личности для оптимального разрешения кризиса идентичности.

Разработан и апробирован пакет исследовательских методов и методик, применение которых позволяет собрать комплексный материал, характеризующий

состояние временной перспективы личности в период переживания кризиса идентичности.

Разработано основание для использования знаний о ценностно-смысловых детерминантах временной перспективы личности в консультативной и психотерапевтической практиках с целью формирования сбалансированной временной перспективы, ответственной за гармоничное функционирование человека в окружающей действительности.

Предложена система диагностических показателей, отражающих различные параметры процесса идентификации и особенностей ценностно-смысловой сферы, которые могут быть использованы для выявления кризиса идентичности.

Данные проведенного исследования могут использоваться в учебном процессе вузов при подготовке студентов психологических направлений, так как детализируют разделы психологии личности, возрастной и социальной психологии.

Положения, выносимые на защиту:

1. Ценностно-смысловыми детерминантами временной перспективы личности являются смысложизненные ориентации и локус контроля, отражающие интернализованные ценности и мотивы. Наибольшую степень выраженности детерминация временной перспективы ценностно-смысловыми образованиями приобретает в период кризиса идентичности.

2. Взаимообусловленное сближение смысловых образов «Я», локализованных в различных временных зонах опосредует особенности как временной перспективы личности, так и ценностно-смысловой сферы в процессе идентификации. При этом в процессе идентификации при переживании кризиса идентичности происходит обесценивание образа «Я в прошлом», дезинтеграция на поведенческом и смысловом уровне личностной и социальной составляющих идентичности; при отсутствии кризиса идентичности для процесса идентификации характерна общая позитивная оценка всех смысловых элементов идентичности, что выражается в преемственности образов «Я», локализованных в различных временных зонах, гармоничном соотношении социальной и личностной составляющих идентичности.

3. Ценностно-смысловая сфера личности при переживании кризиса идентичности характеризуется общей низкой осмысленностью жизни, десинхронизацией временных локусов смысла, отражающей жесткую локализацию личностных смыслов во времени, несогласованностью между иерархической системой ценностных ориентаций и мотивационными устремлениями.

4. Временная перспектива, опосредованная переживанием кризиса идентичности, характеризуется большей выраженностью ориентации на негативное прошлое и фаталистическое настоящее, противоречивой системой взаимосвязей и взаимообуславливания типов временной перспективы, повышением значимости временной зоны прошлого, уменьшением степени связанности временных зон настоящего и будущего, сокращением протяженности временной перспективы будущего; показатели временной перспективы личности могут выступать в качестве предикторов переживания кризиса идентичности.

Апробация работы. Материалы диссертационного исследования были представлены на следующих конференциях: ежегодная межрегиональная научно-практическая конференция «Теория и практика современных гуманитарных и естественных наук» (г. Петропавловск-Камчатский, 2011, 2012, 2013, 2015 гг.); XX Международная молодежная научная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов-2013» (г. Москва); I Международная научно-практическая конференция «Психология отношений в постнеклассической парадигме» (г. Белово, 2013 г.); XXI Международная молодежная научная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов-2014» (г. Москва); Всероссийская научно-практическая конференция «Актуальные проблемы социализации личности в поликультурном обществе» (г. Кемерово, 2015 г.)

Апробация результатов исследования осуществлялась на заседаниях Лаборатории психологических исследований проблем развития личности НИИ РГП Камчатского государственного университета имени Витуса Беринга в 2011-2015 гг.

Основные результаты исследования изложены в 10 публикациях, в том числе в 3 статьях в рецензируемом издании, входящем в перечень ВАК РФ.

Структура диссертации: отражает логику исследования и включает в себя введение, три главы, заключение, список литературы, приложения и содержит 35 таблиц и 17 рисунков. Общий объем диссертации составляет 240 страниц.

Глава 1 Теоретические основания исследования временной перспективы во взаимосвязи с ценностно-смысловой сферой личности

1.1 Становление и развитие научного подхода к проблеме психологического времени и временной перспективы личности

Для современного человека такие понятия, как биологическое время, психологическое время личности, временная перспектива, являются очевидными и естественными. Даже не разбираясь в глубинах определения сущности психологического времени личности, каждый сможет прийти к выводу, что это время, данное в личном переживании, время, которое может отличаться от физического времени, но оставаться неразрывно с ним связанным. Однако подобное отношение к пониманию времени существовало не всегда, если быть точным – переворот в представлении времени произошел совсем недавно (в историческом масштабе) – благодаря работам философов конца XVII – середины XVIII вв. (Дж. Локк, Д. Юм, И. Кант), подошедших к рассмотрению проблемы времени скорее с психологической и трансцендентальной позиции. На наш взгляд, наиболее полное и «революционное» воззрение на время было представлено в трудах И. Канта, которые стали отправной точкой в пересмотре природы времени. Неоценимый вклад в осмысление времени сделали ученые и философы середины XIX – начала XX века, среди которых выделяются такие фигуры, как Э. Гуссерль, А. Бергсон, В. Дильтей, М. Хайдеггер, Ж. Гюйо и др.

Проблема времени, как фактор человеческой жизни, волновала умы мыслителей на протяжении долгих веков, задолго до работ И. Канта, который впервые произвел попытку систематизировать и описать психологические закономерности переживания времени человеком. Гесиод, Платон, Аристотель, Сенека, Марк Аврелий, Данте, Гете, П. Монтель – список деятелей различных эпох и культур, интересующихся проблемой времени и отражающих свои размышления в философских и художественных произведениях, можно продолжать очень долго. Как отмечают Е. И. Головаха и А. А. Кроник, до середины XIX века суждения о

времени, как правило, носили умозрительный характер и являлись выражением обобщенного жизненного опыта [54, с. 16]. Однако, на наш взгляд, уже среди работ философов античности можно найти достаточно серьезные научные наработки, касающиеся попытки осмысления времени. Так, например, Аристотель уделил значительное внимание проблеме времени и выстроил концептуальное для своей эпохи понимание данного феномена, через определение «время – число движения» [12]. В целом для мыслителей античности характерно рассмотрение времени через связь с жизнью космоса, вечностью (Платон, Аристотель), жизнью мировой души (Плотин) [133,134].

Проблема времени рассматривалась и с религиозных позиций. Анализ времени во взаимосвязи с жизнью индивидуальной души был предложен Аврелием Августином (354-430 гг. н.э.), которого некоторые ученые называют автором первой психологической концепции времени. Сопоставляя время и вечность, А. Августин отмечал, что время – это противоположность вечности, время является непрерывным изменением, а вечность – напротив, неизменна и постоянна. Согласно мыслителю, время парадоксально по своей природе, так как включает в себя три компонента, существование которых вызывает определенные вопросы: это прошлое (то, чего уже не существует), будущее (то, чего пока не существует) и мгновение настоящего (то, что есть, но не имеет длительности). И с этой позиции время становится особого рода протяженностью индивидуальной души, приобретает индивидуальный и субъективный характер. Измерение времени возможно только в душе и посредством души. «Есть три времени - настоящее прошедшего, настоящее настоящего и настоящее будущего. Некие три времени эти существуют в нашей душе, и нигде в другом месте я их не вижу: настоящее прошедшего – это память; настоящее настоящего – его непосредственное созерцание; настоящее будущего – его ожидание»[3, с. 34].

Много позже Р. Декарт предложил свою интерпретацию времени как способа мыслить истинную длительность вещей [59]. Отголоски предложенных мыслителями рассуждений о природе времени можно встретить и у более поздних исследователей данного феномена. Общим для теоретических изысканий в

феноменологии времени докантовской философии, на наш взгляд, является связь времени с движением, длительностью и изменением. Уже в тот период были отмечены отдельные наблюдения, касающиеся относительности переживания равных временных отрезков в зависимости от их наполненности деятельностью, от конкретных жизненных ситуаций и эмоциональных переживаний субъекта, отмечалась ценность времени и важность умения правильно распоряжаться жизненным временем.

Таким образом, в течение длительного периода происходило накопление всевозможных фактов и наблюдений, которые становились «достаточно устойчивым элементом духовной культуры» [54, с. 17], и впоследствии послужили отправной точкой для начала научных исследований психологического времени.

Как уже было отмечено выше, И. Кант был одним из первых, кто смог строго сформулировать психологические закономерности переживания человеком времени, полагая время в качестве фундаментального слоя сознания (Е. И. Головаха, А. А. Кроник, Ю. Б. Молчанов). Согласно И. Канту время, как и пространство, является лишь формой чувственного созерцания. Именно априорное представление о времени лежит в основе восприятия одновременности и последовательности, а также в основе созерцания человеком всех явлений [79]. Кант определяет время функционально, описывая ту роль, которое время играет в познавательных способностях индивида. В своих ранних произведениях он подчеркивал, что отношение ко времени и его переживание находятся в зависимости от характера деятельности различных субъектов. Говоря об относительности восприятия времени, ученый выдвигает гипотезу о том, что в психологическом времени человек может прожить значительно больше, чем по числу лет – все зависит от степени насыщенности жизни различными изменениями или событиями [54, с. 19]. Насыщение будущего значимыми целями – предпосылка насыщения настоящего деятельностью, что приводит к наполненности.

В своих рассуждениях И. Кант подчеркивает не возможность существования времени вне нашего сознания: «Таким образом, наши утверждения показывают эмпирическую реальность времени... А так как наше созерцание всегда чувственное,

то в опыте нам никогда не может быть дан предмет, не подчиненный условию времени ... В этом, следовательно, состоит трансцендентальная идеальность времени, согласно которой оно, если отвлечься от субъективных условий чувственного созерцания, ровно ничего не означает и не может быть причислено к предметам самим по себе (безотносительно к нашему созерцанию) ни как субстанция, ни как свойство» [79, с. 139].

Анализируя кантовскую модель времени А. А. Мёдова отмечает, что время согласно философу конституирует человеческий опыт, мышление, представления и идеи и выступает в качестве фундамента содержания сознания [119].

Однако концепция И. Канта была принята далеко не всеми мыслителями как прошлого, так и современного научного сообщества. Так, например, М. Мерло-Понти, представитель экзистенциально-феноменологической модели сущности человека XX века, утверждает, что если мыслить время как конституированное сознанием (о чем писал И. Кант), то можно упустить самую сущность времени, которая состоит в переходе. Существо времени заключается в том, что прошлое, настоящее и будущее – это не одно и то же, они обладают принципиальной различностью, а абстрактная идея времени как раз неизбежно обобщает все его моменты, делает их подобными точкам в пространстве [Там же].

Важнейшей заслугой И. Канта, на наш взгляд, является рассмотрение времени, как интегрирующей материи всего сознания и бытия человека, тем не менее проблема восприятия временных различий, проблема «схватывания» последовательности и одновременности была упущена автором. Акцент на проблеме возможности схватывания временных различий и восприятия длительности объектов был сделан другим видным немецким философом, основателем феноменологии, Эдмундом Гуссерлем.

Э. Гуссерль стремится постичь длительность данных в реальности объектов, определить феноменологию времени-сознания через выделение различных уровней абстракций. Рассматривая учение о времени, изложенного Ф. Brentano, Э. Гуссерль отмечает «феноменологическое зерно» данного учения, которое заключается в отказе от сведения представлений о последовательности и длительности к

объективной длительности самого психического акта или последовательности актов [120]. Для того чтобы постичь природу ощущения последовательности и длительности объектов, согласно автору, необходимо разграничить объективное и субъективное время. Как пишет Э. Гуссерль: «Длительность ощущения и ощущение длительности различны» [57].

Феноменологическая редукция, по мнению автора, предполагающая исключение объективного времени из области внимания исследователя, является единственным способом, позволяющим изучать время как субъективную реальность. Философ ставил перед собой задачу исследовать процесс конституирования времени. В теории Э. Гуссерля неразрывно связываются такие феномены, как сознание, время, рефлексия и интенциональность. Объяснение одного феномена представляется невозможным без рассмотрения других. Ю. Б. Молчанов отмечает: «Гуссерль создает такую модель сознания, которая должна иметь дело с осознанием временных различий» [120, с. 62]. Для анализа «протекающих характеристик» имманентных объектов, а точнее для описания соотношения временных фаз восприятия протекающих феноменов, Э. Гуссерль вводит понятия «теперь», ретенции и протенции. «Теперь-точка» – является моментом настоящего или первоначальным впечатлением, удерживаемым в сознании как «только-что-прошедшее», и постоянно удаляющимся в область прошлого. Ретенция является первичной памятью, которая позволяет растягивать первичное впечатление настоящего и удерживать запечатленное содержание. Одна ретенция становится основанием для другой ретенции, что создает некий континуум восприятия длительности имманентных объектов [58]. Протенция же относится к области будущего и выполняет функцию первичного предвосхищения или первичного ожидания, является интуитивным ожиданием, представлением будущего события.

Из вышеизложенных идей следует, что постижение внутреннего чувства времени, длительности и протяженности имманентно представленных объектов, возможно лишь при феноменологической редукции, предполагающей исключение объективно существующего времени, что, на наш взгляд, позволяет говорить о

психологическом времени субъекта, данном в переживании. Кроме того труды Э. Гуссерля актуализируют проблему непрерывности потока сознания-времени, неразрывности существования этих феноменов и темпоральности самого сознания. Идеи, высказанные Э. Гуссерлем, нашли свое отражение в работах М. Хайдеггера, считавшим временность воплощением единства человеческого бытия [171].

Противопоставление объективного (абстрактного) времени и внутреннего времени мы обнаруживаем в трудах таких мыслителей, как А. Бергсон, В. Дильтей. Оба ученых отрицали возможность постижения внутреннего времени объективными и рациональными методами познания. Концепция А. Бергсона раскрывает роль творческой интуиции в постижении жизни и времени. Время, согласно философу, выступает как непрерывная реальная длительность, данная в непосредственных переживаниях и являющаяся феноменом человеческого сознания [27].

Интересно, что в своих рассуждениях философ затрагивает проблему влияния прошлого на восприятие событий настоящего. Отмечая бесконечность сохранения прошлого, философ отмечает, что прошлое следует за человеком на протяжении всего его жизненного пути. И это есть суть длительность и внутреннее время, каждый момент длительности неповторим по своей природе, потому что каждое новое мгновение воспринимается через призму накопленного опыта, хранящегося в памяти, и каждый новый воспринятый момент изменяет этот опыт и, соответственно, вновь приходящий момент, пусть даже он будет объективно тождественен предыдущему, воспринимается как иной: «Наша личность, строящаяся в каждое мгновение из накопленного опыта, постоянно меняется. Изменяясь, она не дает возможности тому или иному состоянию когда-либо повториться в глубине, даже если оно на поверхности и тождественно самому себе. Вот почему наша длительность необратима» [26].

В. Дильтей выдвигает идею о принципиальной невозможности познания времени. В размышлениях В. Дильтея время превращается из предмета понимания в предмет переживания. Согласно автору, время не возможно познать, его можно пережить. Категория переживания становится ключевой [61]. Переживание времени представляет собой единство трех временных модусов – прошлого, настоящего и

будущего. Ведущим среди временных модусов становится настоящее, понимаемое философом как состояние «здесь и сейчас», однако это состояние как таковое является не существующим: «Но поскольку настоящее никогда не есть и даже мельчайшая часть континуального продвижения во времени включает в себя настоящее и воспоминание о том, что только что было настоящим, то отсюда следует, что настоящее как таковое никогда не может быть испытано на опыте» [62]. Как и у А. Бергсона, описывающего длительность, в трудах В. Дильтея раскрывается идея о том, что реальность сиюминутного переживания каждый новый момент времени наполняется иным содержанием, таким образом, эта реальность постоянно изменяется. Согласно философу прошлое включает в себе воспоминания, будущее – представления о нем, которые обнаруживаются в страхах, желаниях, надеждах, стремлениях, настоящее же – это «наполненное реальностью мгновение», и только живя в настоящем, человек может постичь прошлое и будущее. На наш взгляд В. Дильтей в своих рассуждениях затрагивает феномен временной перспективы, закладывая основы для будущих исследователей данной проблематики: «... если мы бросим взгляд из настоящего назад в прошлое или заглянем в будущее, то каждый момент этого потока времени, независимо от того, что мы в нем обнаруживаем, будет иметь различный характер» [61].

Высказываемые философами XIX века концепции времени обнаружили жесткую необходимость в исследовательском разграничении объективного (физического) времени и субъективного времени, данного в переживании длительности и изменчивости воспринимаемых явлений. Последнее толкование времени можно непосредственно отнести к области психологии, которая в этот период начала обретать статус самостоятельной науки. Проводимые психологами того времени экспериментальные исследования различных психических явлений демонстрировали наличие специфических закономерностей в области психологического времени (Э. Титченер, Н. Ланге, Ф. Гальтон, В. Вундт, Ж. Пиаже, П. Фресс и др.). И если ранее время рассматривалось во временном и вневременном контексте, то на данном этапе возникает потребность изучения развития временных представлений во взаимосвязи с формированием пространственных представлений

[54, с. 23]. Французский философ Ж. М. Гюйо в своей книге «Происхождение идеи времени» аргументирует идею формирования временных представлений на основе пространственных, делая вывод о том, что идея времени вытекает из идеи пространства, а движение служит посредником. «Можно ... сказать, что время есть абстракция движения ... что оно представляет формулу, в которой мы резюмируем совокупность ощущений и усилий, друг от друга отличных». «Движение в пространстве создает время в человеческом сознании. Без движения нет времени» [цит. по 25, с. 240]. Сама локализация воспоминаний во времени осуществляется посредством пространственных представлений. А. Бергсон в своей рецензии на книгу Ж. М. Гюйо отмечает «Слова г. Гюйо о перспективе во времени – это не метафора. Дело в том, что он исследует время так, как можно было бы исследовать пространство, и стремится прежде всего описать механизм операции, путем которой мы различаем последовательные планы в этом пространстве нового рода» [Там же, с. 242]. Идеи Ж. М. Гюйо оказали существенное влияние на изучение проблемы психологического времени и стали основой для рассмотрения структуры времени в аналогии с пространственной организацией действительности.

Параллельно с развитием представлений о времени в философии, проблема времени активно рассматривается и в сфере естественных наук, в частности физики. Классическое представление о времени, введенное И. Ньютоном для описания физических законов, включало в себя выделение абсолютного и относительного времени. Абсолютное время безотносительно к чему-либо внешнему всегда протекает равномерно (математическое время), относительное время является мерой продолжительности и постигается чувствами через какое-либо движение [128]. Согласно ученому время является движущимся, и оно течет из прошлого в будущее. Естественно, что при таком понимании времени встает вопрос: почему течет время? Удовлетворительный ответ на этот вопрос, так же как и на вопрос о направлении времени, до сих пор не был дан. Кроме того, в общих законах физики нет конкретного определения различий между событиями прошлого, настоящего и будущего. Бурные дискуссии в среде физиков по поводу самой возможности

определения времени приводят, как отмечает Б. И. Цуканов, к выводу о неразрывности времени с познающим субъектом [176, с. 18].

Психология, зарожденная в философии и стремящаяся встать наравне с естественными науками, подошла к решению проблемы времени, имея в своем распоряжении как фундаментальные работы философов, пытающихся постичь природу длительности, последовательности и времени в целом, так и результаты исследований в области физики и других естественных наук. Для психологии, ставшей базой для интегрального подхода к изучению проблемы времени, характерно большое количество различных направлений в изучении данного вопроса. В трудах таких ученых, как И. М. Сеченов, Г. Вудроу, Д. Креч, П. Фресс, Д. Г. Элькин, В. П. Войтенко, И. Р. Пригожин, Н. Н. Брагина и Т. А. Доброхотова, А. М. Жаров, С. Л. Рубинштейн, Ю. М. Забродин и др. освещались проблемы исследования восприятия времени (предполагающие обнаружение физиологических структур, отвечающих за восприятие времени, как некоего стимула, вызывающего реакцию), изучались пороги длительности и скорости реакции, особенности функционирования биологических часов организма, психологическая относительность и направление течения субъективного времени, рассматривалась проблема длительности настоящего. Большое внимание уделялось проблеме восприятия длительности, так, Д. Г. Элькин отмечал, что восприятие чистой длительности является первым этапом в процессе субъективного преломления объективного времени [180]. Как отмечает Б. И. Цуканов: «Чтобы понять действительную природу времени, необходимо принципиально признать, что время, как реальность, существует в виде непосредственно переживаемой индивидом длительности» [176, с. 31].

Активно проводились исследования по установлению диапазона длительностей непосредственно воспринимаемых стимулов. Доказано, что недооценка или переоценка длительности находится в зависимости от модальности стимула, последовательности предъявления, уровня активности и мотивации; выделены факторы, влияющие на восприятие длительности. На начальных этапах изучения вопроса времени в рамках психологии большая доля исследований

проводилась скорее в сфере психофизиологических изысканий, чем истинно психологических. Однако все проведенные исследования указывали на существование субъективного времени, отличного от объективного и характеризуемого психологической относительностью его течения, восприятие которого носит индивидуальный характер.

При этом было определено, что отношение к переживаемому времени является опосредованным: оно формируется посредством речи и накопления социального опыта (П. Фресс, Д. Г. Элькин, Л. Д. Драголи, В. Л. Ярошук, С. Л. Рубинштейн и др.). Предположение о ведущей роли речи в формировании временных представлений стало отправной точкой для новых исследований в этой области. Именно речь, являясь носителем принятых социально-культурных норм и мер времени, позволяет человеку давать оценку переживаемых отрезков времени, дифференцировать время на основе накопленного культурного опыта, отраженного в речи [64, 65, 168, 169, 180, 189]. Изучение формирования временных категорий речи и способностей дифференцировать время при помощи речевых связей позволило сделать вывод о том, что именно благодаря речи человек овладевает законом последовательности, позволяющим простираивать временную перспективу с областями прошлого и будущего [169].

Включение проблемы восприятия времени в культурный и социальный контекст в начале XX века приводит к более широкой трактовке феномена психологического времени и позволяет исследователям включить социальный и личностный компонент в рассмотрение данного феномена.

С. Л. Рубинштейн, размышляя о времени, данном в личном переживании, писал: «Субъективно переживаемое время – это не столько кажущееся, в переживании якобы неадекватно преломленное время движущейся материи, а относительное время жизни (поведения) данной системы – человека, вполне объективно отражающее план жизни данного человека» [139, с. 305].

Как отмечают К. А. Абульханова-Славская и Т. Н. Березина – области изучения субъективного отражения времени и объективной временной организации самой психики (П. Жане, Ж. Пиаже, К. Левин, Х.Томе и др.) существовали

обособлено от исследования проблем личностного времени и времени жизненного пути [1]. В последующие десятилетия проблема психологического времени активно разрабатывается в русле разнообразных концепций. Широкая область исследований приводит к необходимости выделения различных аспектов или классификаций подходов, изучающих время.

Е. И. Головаха, А. А. Кроник, анализируя понятие психологического времени, выделяют четыре аспекта исследования времени в психологии: личностный, социально-психологический, психофизиологический и психофизический [54]. К психофизическому и психофизиологическому аспектам можно отнести исследования механизмов отражения топологических и метрических характеристик физического времени, изучение биологических ритмов, организации биологического времени, и их влияние на динамику психических процессов. Социально-психологический и личностный аспекты объединяют исследования в области культурных, исторических и социальных особенностей отражения времени человеком, а также проблемы переживания и осмысливания человеком своего индивидуального жизненного пути и времени собственной жизни [Там же]. К. А. Абульханова-Славская и Т. Н. Березина предлагают иную классификацию направлений изучения времени, выделяя четыре аспекта в проблеме времени, которые выступали в качестве предмета изучения в различных подходах: отражение (психикой, сознанием) объективного времени, большая или меньшая адекватность и механизмы отражения (восприятие времени); временные или процессуально-динамические характеристики психики (изучение биологических ритмов, органических, нейрофизиологических процессов); способность психики к регуляции времени движений, действия и деятельности; личностная организация времени жизни и деятельности (временно-пространственная композиция, в которой строятся ценностные отношения личности с миром на протяжении времени жизненного пути) [1].

В своей классификации психологии времени М. Ш. Магомед-Эминов предложил выделить три подхода: презентативный подход, который объединяет в себе исследования объективистской и субъективистской ориентированности,

направленные на восприятие оценки длительности, одновременности и последовательности факта, в первом случае, и анализ перцептивных процессов, ощущений, восприятия и переживания момента настоящего, во втором; репрезентативный подход, основывающийся на репрезентации фактов, событий, с определенным акцентом на ретроспекцию опыта; абстрактно-гипотетический подход, который строится на абстрагировании и обобщении временных отношений понятия времени, понятий прошлого, настоящего, будущего и других временных отношений [113, 114].

Предпринятые попытки классифицировать и разграничить психологические исследования проблемы времени с выделением общих оснований для каждого направления, несомненно, несут большое прикладное значение. Это позволяет систематизировать существующие исследования, повысить эффективность работы в случае необходимости проведения обобщающего анализа по проблеме времени и временной организации существования человека. На наш взгляд, все выделенные направления в рассмотренных выше классификациях в той или иной степени соответствуют общепризнанному на данный момент масштабированию психологического времени, в котором выделяется ситуативный (непосредственное восприятие и переживание коротких временных интервалов), биографический (система обобщенных временных представлений, как время личности в масштабе ее жизни) и исторический масштаб (личностная концепция времени, включающая события, происходящие до рождения и после смерти субъекта) [54]. Естественно, что всякое деление носит достаточно условный характер, особенно в ситуации современной междисциплинарной интеграции различных областей науки, однако оно необходимо для разграничения круга психологических проблем, стоящих перед учеными.

В нашем случае объектом исследования является временная перспектива, область данной проблемы относится скорее к биографическому масштабу психологического времени и в большей степени раскрыта в концепциях, рассматривающих личностную организацию времени жизни и деятельности. Предваряя рассмотрение основных характеристик временной перспективы,

остановимся на определении данного понятия и той смысловой нагрузке, что оно несет.

Общепринятая позиция сводится к тому, что сам термин «временная перспектива» был введен Л. К. Франком, хотя предпосылки к использованию подобной терминологии мы можем встретить уже в работах Ж. М. Гюйо. Введенное понятие отражало взаимосвязь прошлого, настоящего и будущего в сознании человека, а также их взаимообусловленность. Согласно Л. К. Франку, временная перспектива является целостным динамическим образованием, обусловленным как культурными, так и ценностными факторами [195]. К. Левин, изучающий проблематику психологического настоящего в жизненном пространстве и описывающий пространственную и временную протяженность горизонта настоящего, после выхода статьи Л. К. Франка стал использовать термин «временная перспектива». Определяя временную перспективу как целостность видения индивидом своего психологического будущего и своего психологического прошлого в моменте настоящего [200], К. Левин в качестве центральной точки представляет именно психологическое настоящее индивида. Ученый отмечает, что временная перспектива, существующая в данное время, отражается на уровне притязаний, настроении, конструктивности и инициативе индивида. Временная перспектива постоянно изменяется, и психологическое прошлое, настоящее и будущее оказывают взаимное влияние друг на друга: надежды и желания, направленные в будущее, отношение человека к личному прошлому так же отражаются на поведении человека, как и ситуации настоящего [96]. Кроме того, автор для более полного представления о психологическом прошлом и будущем вводит измерение реальность-ирреальность в психологическом жизненном пространстве. Реальность в данном контексте – представляет действительное прошлое индивида и наиболее вероятное будущее, ирреальность предполагает ожидания и мечты в отношении как прошлого, так и будущего. Таким образом, изначально понятие «временная перспектива» характеризовало очень широкий круг явлений, связанных с психологическим временем личности.

Бельгийский психолог Ж. Нюттен заложил направление изучения временной перспективы, как мотивационного образования, разработав когнитивно-мотивационную теорию перспективы будущего. Ж. Нюттен сделал акцент на будущем времени, представляющем потребностно-мотивационную сферу личности, положив в основу его изучения взаимосвязи будущего времени и когнитивно переработанной мотивации. Под временной перспективой Ж. Нюттен понимал последовательность событий с определенными интервалами между ними, представленными в сознании человека в некоторый конкретный момент времени. Автор включал во временную перспективу планы, задачи, намерения и иерархию целей личности, представляющие ее мотивационно-потребностную сферу и учитывающие временной порядок ожидаемых событий [129]. Таким образом, временная перспектива задается локализованными во времени объектами, которые играют роль детерминант, регулирующих поведение.

В причинно-целевой концепции психологического времени, авторами которой являются Е. И. Головаха и А. А. Кроник, в качестве временной перспективы выступает психологическое время, определяемое авторами как «форма переживания человеком структуры причинных и целевых отношений между событиями его жизненного пути» [54, с. 201]. В данном определении закладывается логическая структура самой концепции. В качестве основных элементов временной перспективы выступают не только события, но и детерминационные связи между ними. Различаются причинные (событие А является причиной события Б) и целевые (событие Б является целью события А) связи, которые выступают в качестве единиц анализа психологического времени личности. Анализ существующих связей между событиями в рамках причинно-целевой концепции позволил объяснить многие вопросы, возникающие в процессе изучения проблемы временной перспективы. Например, проблема отнесения события к психологическому прошлому, настоящему или будущему; проблема дробности психологического настоящего; проблема темпоральной удаленности события в психологическое прошлое или будущее [Там же].

Большой вклад в развитие зарубежных теорий временной перспективы внес Ф. Зимбардо. Ученый рассматривает временную перспективу как ситуационно-детерминированный процесс, на который оказывают влияние сенсорные, биологические и социальные стимулы, и в то же время, как относительно стабильную переменную индивидуальных различий. Совместно со своим коллегой Дж. Бойдом ученый дает следующее определение временной перспективе «это зачастую неосознанное отношение личности ко времени и это процесс, при помощи которого длительный поток существования объединяется во временные категории, что помогает упорядочить нашу жизнь, структурировать ее и придать ей смысл» [74, с. 58]. Временная перспектива отражает установки, убеждения и ценности, связанные со временем и локализованные во времени.

В рамках концепции личностной организации времени (К. А. Абульханова-Славская и Т. Н. Березина) представлено исследование личности в масштабах жизненного пути, который рассматривается как развернутый во времени процесс, отражающий столкновение внешнего и внутреннего содержания личности [1]. Личностное время, согласно концепции, раскрывается через активность субъекта деятельности, личности, которая активно организует собственное время жизни (данное человеку на объективном и субъективном уровне). Личность, выступающая в качестве интегратора времени жизни в целом, становится основанием всей концепции. Личностная организация времени, согласно авторам, включает трехкомпонентную структуру, на основе которой было доказано существование типологических различий: осознание времени, эмоциональное переживание времени, организация времени деятельности [2]. Продолжая развитие концепции личности как субъекта жизни (С. Л. Рубинштейн), авторы выделили три понятия, которые отражают различные пространственно-временные модальности: «жизненная позиция» – аккумулирует прошлый опыт человека и является результирующей достижений личности, одновременно являясь определенным потенциалом для будущего; «жизненная линия» – отражает траекторию жизненного движения личности; «жизненная перспектива» как новые возможности самореализации. При этом выделяется три типа жизненной перспективы:

когнитивная перспектива, личностно-мотивационная перспектива и собственно жизненная перспектива [1].

В силу неразрывной связи личности, как субъекта деятельности, и времени (как субъективного, психологического, так и объективного), изложенной в концепции личностной организации времени, попытки сравнения основных положений данной концепции с теориями, рассматривающими «типичную» временную перспективу, представляются весьма затруднительными. Однако, можно проследить аналогию между, например, личностно-мотивационной перспективой и причинной детерминацией событий (Е. И. Головаха и А. А. Кроник), когнитивной перспективой и целевой детерминацией событий. Как и у Ж. Нюттена временная перспектива в рассматриваемой концепции сводится к перспективе будущего, с указанием на мотивационную силу планирования будущего. На наш взгляд, если объединить выделенные К. А. Абульханова-Славской и Т. Н. Березиной пространственно-временные модальности, мы можем увидеть классическое представление о временной перспективе, более детально представленное и конкретно понимаемое, с ведущей ролью личности в процессе организации времени.

Разработанный О. В. Лукьяновым транстемпоральный подход позволяет посмотреть на проблему времени и временной перспективы личности с совершенной иной позиции. Для осознания целостности времени жизни, согласно автору, необходимо принимать во внимание как темпоральные характеристики (длительностные) экзистенции, так и транстемпоральные – характеристики мира длительностей [109, 110]. Принцип транстемпоральности предполагает понимание психических процессов и как движение в длительности, и как специфический процесс становления человека в полноте временных сфер (типов темпоральностей) [112].

Рассматривая транстемпоральность как «условие становления современности и своевременности, ход жизни, конституирующий форму временной целостности» [109], О. В. Лукьянов отмечает ведущую роль в формировании временной целостности «своевременности» и «современности», понимаемых как соответствие

и согласованность времен, избираемых человеком в процессе принятия экзистенциальных решений.

Роль человека в процессе становления современности, транстемпоральности существования, рассматриваемая в транстемпоральном подходе О. В. Лукьянова, в чем-то схожа с ролью личности, рассматриваемой в концепции личностной организации времени (К. А. Абульханова-Славская, Т. Н. Березина и др.) – и там, и там личность или человек являются активными субъектами конструирования темпоральной или транстемпоральной реальности собственного бытия. На наш взгляд, временная перспектива человека во всей ее многогранности и сложности находит свое отражение в предложенном О. В. Лукьяновым понятии «готовность быть». Согласно автору, готовность быть – «это жизнь, связывающая времена не только горизонтально, когда будущее определяет настоящее и прошлое, а так же наоборот, но и вертикально, когда то, что будет уже сейчас есть и уже раньше было, когда отношение к настоящему открывает смысл и будущего, и прошлого» [Там же]. Психологическое время представляет собой проникновение сознания и смыслов во множественность времен, существующих в человеке. Специфика психологического времени заключается в его «жизни», в возможности трансформироваться в процессе принятия экзистенциальных решений субъектом.

Н. Н. Толстых, рассматривая проблему развития временной перспективы личности в онтогенезе, основывается на позициях культурно-исторического подхода. Временная перспектива, в рамках концепции, предложенной Н. Н. Толстых, определяется как специфическое хронотопическое образование, заданная культурой форма интенциональности субъекта в единстве ее темпоральных и пространственных характеристик. Временная перспектива выступает в качестве репрезентации мотивационной сферы, где мотивы, являясь элементами данной сферы, объединяют пространственные и временные характеристики. Пространственная характеристика задается предметным содержанием мотива, местом в ценностно-смысловом поле, временная характеристика отражает ожидаемый период реализации данного мотива [163].

Проблема в понимании времени и его роли в жизни человека, несмотря на довольно длительный период разработки данного вопроса, остается открытой. Начиная с идей философов, поставивших во главу угла необходимость разделения объективного (физического) времени и времени, данному человеку в переживании, продолжается долгий и тернистый путь в понимании сущности времени и его роли в человеческом бытии. Сама временность существования человека, его конечность, определяет время как бесценный ресурс человеческой жизни, а значит, определение роли времени в организации психического пространства индивида становится важнейшей задачей не только психологии, но и всего научного познания. Концепции времени, зародившиеся в рамках психологии, отражают общефилософские размышления о единстве времени и сознания, об отражении времени в движении и изменениях, о времени как непрерывной длительности, данной в переживании. Будучи основанными на работах философов, исследования времени, проводимые в рамках психологии, расширили область изучения данной проблематики. Сегодня время изучается в нескольких направлениях: механизмы отражения объективного времени, временные или процессуально-динамические характеристики психики, способность психики к регуляции времени, личностная организация времени жизни и деятельности.

Идея о переживании времени как единства взаимовлияющих потоков — прошлого, настоящего и будущего, как и мысль о формировании временных представлений на основе пространственных (А. Бергсон, Э. Гуссерль, В. Дильтей, Ж. М. Гюйо) находят свое отражение в современных представлениях о временном поле действия (Л.С. Выготский), временном измерении образа мира (А.Н. Леонтьев), хронотопе (М.М. Бахтин, А.А. Ухтомский, Д.И.Фельдштейн, В.П. Зинченко); в представлениях о субъективной картине жизненного пути (С.Л. Рубинштейн, Б.Г. Ананьев, К.А. Абульханова-Славская, Т. Н. Березина); в понятии трансспектива (В. И. Ковалёв) и, конечно, в понятии временная перспектива личности.

Представления о временной перспективе личности довольно разнообразны и многогранны. Временная перспектива может выступать и как динамическое личностное образование, и как некая форма переживания единства прошлого,

настоящего и будущего; одни концепции во временную перспективу включают все три модуса временного континуума, другие – только будущее, обращая внимание на его мотивационной и смыслообразующей функции; некоторые исследователи делают акцент на структурной составляющей временной перспективы, другие – на ее аффективном компоненте.

Тем не менее, все существующие позиции в отношении психологического времени человека едины в оценке уникальности данного феномена, в этом смысле Р. Мэй очень точно отметил, что способность «выйти за непосредственные временные границы, осознанно рассматривать свой опыт в свете удаленного прошлого и будущего, действовать и реагировать в этих параметрах, извлекать опыт из прошлого тысячелетней давности и формировать долговременное будущее – и есть уникальная отличительная особенность переживаний человека» [122, с. 157].

1.2 Временная перспектива личности как психологический феномен: основные характеристики и ее динамика

Несмотря на разнообразие определений временной перспективы личности или психологического времени, все они, в сущности, описывают временной аспект существования человека в целом. Для нас этим временным аспектом является временная перспектива в самом широком ее понимании, отражающим временную природу человека, его бытие во времени и бытие времени в нем. Подобная трактовка временной перспективы позволяет говорить об основной ее функции – интеграции всех содержательных и структурных уровней, представленных в человеке, как открытой самоорганизующейся системе (В. Е. Ключко, Э. В. Галажинский, О. М. Краснорядцева, О. В. Лукьянов). Временная перспектива является сложным образованием, объединяющим временное и вневременное в человеке, интегрируя личностное прошлое, настоящее и будущее и обеспечивая «своевременное» и «современное» (по О. В. Лукьянову) функционирование человека в мире. Все исследования сходятся в высокой оценке той роли, которую играет временная

перспектива в осмыслении прошлого опыта, в определении целей и построении планов, в регуляции деятельности и жизни в целом [144]. При этом особенности временной перспективы находят свое отражение в различных концептуальных подходах, в связи с этим нами была предпринята попытка, основываясь на системном теоретическом анализе, описать основные характеристики изучаемого феномена.

Первая характеристика отражена в самом понятии временной перспективы, объединяющего две фундаментальные основы бытия – время и пространство: *временная перспектива необходимо включает пространственный аспект.*

Взаимосвязь времени и пространства глубоко отражена в идеях А. А. Ухтомского, М. М. Бахтина о «хронотопе», как синкретичном измерении нераздельных пространства и времени [165]. Хронотоп соединяет прошлое, настоящее и будущее, разворачивающиеся в реальном и виртуальном пространстве. К. А. Абульханова-Славская и Т. Н. Березина, рассматривая принцип хронотопа, отмечают его важность в процессе объединения внешнего и внутреннего, его роль интегрирующей основы [1, с. 21]. Временная перспектива представляется как система хронотопов жизненного пути: Н. Н. Толстых подходит к анализу процесса развития временной перспективы человека через рассмотрение становления индивидуального хронотопа посредством присвоения личностью культурного хронотопа [163]. Идея хронотопа предполагает неразрывность не только пространства и времени, но и смысла, заключенного в ситуации взаимодействия данных феноменов. И. О. Логинова, отмечает, что в хронотопе находит свое отражение «неповторимая специфика восприятия самим человеком собственного времени-пространства», при этом, пространство экзистенциальное, включающее ценности и смыслы [106]. Переход будущего в прошлое опосредован смыслами и ценностями личности в осуществлении себя и своей жизни [105].

Рассматривая пространственные характеристики временной перспективы, Ж. Нюттен отмечает, что собственно временная перспектива характеризуется протяженностью, глубиной, насыщенностью, степенью структурированности и уровнем реалистичности [129, с. 354]. Впечатление глубины является

фундаментальной характеристикой перспективы и создается «расстояниями» соответствующими интервалам времени, эти «расстояния» воспринимаются через «проживание последовательности» событий [Там же, с. 361].

Т. Коттл, изучая временной горизонт личности, указывает на существование двух основных концепций времени, которые позволяют субъекту интегрировать временные переживания. Первая концепция – линейная, предполагающая переживание длительности, вторая – пространственная, отражающая время, как трехмерное пространство, где в качестве измерений выступают прошлое, настоящее и будущее. Точка пересечения данных измерений находится в индивидуальном сознании [193]. Рассматривая жизненный путь в качестве некоего пространственно-временного континуума, А. Н. Славская отмечает роль актуализации времени как интегральной способности к освоению пространства жизни [1, с. 242].

Затрагивая в своих работах пространственный аспект временной перспективы, Е. И. Головаха и А. А. Кроник отмечают, что пространственное отношение можно представить через рассмотрение единичного события, изолированного от других, так как это позволит увидеть те изменения, которые произошли во внутреннем и внешнем пространстве личности. Пространственными характеристиками события, согласно авторам причинно-целевой концепции психологического времени, являются внутренняя структура и содержание, которые определяют соответствующие изменения в жизни субъекта, временные же характеристики появляются лишь при рассмотрении взаимосвязи события с другими [54].

Согласно Т. Н. Березиной, пространственный аспект психологического времени отражается в образной сфере, что представляет собой некий пространственно-временной образный континуум, включающий в себя жизненную линию и временную перспективу, события прошлого (позитивного или травмирующего характера) и ожидания будущего [28-31].

Следующая характеристика временной перспективы является логичным продолжением мысли о ее пространственном аспекте: *временная перспектива необходимо включает в себя события с их пространственно-временной локализацией.*

В подтверждение данного положения можно привести позицию Ж. Нюттена, согласно которому события, входящие во временную перспективу субъекта, а именно их ментальная репрезентация, характеризуется пространственно-временной локализацией. Согласно автору, объекты, мыслимые человеком, могут принадлежать различным временным модусам, но в сознании они сосуществуют с непосредственно воспринимаемыми объектами. В этом случае именно темпоральный знак события позволяет субъекту простроить структурированную временную перспективу. Ж. Нюттен использует термин «темпоральный знак» для возможности отнесения события к конкретному пространственно-временному локусу и определения момента реального осуществления событий. Кроме того, Ж. Нюттен отмечает, что степень отдаленности локализации объектов в будущем зависит от целостного опыта индивида, его культурного окружения и действительности в целом. Подчеркивая важность пространственно-временной локализации событий во временной перспективе, Ж. Нюттен пишет: «... последовательная темпоральная локализация событий позволяет людям ориентироваться по времени так же, как пространственные точки отсчета позволяют ориентироваться в пространстве» [129, с. 364].

Пространственно-временная локализация предполагает размещение событий по воображаемой линии жизни, но довольно часто субъективное переживание «удаленности» события в психологическое прошлое или будущее не совпадает с хронологическими датами событий. Так, например, Е. И. Головаха и А. А. Кроник, изучая удаленность событий в психологическом времени, отмечают ее обусловленность особенностями структуры причинных и целевых связей между событиями, а также локализацией временного центра [54, с. 137].

Пространственно-временная локализация объектов во временной перспективе предполагает определенную активность субъекта по организации времени жизни, из чего следует еще одна характеристика временной перспективы: *психологическое время (временная перспектива) выступает в качестве объекта, который подвергается своеобразной «организации» на различных уровнях.*

К. А. Абульханова-Славская, Т. Н. Березина отмечают, что «организация» времени жизни предполагает включение осознаваемых и неосознаваемых, интуитивных, эмоциональных способов регуляции времени. Характер подобной организации времени довольно разнообразен и индивидуально вариативен, однако, по результатам проведенных исследований были выделены различные типологии (В. И. Ковалев, К. А. Абульханова-Славская, Т. Н. Березина, Л. Ю. Кублицкене, О. В. Кузьмина), отражающие специфику личностной организации времени. Структура личностной организации времени включает три компонента: осознание времени; эмоциональное переживание времени; практическая организация времени или организация времени деятельности [1].

Т. Н. Березина выделяет два уровня организации личностью своего времени: сознательный – ориентированный на существующие в обществе социальные нормы и представления, и неосознаваемый – более глубинного, экзистенциального характера. Сознательный уровень организации жизненного времени довольно часто не совпадает с неосознаваемым. Это связывается с существующей в сознании ориентацией на социальные нормы в отношении жизненного пути человека (детство, отрочество, юность, зрелость – предполагают такие события как хождение в детский сад, обучение в школе, университете, поступление на работу, вступление в брак, рождение детей, выход на пенсию и т.д.). Но на более глубинном уровне личности, «уровне существования пространственно-временных образных гештальтов» свое отражение находят события жизненно-важные для самого человека, связанные с сильными эмоциональными переживаниями, травмирующими моментами, при этом социально значимые события (которые являются основанием для сознательной оценки жизненного пути), получают незначительное отражение на временной линии [28].

Временная перспектива личности выступает как результат когнитивных процессов, она образована объектами, существующими на репрезентационном или когнитивном уровне.

Понятие «когнитивные репрезентации» используется Ж. Нюттенем для описания «присутствия» некоего объекта временной перспективы в актуальной

психической активности субъекта. Именно эти когнитивные репрезентации объектов составляют временную перспективу: «Когнитивные репрезентации напрямую связывают нас с событиями, вне зависимости от их объективного и реального присутствия», – отмечает Ж. Нюттен [129, с. 361]. Репрезентация событий, входящих во временную перспективу, именно благодаря когнитивным процессам, становится симультанной, что в свою очередь позволяет отдаленному во времени объекту оказывать влияние на осуществляемое в настоящем поведение.

В свою очередь, Е. И. Головаха и А. А. Кроник под объектами, образующими временную перспективу, предполагают не только сами жизненные события, но и всю совокупность причинно-целевых отношений между этими событиями [54]. Именно причинно-целевые отношения событий являются результатом сознательной работы субъекта и ответственны за актуальную представленность события на когнитивном уровне. Определение актуальности конкретного события рассматривается через поле события, представляющего структуру его причинных и целевых связей с другими событиями. Количественными характеристиками поля выступают его насыщенность (общее количество связей), актуальность, реализованность и потенциальность (отражающие характер включенных в поле связей). Актуальной является связь между событиями хронологического прошлого и будущего, реализованная – между двумя событиями хронологического прошлого, потенциальная связь – связь между событиями хронологического будущего [Там же].

К. Леннингс, изучая проблему психологического времени, определяет временную перспективу как когнитивную операцию, включающую в себя эмоциональную реакцию на временные модусы прошлого, настоящего и будущего (аффективная установка) и предпочтение расположения действия в определенной темпоральной зоне [197].

По результатам исследовательской программы, проводимой на базе Стендфорского университета при участии Ф. Зимбардо и его коллег, было дано следующее определение временной перспективы, отражающее ее когнитивную природу: «Временная перспектива — это основной аспект в построении

психологического времени, которое возникает из когнитивных процессов, разделяющих жизненный опыт человека на временные рамки прошлого, настоящего и будущего» [210].

Широкая трактовка временной перспективы предполагает включение в ее структуру единство трех временных модусов – прошлого, настоящего и будущего, из чего следует такая ее характеристика: *психологическое прошлое, настоящее и будущее в структуре временной перспективы находятся в сложной системе взаимосвязей и взаимовлияний.*

Взаимосвязь прошлого, настоящего и будущего находит свое отражение в термине «транспектива», предложенном В. И. Ковалевым. Транспектива представляет собой временное образование, соединяющее в настоящем перспективу и ретроспективу, будущее и прошлое. Данное временное образование обеспечивает возможность «сквозного видения» и движения по образам в любом направлении, как из прошлого в будущее, так и из будущего в прошлое [85]. Определение транспективы очень схоже с определением временной перспективы, данной К. Левином. При этом В. И. Ковалев отмечает ведущую роль личности в процессе интеграции временных модусов. В свете постнеклассической психологии понятие транспективы усложняется, Е. В. Некрасова отмечает, что транспектива представляет собой способ бытия жизненного мира. Бытие актуальной формы реализуется в актуальной транспективе, где встречаются завершающееся прошлое (ретроспектива) и становящееся будущее: прошлое, как возможности, и будущее, как потенции. В этом взаимопереходе возможно становление и усложнение системной организации человека, изменение его жизненного мира [126].

М. Р. Гинзбург предлагает рассматривать психологическое прошлое, настоящее и будущее как компоненты жизненного поля личности, которые выполняют различные функции: воплощение прошлого опыта (функция прошлого); саморазвитие как самопознание и самореализация (функция психологического настоящего); обеспечение смысловой и временной перспективы (функция психологического будущего).

Согласно автору, взаимосвязь и взаимообусловленность компонентов жизненного поля отражает следующие характеристики:

1. Психологическое прошлое: в отношении настоящего задает границы и характер саморазвития, обуславливает успешность или неуспешность; в отношении будущего придает уверенность либо делает сомнительным.

2. Психологическое настоящее: в отношении прошлого реализует итог прошлого развития, дает возможность компенсировать прошлые неудачи и расширить представления человека о собственных возможностях; настоящее через эффективность саморазвития влияет на будущее, это влияние отражается на осмысленности / бессмысленности, структурированности / не структурированности, активности/ пассивности в планировании будущей жизни.

3. Психологическое будущее: сопоставляется с прошлым, принимается как преемственность и развитие прошлого либо как его отвержение и отрицание; по отношению к психологическому настоящему мотивирует и придает ценность или обесценивает, позитивные ожидания по отношению к будущему придают настоящему ценность, негативные – обесценивают его [53].

Будучи включенными во временную перспективу и находясь в сложной системе взаимосвязей, психологическое прошлое, настоящее и будущее отличны по своей природе и обладают специфическими особенностями.

Психологическое прошлое выступает как довольно загадочный феномен. Субъективное прошлое и прошлое в целом (отражающее реальный жизненный опыт индивида) является основой для формирования Я-концепции человека, отражается на всей линии поведения и жизнеосуществления. Однако, несмотря на кажущуюся простоту прошлого, исследователи столкнулись с рядом противоречий, требующих своего разрешения.

Так, например, на вопрос совпадает ли объективная хронология произошедших событий с субъективно представленной хронологией (что было бы вполне логично) однозначного ответа дать нельзя. Некоторые события, локализованные в прошлом, действительно в субъективной картине представлены в соответствии с реальной хронологией, однако другие события, которые произошли

довольно давно, могут восприниматься человеком, как события, произошедшие совсем недавно, или вовсе, как события настоящего. Еще более интересным моментом психологического прошлого является возможность «встраивания» в воспоминания индивида тех событий, которые никогда не происходили в жизни субъекта, однако его вера в то, что это было – оказывает реальное влияние на поведение человека в настоящем [74].

Е. И. Головаха и А. А. Кроник отмечают, что порядок событий в психологическом прошлом имеет собственные закономерности, при этом в психологическом времени субъекта наиболее значимые в биографическом масштабе события соответствуют объективной хронологии. Это связывается с той ролью, которую весомые события играют в общей временной перспективе – они становятся некими ориентирами, позволяющими субъекту отделять один жизненный этап от другого [54]. Т. Н. Березина в проведенных исследованиях подтвердила, что события, представляющие угрозу для жизни человека, психологические травмы приводят к разрыву ретроспекции, а этапные жизненные события (переезды, изменения статуса) приводят к перегибу линии жизни в точке соответствующего возраста [28].

В отношении психологического настоящего проводились исследования, задача которых состояла в выявлении субъективной длительности настоящего. В результате проведенного экспериментального исследования Т. Коттл выделил два типа субъективного настоящего: «мгновенное» настоящее, длительность которого измеряется секундами и «расширенное» настоящее, измеряемое месяцами и годами [193]. Е. И. Головаха и А. А. Кроник отмечают, что настоящее может охватывать значительные интервалы хронологического прошлого и будущего, что связано с событийным наполнением данных временных модусов [54, с. 63]. Авторы отмечают, что высокая степень актуальности события приводит к субъективному отнесению данного события в период настоящего, что может объяснять феномен парциального настоящего, заключающегося во включении в психологическое настоящее тех событий, которые объективно к настоящему не принадлежат [Там же].

Будущее, в качестве предмета исследования, рассматривалось с разных позиций. Изучалось сцепление образов будущего, структурированность данных образов, отражающих когнитивную перспективу (Т. Н. Березина), типологические особенности планирования личностного времени, отраженные в проблемном и событийном планировании (В.Ф. Серенкова, К. А. Абульханова-Славская и Т. Н. Березина) [1, 29, 145].

Следующая характеристика временной перспективы личности, находит свое отражение практически во всех концепциях, рассматривающих проблематику психологического времени личности: *события прошлого и будущего, представленные во временной перспективе субъекта, играют детерминирующую роль в его поведении.*

Доказывая данное положение, Ж. Нюттен отмечает, что именно актуальность представленности объектов на когнитивном уровне, вне зависимости от их привязанности к временному модусу, играет решающую роль в выборе линии поведения человеком [129]. Автор, уделяя большое значение перспективе будущего, рассматриваемой как значимую детерминанту поведения субъекта, отмечает, что на когнитивном уровне будущее является частью настоящего, и базовым условием позитивного влияния перспективы будущего на текущее поведение субъекта является ее реалистичность, выполняющая регулирующую функцию в текущем целенаправленном поведении [Там же, с. 352].

Мотивационная роль объектов, представленных в личном будущем, подчеркивается различными учеными (К. Левин, Ж. Нюттен, Ф. Зимбардо, Н. Н. Толстых, К. А. Абульханова-славская и др.). Еще Н. А. Бернштейн в своих работах ввел понятие модели потребного будущего, согласно которой предшествующая действию модель потребного будущего предопределяет и направляет последующее действие. Согласно Н. А. Бернштейну, именно вероятностное моделирование будущего лежит в основе активности всех организмов [166, с. 158].

Индивидуальный образ прошлого, наряду с объективным его содержанием, отражающим реальный жизненный опыт индивида, содержит в себе субъективные

оценки событий и выводы, которые индивид сделал для себя, основываясь на личном опыте. Естественным является то, что прошлое во многом определяет поведение человека в настоящем и будущем, так как именно оно отражает весь спектр выполняемых индивидом социальных ролей и деятельности, которые формируют личность субъекта. Но не все с этим соглашаются, в этом плане интересна позиция экзистенциальной психологии, в которой значимость детерминистических событий прошлого определяется настоящим и будущим. Отказавшись от рассмотрения человека как пассивной жертвы автоматического воздействия прошлого, Р. Мэй рассматривает прошлое как сферу обстоятельств, из которой человек сам выбирает события, для того чтобы реализовать свой потенциал, получить безопасность в обозримом будущем: «То, кем стремится стать индивид, детерминирует то, что он помнит из своего прошлого. В этом смысле будущее определяет прошлое» [122, с. 162].

Глубокое понимание причин происходящих в настоящий момент событий, предполагающее связь прошлого и настоящего, а также связь настоящего с локализованными в будущем целями и результатами, по мнению Е. И. Головаха и А. А. Кроника, приводят к наполнению смыслом воспринимаемого настоящего, являющегося центром сложной структуры причинно-целевых связей. Кроме того, психологическая удаленность события во временной перспективе является индикатором того, насколько большую мотивационно-регулятивную роль выполняет данное событие [54].

Временная перспектива предполагает наличие аффективной установки и доминирующей направленности на конкретный временной модус.

Эмоциональный компонент временной перспективы личности в концепции Ж. Нюттена представлен понятием «временная установка». Временная установка предполагает позитивную или негативную настроенность субъекта по отношению к временным периодам собственной жизни [129, с. 354]. Содержание временной перспективы, представленное событиями, ситуациями, проектами имеет аффективно окрашенную значимость для человека. Согласно Ж. Нюттену, события, которые имеют нейтральную аффективную оценку, не включаются во временную

перспективу субъекта, так как не являются актуально представленными в сознании. Именно аффективная или мотивационная значимость объекта приводит к тому, что человек помнит или предвосхищает его. Характеристика, которую предлагает Ж. Нюттен, описывая временную установку, во многом схожа с позицией Ф. Зимбардо о временной перспективе. Разграничивая временную установку и временную ориентацию как два разных аспекта психологического времени, Ж. Нюттен пишет: «временная ориентация – характеризует поведение субъекта и, следовательно, мыслится как преимущественная, доминирующая направленность этого поведения на объекты и события прошлого, настоящего или будущего» [Там же, с. 355].

Доминирование у человека ориентации на какой-либо временной модус (прошлое, настоящее, будущее) или ориентация на их единство является эмпирическим фактом, на основании которого многие ученые строили свои исследования. Так, например, Дж. Хорник и Д. Закай определяют временную ориентацию как «относительное доминирование прошлого, настоящего или будущего в мыслях человека» [196]. Т. Коттл при изучении доминирующих временных ориентаций отмечает, что не всегда ориентация, например, на настоящее означает полное погружение человека в текущий момент, для субъекта с доминирующей ориентацией на настоящем характерны равные области актуальности прошлого и будущего, область настоящего же является более актуальной [193].

Исследуя временные ориентации, Е. И. Головаха и А. А. Кроник вводят понятие личного временного центра, определяемого как точка отсчета, по отношению к которой межсобытийные связи понимаются как реализованные, актуальные или потенциальные. Согласно авторам, человек всегда живет в психологическом настоящем, но смещение личного временного центра в тот или иной временной локус приводит к тому, что в качестве психологического настоящего может выступать как прошлое, так и будущее. Взаимопревращение модусов психологического времени возможно благодаря механизмам временной децентрации, понимаемой как способность человека смотреть на свою жизнь с

любой временной позиции или хронологического момента [54]. Авторы отмечают, что чем более актуально в сознании настоящее, тем более подавлено прошлое и более очерчено будущее. Ориентация на прошлое отлична от ориентации на настоящее или будущее, смещение временного центра в прошлое вызывает наибольшее искажение в восприятии жизненных событий и приводит к деформации временных отношений [Там же]. Кроме того при оценке событий, относящихся к различным сферам, временной центр может находиться в различных темпоральных областях.

Ф. Зимбардо и Дж. Бойд рассматривают временную перспективу как некую тенденцию чрезмерно фиксироваться на определенном временном модусе, что приводит к формированию конкретного типа временной перспективы. В отличие, например, от Ж. Нюттена, для которого подобная фиксация определяется как временная ориентация, для Ф. Зимбардо и его коллег во временную перспективу включается, и ориентация на конкретный модус времени, и аффективная установка, которая находит свое отражение в предложенной авторами типологии временной перспективы. Исходя из положения, что временная перспектива отражает установки, убеждения и ценности, связанные со временем, Ф. Зимбардо и Дж. Бойд выделили несколько типов временной перспективы характерных для западных культур: негативное прошлое, позитивное прошлое, фаталистическое настоящее, гедонистическое настоящее, будущее, трансцендентное будущее. Кроме указанных типов временных перспектив была выделена ориентация на холистическое настоящее. Выраженность какого-либо типа временной перспективы непосредственно отражает существование доминирующей направленности на тот или иной временной модус с определенной аффективной оценкой. Не останавливаясь подробно на широко представленных в исследовательских работах описаниях первых типов временной перспективы, рассмотрим только последние. Временная перспектива типа «трансцендентное будущее» описывает будущее человека после смерти его физического тела. Приверженность трансцендентному будущему образует систему убеждений о вознаграждении и наказании после физической смерти и связывается с религиозностью, духовностью, верой в жизнь

после смерти. Ориентация на холистическое настоящее менее типична для западного человека, она предполагает умение жить в настоящем моменте, включая в него прошлое и будущее, таким образом холистическое настоящее предполагает расширение границ настоящего [74]. Ключевым понятием в рамках рассматриваемой концепции является «сбалансированная временная ориентация» – идеализированная ментальная структура, которая позволяет гибко переключаться между прошлым, будущим и настоящим в зависимости от ситуативных требований, оценки ресурсов или личностных и социальных оценок. Данная временная ориентация, являясь наиболее психологически здоровой и оптимальной, позволяет субъекту наиболее эффективно адаптироваться к требованиям современной динамичной жизни [116].

Как показали недавние исследования – профиль сбалансированной временной перспективы предполагает высокие баллы по трем позитивным временным перспективам (позитивное прошлое, гедонистическое настоящее, будущее) и ниже среднего по шкалам негативного прошлого и фаталистического настоящего [191].

Временная перспектива, выступая как «фундирующая» основа личности, находится во взаимосвязи с различными личностными структурами, что отражается на всех сферах жизнедеятельности человека.

Данное положение находит свое подтверждение в большом количестве исследований, направленных на изучение взаимосвязи временной перспективы с различными элементами ценностно-смысловой и мотивационной сферы, рассмотрение специфики временной перспективы в различных социальных группах (основанием для дифференциации могут выступать такие параметры, как возраст, профессиональная принадлежность, фактор риска, индивидуально-типологические характеристики человека и т.д.).

Довольно большое количество исследований направлено на изучение взаимосвязи временной перспективы личности и мотивационных устремлений. Например, в исследованиях И. И. Вартановой, направленных на изучение взаимосвязи временной перспективы и мотивации, показано, что в зависимости от типа мотивационных устремлений во временной перспективе будущего

представлены различные цели и ценностные ориентации [42]. Взаимосвязь временной перспективы и мотивации так же отражена в работах А. М. Голубева, М. Г. Казачинской [55].

Интерес представляют исследования временной перспективы лиц группы риска. Исследование, целью которого стало изучение специфики восприятия времени, характерного для подростков с асоциальным поведением, показало, что специфика временной перспективы в единстве с особенностями перцепции времени могут выступать в качестве показателя зрелости интеллектуального, мировоззренческого и мотивационно-поведенческого компонентов личности [142]. В исследовании Ж. С. Мамедовой было доказано, что сформированность ценностных ориентаций, специфика временной ориентации, отражающей отношение к прошлому, настоящему и будущему и дифференцированность временной перспективы различны у законопослушных и делинквентных подростков [115].

Субъективное восприятие категории времени осужденными, отбывающими пожизненное лишение свободы, представлено в работе Ю. В. Славинской и Б. Г. Бовина. Авторы доказывают, что на осознание осужденными собственной вины и возможности позитивных личностных изменений значительное влияние может оказать реструктуризация прошлого, настоящего и будущего [155].

В исследованиях, направленных на выявление специфики временной перспективы и образа будущего у людей с инвалидностью и пережитой психотравмирующей ситуацией, показано влияние психологической травмы, на оценку психологического времени личности и событий во временной перспективе (И. Л. Аристова, Н. В. Шевцова и др.) [11; 63; 135].

Большое количество исследований проводится в области взаимосвязи временной перспективы и профессиональной деятельности. Так, Н. С. Терехина отмечает, что временная перспектива связана с рефлексией, контролем поведения, субъективным возрастом, смысложизненными ориентациями и субъективным благополучием человека. Интересен тот факт, что характер взаимосвязей меняется при разной степени регламентации профессиональной деятельности [162].

Л. Э. Зотова проводит прямую зависимость успешности в профессиональной деятельности от способности индивида, опираясь на прошлое, интенсивное и положительно воспринимаемое настоящее, планировать достижения в будущем [75]. Временная перспектива рассматривается как фактор профессионально-личностного развития, активно исследуются динамические характеристики временной перспективы в процессе обучения в вузе, демонстрирующие вариативность временной перспективы на различных этапах обучения [137, 138].

В исследовании А. С. Ковдры временная перспектива личности рассматривалась как основа психологической безопасности: наибольшими личностными ресурсами психологической безопасности обладает гармоничный тип временной перспективы, для которого характерно сбалансированность позитивного отношения к прошлому, настоящему и будущему [86].

Временная перспектива связывается с выбором копинг-стратегий совладающего поведения в ситуации межличностного конфликта (А. К. Болотова, М. Р. Хачатурова) [172]. Новейшими направлениями в исследовании становится изучение влияния интернет-пространства на временную перспективу личности [177], изучение групповой временной перспективы, играющей важную роль в социальной интеграции посредством сплочения группы через формирование представления об общей судьбе, общем прошлом, общих возможностях и рисках в будущем (Т. А. Нестик) [127].

Характер временной перспективы, как динамического образования, требует отдельного рассмотрения, при этом необходимо выделить два аспекта *динамики временной перспективы* – первый аспект непосредственно связан с развитием и становлением временной перспективы в онтогенезе. Данный аспект раскрывает – как формируется временная перспектива, какие особенности временной перспективы наблюдаются на различных возрастных этапах. Второй аспект динамики отражает изменчивость временной перспективы, обусловленную иными факторами, не связанными с процессом развития индивида.

Как нами уже было отмечено, формирование временных представлений непосредственно связано с усвоением речи. Речевые формы, позволяющие

организовать весь жизненный опыт, отражают пространственно-временные характеристики объектов, включенных в этот опыт, и позволяют структурировать его в единую жизненную линию. Этот факт свидетельствует о неразрывном процессе становления временной перспективы с общим развитием сознания человека. В процессе формирования временной перспективы ведущую роль играют процессы интериоризации и социализации, ответственные за усвоение культурных и социальных норм и ценностей. В своей мотивационной теории временной перспективы Ж. Нюттен отмечает, что временная перспектива является результатом последовательного процесса развития. Подражание социальным моделям и накопление успешного личного опыта приводит индивида к созданию новых целей и расширению темпорального горизонта [129].

Описывая процесс освоения временных отношений, Е. И. Головаха и А. А. Кроник отмечают роль познания и практической деятельности в становлении временной перспективы личности. Практическая деятельность позволяет человеку на уровне объективного внешнего мира усвоить временные отношения, а познание ответственно за формирование и поэтапное развитие концепции времени, которая объединяет прошлое, настоящее и будущее субъекта, включает осознание длительности и последовательности событий, а также причинно-целевые связи между ними [54].

Согласно А. Сырцовой, среди факторов, влияющих на формирование временной перспективы можно выделить факторы, связанные с процессом социализации – культурные ценности, религиозная ориентация, тип образования, социально-экономический статус, семейные модели; и факторы ситуационные, меняющие временную перспективу в течение жизни субъекта – экономическая и политическая нестабильность, карьера и профессиональная специфика деятельности, наличие травматических событий в жизни индивида, личные успехи и неудачи, употребление психоактивных веществ [159]. Так, временная перспектива людей работающих или не имеющих опыт работы (вне зависимости от возраста) различается по выраженности ориентации на будущее. Кроме того, различия существуют в структуре временной перспективы у жителей малых и больших

городов, что также говорит в пользу социально-обусловленных факторов детерминации временной перспективы. А. Сырцова отмечает, что важные жизненные события так же могут стать причиной изменений в структуре временной перспективы человека. Подобные события приводят к изменению социальной ситуации развития личности, что отражается на смене социальных ролей, спектра решаемых проблем, и, как результат, смена привычного образа жизни и перестройка образа «Я» субъекта [158].

К. Левин, рассматривая становление временной перспективы в онтогенезе, отмечает, что увеличение временной перспективы происходит в ходе естественного развития человека. Временная перспектива ребенка включает зоны ближайшего прошлого и будущего, поведение, регулируемое такой временной перспективой, К. Левин обозначает как «примитивное поведение». В процессе взросления ребенка временная перспектива расширяется и включает события темпорально более отдаленные. Кроме того, согласно автору, нормальное развитие индивида предполагает дифференциацию в измерениях реальности-ирреальности жизненного пространства, включенного во временную перспективу, что предполагает умение человека разграничивать свои мечты и желания от фактов и наиболее вероятностных событий [96]. Подростковый возраст К. Левин обозначает как период глубокого изменения временной перспективы, который можно свести к изменению масштаба: «Вместо дней, недель или месяцев при постановке некоторых целей теперь учитываются годы» [Там же, с. 163]. Рассматривая изменения в перспективе будущего, К. Левин отмечает, что именно с подросткового возраста начинается дифференциация «идеальных целей» и «реальных целей». Сложность планирования в подростковом возрасте заключается в очень широкой области «неизведанного будущего». Как пишет К. Левин «... структура его юношеской временной перспективы будет нестабильной и неопределенной, вследствие неопределенности не только того, что может быть сделано ... но и того, что должно быть сделано. Неопределенный характер идеалов и ценностей держит подростка в состоянии конфликта и напряжения, которое тем больше, чем важнее эти проблемы» [Там же, с. 164].

Т. Коттл, рассматривая возрастную динамику временной перспективы, обнаружил, что в процессе взросления индивида возрастает удельный вес исторического прошлого и будущего в сознании. При этом логичным является наблюдение, отражающее соотношение областей прошлого и будущего в различных возрастах. Так, в возрасте 20-ти лет респонденты указывали диапазон будущего, превосходящий диапазон прошлого в три раза, а в более зрелом возрасте соотношение будущего и прошлого уравнивается [193].

Как уже было отмечено выше, Н. Н. Толстых рассматривает развитие временной перспективы личности в онтогенезе с позиции культурно-исторического подхода, представляя временную перспективу как специфическое хронотопическое образование. Согласно автору, онтогенетическое развитие временной перспективы гетерохронно по своей природе: периоды преимущественного развития темпоральных характеристик временной перспективы (младенчество, дошкольное детство, отрочество и юность) сменяются периодами преимущественного развития пространственных характеристик (раннее детство, младший школьный возраст). Связывая данные периоды с формированием воли и произвольности, Н. Н. Толстых отмечает, что этапы развития временных характеристик хронотопа благоприятны для становления воли как свободного желания, а этапы становления пространственных характеристик хронотопа – способствуют развитию произвольности, как умения регулировать свое поведение в соответствии с ситуацией. На каждом отдельном этапе формирования временной перспективы выделяются различные факторы, оказывающие влияние на данный процесс [163].

Рассматривая временную перспективу в период молодости и зрелости, Н. Н. Толстых отмечает, что возрастная специфика индивидуального хронотопа в эти этапы может быть нивелирована иными детерминирующими факторами, такими как уровень и характер образования, профессиональная ментальность, социальный статус [Там же].

Исследование возрастной динамики временной перспективы личности проводилось А. Сырцовой, рассматривающей временную перспективу как «взгляд на свою жизнь с точки зрения того или иного времени: прошлого, настоящего или

будущего, а также видение их взаимосвязей» [159]. По результатам проведенного исследования автор делает выводы о специфике временной перспективы личности через наиболее выраженные временные ориентации (Ф. Зимбардо, Дж. Бойд).

Подростковый возраст характеризуется преобладанием ориентации настоящего (в сравнении с другими возрастными группами) и большей ориентацией на будущее, чем на прошлое (в рамках данной возрастной группы). В силу существующей социальной ситуации развития, когда многие вопросы решаются взрослыми людьми, понимание связи между поступками в настоящем и результатами этих поступков в будущем уже присутствует, однако доминирующей ориентацией остается гедонистическое настоящее. Как отмечает Э. Эриксон, в юношеском возрасте наблюдается «ролевой мораторий», представляющий собой некую «отсрочку» в выполнении тех функций, которые уже появляются в расширяющемся диапазоне социальных ролей [181]. При переходе от подросткового возраста к юношескому отмечается увеличение количества жизненных планов, что, соответственно, отражается на постепенном возрастании роли будущего в общей структуре временной перспективы [18]. Результатом когнитивной структуризации будущего выступает некий образ собственной идеализированной взрослости. Осмысление подростками своего прошлого и настоящего в единстве со сформированным образом идеализированного будущего становится отправным пунктом на пути постановки личных целей и стремлении их достигать.

Для периода поздней юности и ранней зрелости (20-30 лет) наиболее характерно равновыраженная преобладающая ориентация на настоящее и будущее (в сравнении с другими возрастными группами), к концу периода ранней взрослости, согласно А. Сырцовой возрастает удельный вес ориентации на будущее [158]. Д. Левинсон отмечает, что именно на этом этапе происходит разрешение конфликтов юношеского периода, человек определяет свое место в обществе, берет на себя обязательства, выполнение которых влечет за собой более стабильную и предсказуемую жизнь [199].

На этапе средней взрослости, характеризуемого достижением определенной стабильности, у людей отмечается ведущая роль ориентации на будущее и

позитивное прошлое, умеренно высокая выраженность гедонистического настоящего. Л. П. Караваева, исследуя особенности отношения к будущему у людей с несбалансированной и со сбалансированной временной перспективой в период середины жизни, отмечает, что для обеих выборок характерно присутствие страха в отношении к будущему. Страх к будущему объясняется в связи с общей неопределенностью и сложной экономической и политической ситуацией, существующий на данный момент в обществе [80]. У женщин в этот период может наблюдаться рост ориентации на негативное прошлое и фаталистическое настоящее, что связывается с осознанием собственной ограниченности во времени и старением, особенно ярко переживаемым женщинами, теряющих с возрастом способность к деторождению [192].

С течением времени начинает возрастать представленность настоящего в общей характеристике временной перспективы, однако в возрастной группе от 50 до 59 лет ярко выражена ориентация на будущее, что, по мнению А. Сырцовой, связано с выходом на пенсию и ожиданиями, что «сейчас-то жизнь и начнется» [159]. На этом этапе образуются новые смыслы, предполагающие направленность в будущее, например – воспитание внуков, забота о будущем детей, появление новых увлечений, на которые раньше не было времени. В старших возрастных группах (после 60 лет) во временной перспективе увеличивается представленность ориентации на прошлое. Источником удовлетворения на данном возрастном этапе становится семейная жизнь, традиции, общение с детьми и внуками. Все это находит свое отражение в высокой представленности в сознании пожилых людей (от 70 и старше) позитивных мыслей о своем прошлом, что способствует развитию чувства личностной целостности (по Э. Эриксону) и непрерывности во времени [Там же].

В целом, все исследователи сходятся в оценке социально-экономических условий и культурной среды как факторов, детерминирующих временную перспективу (Е. И. Головаха, А. А. Кроник, А. Сырцова, Н. Н. Толстых, Ф. Зимбардо, Ж. Нюттен и др.). Антропологические и социологические исследования показали, что неблагоприятные культурные и социально-экономические условия приводят к укорачиванию перспективы будущего

(Ж. Нюттен, Т. Коттл, С. Клинберг). Внешние условия, не зависящие от субъекта и не поддающиеся точному прогнозу (например, нестабильная политическая ситуация или экономическое положение), сказываются на возможности протраивания долгосрочной перспективы. Отсутствие личностного планирования так же может быть результатом процесса социализации, проходящего в определенной культуре, где судьба, случай или удача является фактором, определяющим жизненный путь человека.

А. Сырцова, чьи взгляды на временную перспективу созвучны с идеями Ф. Зимбардо, отмечает, что чрезмерная концентрация на одном из времен определяется культурными, образовательными, религиозными факторами, принадлежностью к социальному классу [160]. Проведенное группой ученых исследование феномена временной перспективы в различных культурах подтверждает существование культурно заданных различий в структуре временной перспективы [158]. Роль культуры в становлении временной перспективы как специфического хронопического образования отмечает и Н. Н. Толстых [163].

В отношении изменчивости временной перспективы в течение жизни человека Ф. Зимбардо и Дж. Бойд отмечают, что временная перспектива человека может меняться под действием ситуативных сил. В качестве факторов, влияющих на изменение временной перспективы можно выделить социальные перемены, угрозу жизни, изменения в статусе личности [161, 210]. Так, например, исследование, проведенное О. Г. Квасовой, доказывают, что в экстремальных ситуациях происходят трансформации временной перспективы, основанием которой выступает смысловая интенциональность жизненного мира человека [81].

Таким образом, к основным характеристикам временной перспективы, как психологического феномена, относятся следующие:

1. Временная перспектива необходимо включает пространственный аспект и отражает единство времени и пространства.
2. Временная перспектива включает в себя события с их пространственно-временной локализацией.

3. Психологическое время (временная перспектива) выступает в качестве объекта, который подвергается своеобразной «организации» на различных уровнях.

4. Временная перспектива личности выступает как результат когнитивных процессов, она образована объектами, существующими на репрезентационном или когнитивном уровне.

5. Психологическое прошлое, настоящее и будущее в структуре временной перспективы находятся в сложной системе взаимосвязей и взаимовлияний.

6. Будучи включенными во временную перспективу и находясь в сложной системе взаимосвязей, психологическое прошлое, настоящее и будущее отличны по своей природе и обладают специфическими особенностями.

7. События прошлого и будущего, представленные во временной перспективе субъекта, играют детерминирующую роль в его поведении.

8. Временная перспектива предполагает наличие аффективной установки и доминирующей направленности на конкретный временной модус.

9. Временная перспектива, выступая как «фундирующая» основа личности, находится во взаимосвязи с различными личностными структурами, что отражается на всех сферах жизнедеятельности человека.

Кроме того временная перспектива является динамичным образованием, формируемым в процессе онтогенетического развития человека, с одной стороны, и изменяющимся под воздействием жизненных ситуаций – с другой. Процесс становления временной перспективы неразрывно связан с общим развитием сознания человека, при этом ведущую роль играют процессы интериоризации и социализации, ответственные за усвоение культурных и социальных норм и ценностей.

Онтогенетическое развитие временной перспективы гетерохронно по своей природе: периоды преимущественного развития темпоральных характеристик временной перспективы сменяются периодами преимущественного развития пространственных характеристик (Н. Н. Толстых). При этом на разных возрастных этапах временная перспектива характеризуется доминированием тех или иных временных ориентаций.

Среди факторов, влияющих на формирование временной перспективы, выделяют факторы, связанные с процессом социализации и факторы ситуационные, меняющие временную перспективу в течение жизни субъекта, при этом события, приводящие к изменению социальной ситуации развития личности и отражающиеся на смене социальных ролей, спектра решаемых проблем, также могут стать причиной изменений в структуре временной перспективы человека.

Перечисленные факторы, так или иначе, отражаются не только на временной перспективе субъекта, но и на особенностях его ценностно-смысловой сферы, из чего следует логическое заключение о сложном взаимообусловленном характере изменений в области этих психологических феноменов. Таким образом, одним из важнейших показателей временной перспективы является ее взаимосвязь с ценностно-смысловой сферой личности. Более подробно это будет представлено в следующем параграфе.

1.3 Взаимосвязь временной перспективы личности и ценностно-смысловой сферы

Развитие личности закономерно предполагает переоценку ценностей и переориентировку смыслов. Большинство ученых едины в оценке ценностно-смысловых ориентаций как задающих направленность общей линии развития человека. Ценности, смыслы, мотивы, смысложизненные ориентации определяют позицию человека к миру и самому себе, придают направленность деятельности, определяют его поведение, поступки и жизненный путь в целом. Ценностно-смысловые ориентации неразрывно связаны с временной перспективой личности. Данная позиция находит свое подтверждение и в концепциях, направленных на изучение ценностно-смысловой сферы, и в исследованиях, посвященных изучению временной перспективы личности.

С нашей точки зрения, когнитивно-мотивационная теория перспективы будущего Ж. Нюттена непосредственно отражает взаимосвязь ценностно-смысловой

сферы и временной перспективы (в данном случае перспективы будущего). Выше было указано, что, согласно Ж. Нюттену, во временную перспективу входят когнитивные репрезентации событий, локализованных в различных временных модусах, которые являются актуальными в сознании субъекта. Актуальность данных событий непосредственно связана с их ценностно-смысловой нагрузкой. Так, например, события, локализованные в будущем, только в том случае актуальны в сознании субъекта, если они отражают некие смыслы или ценности важные для него. Чем выше стоит ценность, отражаемая событием, в индивидуальной иерархии, тем большее мотивационное влияние планируемого события на настоящее поведение субъекта. Для диагностики протяженности временной перспективы будущего Ж. Нюттен предлагает специально разработанный метод мотивационной индукции, при котором анализируется темпоральная локализация каждого мотивационного объекта, представленного в сознании индивида, и чем больше мотивационных устремлений локализованных в более отдаленных временных зонах, тем большей протяженностью характеризуется временная перспектива. Таким образом, посредством диагностики мотивов, как элементов ценностно-смысловой сферы, проводится измерение временной составляющей бытия человека [129].

Представители когнитивно-мотивационной теории перспективы будущего (В. Ленс, М. Пайшау, М. Абреу, Г. Кретен, Ж. Симонс, М. Декруйнер, М. Де Волдер) проводили серии экспериментальных исследований, в которых изучалась взаимосвязь между мотивацией на выполнение каких-либо действий в настоящем и инструментальной ценностью цели, локализованной в будущем [194]. Было обнаружено, что данная взаимосвязь существует: респонденты с сильной мотивацией на выполнение деятельности приписывали значительно большую инструментальную ценность целям в отдаленном будущем. Так, В. Ленс и М. Декруйнер в своем исследовании показали, что чем выше у учеников уровень осознания важности учебы в дальнейшей жизни, тем более сильная мотивация демонстрируется в настоящем [198]. Однако другие исследования в данной области показали, что осознание важности выполняемых действий для достижения отдаленных целей является не единственным условием для повышения мотивации.

К. Ван Калстер, В. Ленс и Ж. Нюттен в ходе исследования связи воспринимаемой инструментальности и мотивации выявили, что воспринимаемая инструментальность повышает мотивацию, но только в том случае, если у респондентов наблюдается положительное отношение к своему будущему, для тех, у кого отношение к будущему носит негативный характер, взаимосвязь между инструментальностью и мотивацией становится обратной [208].

Ф. Зимбардо и Дж. Бойд особо подчеркивали, что временная перспектива отражает ценности человека как в отношении ценности времени, так и в отношении жизненных ценностей в целом. В своей книге «Парадокс времени. Новая психология времени, которая улучшит вашу жизнь», Ф. Зимбардо и Дж. Бойд предлагают конкретные техники, направленные на осознание собственной позиции в отношении времени и на работу по изменению актуальной временной перспективы. При этом зачастую изменение во временной перспективе личности сопряжено с сознательной деятельностью человека по переосмыслению событий прошлого, нахождению новых смыслов в негативном опыте и преобразованию их в некие ценности, которые позволят человеку более эффективно справляться с похожими ситуациями в дальнейшем [74].

М. Р. Гинзбург, рассматривая пространственно-временную организацию жизни человека, вводит термин «жизненное поле личности», представляющее собой «совокупность индивидуальных ценностей и смыслов и пространства реального действия актуального и потенциального, охватывающего прошлое, настоящее и будущее» [53]. Введенное автором понятие жизненного поля личности очень близко по смыслу с временной перспективой, если последнюю рассматривать не только в аспекте личного будущего. Жизненное поле личности интегрирует в себе временную, пространственную и смысловую составляющие жизни человека, что, свидетельствует о неразрывности смысла и времени. Рассматривая единство ценностно-смысловой и пространственно-временной организации жизни человека, автор отмечает первостепенную роль смыслового будущего в процессе самоопределения. Смысловой и темпоральный аспект выступает в неделимом единстве. Ценностно-смысловое ядро и собственно самореализация помещается

автором в область психологического настоящего. Характеризуя ценностно-смысловое ядро, Гинзбург выдвигает идею о непосредственной взаимосвязи между самоопределением и осмысленностью жизни и приводит к идее о том, что чем более широкий у человека спектр личностно-значимых позитивных ценностей (что, в свою очередь, непосредственно связано с возможностью испытать себя во множестве социальных ролей), тем более осмысленной предстает его жизнь [Там же]. Идея о локализации ценностно-смыслового ядра в психологическом настоящем индивида позволяет сделать предположение о возможности влияния на общую структуру временной перспективы через внутреннюю работу субъекта с системой личностных смыслов и ценностных ориентаций.

Область психологического будущего становится ответственной за обеспечение и реализацию смысловой и временной перспективы личности. Психологическое будущее отражает ценностно-смысловую нагрузку образа будущего «Я», ценностную насыщенность (диапазон будущих индивидуальных ценностей), эмоциональную окраску субъективного образа будущего [52, 53].

Смысл как детерминанту переживания времени отмечает и В. И. Ковалев: «В зависимости от того, что отдельный человек считает в своей жизни самым важным, необходимым и существенным, как раз и образуется различное отношение к использованию каждым человеком времени собственной жизни и ее различная ценностно-временная ориентация» [85].

Интерииоризация зафиксированных в культуре ценностей и смыслов также выступает в качестве одного из этапа формирования временной перспективы (Н. Н. Толстых) [163].

Неразрывная взаимосвязь ценностей, смыслов и временной перспективы прослеживается в идее А. В. Серого об актуальном смысловом состоянии, выступающим в качестве интегрального механизма функционирования системы личностных смыслов. Актуальное смысловое состояние, согласно автору, выражает субъективное отношение индивида к элементам действительности в определенной ситуации и характеризуется взаимосвязью временных компонентов субъектной реальности. Другими словами, актуальное смысловое состояние представляет собой

форму переживания совокупности актуализированных, генерализованных смыслов, размещенных во временной перспективе относительно конкретных условий действительности. Функция актуального смыслового состояния сводится к регуляции интеграции личности в условия окружающей действительности. Выделяя восемь типов актуального смыслового состояния, автор дает содержательную характеристику для каждого из них с учетом того, какой временной локус «блокирован» в плане смысловой и когнитивной нагруженности. Придерживаясь идеи о динамичности ценностно-смысловой сферы, А. В. Серый подчеркивает, что локализация личностных смыслов может носить ситуативный характер, являясь звеном в постоянной смене актуальных смысловых состояний [147]. С точки зрения А. В. Серого смысложизненные ориентации индивидуума показывают, в каких субъективных временах он живет, как соотносит и оценивает их. При этом смысложизненные ориентации представляют собой интернализованные личностью ценности и мотивы, подобное смысловое отношение и определяет особенности субъективной временной перспективы, а именно значение прошлого опыта, осмысленность настоящего и осмысленность будущего [Там же]. Необходимым условием эффективной индивидуальной жизни является синхронизация временных локусов смысла. По мнению А. В. Серого переживание кризиса может привести к тому, что человек в отношении ситуации «наделяет ее не смыслом, но значением, относящимся к одному из его временных локусов, что ведет к фиксации в этом временном локусе, а, следовательно, своеобразному «смысловому десинхронозу» [154].

На сегодняшний день отмечается рост интереса исследователей к проблеме взаимосвязи ценностно-смысловых образований и временной перспективы личности. Н. В. Хван, изучая проблему взаимосвязи временной перспективы и ценностно-смысловой организации жизненного мира человека, делает выводы о том, что временная перспектива, рассматриваемая в заявленной взаимосвязи и выступающая как элемент трансперспективы жизнеосуществления, раскрывается в новом содержательном составе: экзистенциальная исполненность, базисные убеждения. Взаимосвязь временной перспективы и личностных параметров

смыслжизненных ориентаций обуславливает типы хронотопической организации жизненного мира [173].

Ж. С. Мамедовой были изложены результаты исследования взаимосвязи ценностных ориентаций и временной перспективы личности, на примере делинквентных подростков: ближайшая временная перспектива характеризуется четкой структурированностью цели и обдуманного пути ее достижения, и напротив – отдаленная временная перспектива обнаруживает размытый образ цели и несформированный образ пути ее достижения. Говоря о характерных соотношениях особенностей ценностных ориентаций и временной перспективы личности, Ж. С. Мамедова отмечает достоверную взаимосвязь между степенью сформированности ценностных ориентаций и такими показателями временной перспективы, как ее дифференцированность, ориентация на будущее и положительное эмоциональное отношение к будущему [115].

Попытка определить взаимосвязь параметров осмысленности жизни и временной перспективы личности была предпринята О. В. Лукьяновым и Ю. Ю. Неяскиной. Выдвинуто предположение, что именно различия в характере осмысленности прошлого, насыщенности настоящего и смысловой простроенности будущего определяют специфику временной перспективы личности [111].

Взаимосвязь временной перспективы и ценностно-смысловой сферы прослеживается и в описываемых А. В. Ключко и О. М. Краснорядцевой типах личности, одной из особенностей которых является временная направленность жизни, отражающая взаимосвязь фиксации человека на какой-либо «координате» усложняющегося жизненного мира (предметная, смысловая, ценностная) и его способности ориентироваться во времени и пространстве. Так, согласно авторам, люди, фиксированные на предметном уровне, отличаются обособленностью и отстраненностью от мира, их основной жизненной задачей выступает «...продержаться, прожить, иногда прожечь» жизнь; люди, фиксированные на смысловом уровне, отличаются четкой ориентацией во времени и пространстве, мир для них выступает как «реальность, переживаемая «здесь и сейчас», основным временем жизни становится настоящее; и люди, чье жизненное пространство

центрировано на ценностных координатах, живут будущим «...через призму которого они видят настоящее; для них характерна тяга к реализации, творчеству, сверхнормативность» [90].

И. О. Логинова, рассматривая хронотопическую природу человека, как сложной самоорганизующейся системы, отмечает, что личностные смыслы и ценности опосредуют процесс перехода «поливариативного будущего в моновариативное прошлое» [105]. «Ценностно-смысловая структура ситуации» определяет процесс объединения темпорального бытия человека, создавая объемное единство его мира [Там же]. Хронотоп, с точки зрения Е. В. Некрасовой, представляет собой «динамично развивающееся ценностно-смысловое пространство человека, имеющее свое прошлое, настоящее, будущее» [126]. Таким образом, пространственно-временная организация человеком своей жизни опосредована личностными смыслами, ценностями, которые задают «направление», для объединения различных времен, в которых существует человек.

Проведенный анализ позволяет нам сделать следующие выводы, отражающие особенности взаимосвязи ценностно-смысловой сферы и временной перспективы личности: 1) ценностно-смысловые образования не просто взаимосвязаны с временной перспективой личности, а являются фундаментальной основой для формирования последней. При этом в качестве основных элементов ценностно-смысловой сферы, опосредующих становление временной перспективы выступают смыслы и интернализованные в них ценности, мотивы, установки; 2) ценностно-смысловое ядро располагается в психологическом настоящем субъекта, однако непосредственно связанные с ним психологическое прошлое и психологическое будущее так же несут в себе определенную ценностно-смысловую нагрузку; 3) сформированность системы ценностно-смысловых ориентаций непосредственно отражается на субъективном образе психологического будущего, а также на общем уровне осмысленности психологического настоящего и прошлого [45].

Опираясь на положение теории самоорганизующихся систем В. Е. Ключко, согласно которому человек, рассматриваемый в единстве с окружающей действительностью, представляет собой открытую самоорганизующуюся систему,

сочетающую в себе и образ мира (как субъективную компоненту), и образ жизни (как деятельную компоненту), и саму действительность, как многомерный мир человека, «как онтологическое основание его жизни, определяющий сам образ жизни и определяемый ею» [83], а так же основываясь на теоретических положениях ценностно-смысловой парадигмы развития личности (А. В. Серый, М. С. Яницкий), согласно которым ценностно-смысловые ориентации представляют собой динамическую систему, можно предположить, что целенаправленное или ситуационное (источником которого могут стать социальные, экономические перемены, стрессовые ситуации, кризисные периоды развития) изменение в ценностно-смысловой сфере приводит к трансформации временной перспективы личности. В связи с этим представляется необходимым теоретический анализ по проблеме ценностно-смысловой сферы личности.

1.4 Ценностно-смысловая сфера: общие представления и динамика

Ценности и смыслы, носителем которых является человек, находят свое отражение в каждом поступке, в каждой мысли, в каждом моменте времени жизни. Смыслы лежат в основе бытия человека, понимаемого в логике экзистенциализма как процесса становления во времени [122]. Взаимосвязь смыслов и ценностей не вызывает сомнения, однако содержание данной связи, как показывает анализ существующих теоретических концепций, трактуется учеными по-разному: согласно некоторым концепциям смыслы являются фундаментом формирования ценностных образований (К. А. Абульханова-Славская, А. В. Брушлинский, Б. С. Братусь, Г. Л. Будинайте, Е. В. Корнилова); другие концепции сходятся в положении, что, напротив, смыслы формируются на базе ценностных образований (Ф. Е. Василюк, Г. Е. Залесский, В. Франкл); еще одно направление, объединяющее ряд теоретических работ, позиционирует взаимосвязанный и взаимодетерминирующий характер развития и функционирования ценностных ориентаций и личностных смыслов (Д. А. Леонтьев, А. В. Серый, М. С. Яницкий, В. Ф. Сержантов и др.) [188].

На наш взгляд, рассмотрение ценностей и смыслов как взаимодействующих образований позволяет более глубоко отразить сложную природу соотношения ценностных ориентаций и личностных смыслов в качестве неразделимых составных сложной и многофункциональной системы ценностно-смысловой сферы.

А. В. Серый совместно с М. С. Яницким рассматривают взаимосвязь ценностных ориентаций и смыслов и обосновывают идею о необходимости описания не столько смысловой сферы личности, сколько ценностно-смысловой. Согласно авторам ценностно-смысловые ориентации отражают интернализованное отношение человека к определенным группам ценностей, как материальным, так и духовным. Авторы утверждают, что соотношение ценностей и личностных смыслов необходимо рассматривать, учитывая двойственную природу этих феноменов. С одной стороны, можно говорить о социальности данных образований, т.к. они выступают объективными ориентирами и критериями для построения человеком своего жизненного пути в мире и обществе, с другой стороны, данные образования являются индивидуальными, потому что отражают уровень субъективной значимости для человека окружающих его объектов (явлений действительности). Согласно рассматриваемой концепции, ценности отражают личностные смыслы, смыслы же в свою очередь наделяют внешние объекты ценностным статусом. В сознании ценности отражаются как значения, имеющие для индивида определенный смысл [148, 152, 187].

Контекстуально понятие «смысл» в психологии прежде всего связывается со смыслом жизни или с наполнением структурных элементов жизнедеятельности. Начиная с работ В. Дильтея и Э. Шпрангера, представляющих смыслы как надиндивидуальные образования, основной функцией которых выступает интеграция различных сфер жизнеосуществления и регуляция функционирования человека во внутреннем и внешнем мире, проблема смысла находит свое отражение в трудах множества как зарубежных, так и отечественных ученых (Л. С. Выготский, С. Л. Рубинштейн, А. Н. Леонтьев, А. Г. Асмолов, Б. С. Братусь, Ф. Е. Василюк, Б. В. Зейгарник, В. П. Зинченко, В. А. Иванников, В. И. Слободчиков, Д. А. Леонтьев, В. Е. Ключко, О. М. Краснорядцева, А. В. Серый, М. С. Яницкий,

О. В. Лукьянов, Е. В. Корнилова, В. Ф. Сержантов, А. Маслоу, К. Роджерс, М. Рокич, В. Франкл, В. Билски, Р. Инглихард, Ч. Моррис и др.). В теориях В. Франкла, А. Адлера, К.-Г.Юнга, Дж. Ройса смысл рассматривается как высший ориентир человеческого поведения, «вершинное» образование, в теориях А. Н. Леонтьева, Ж. Нюттена, Дж. Келли смысл является универсальным механизмом, регулирующим поведение и активность человека.

А. Адлер в своем понимании смысла был достаточно близок к современному экзистенциально-гуманистическому направлению психологии. Согласно А. Адлеру, истоки смысла находятся не в прошлом субъекта, а во всей его жизни и жизненных планах. Индивидуальная цель задает смысл поступкам, в свою очередь, первичным по отношению множества смыслов отдельных поступков является смысл жизни, выступающий в концепции А. Адлера центральным понятием [190]. К. Г. Юнг рассматривает смысл в качестве задачи жизнеосуществления человека. Смысл жизни связывается с постановкой духовных и культурных целей, что отражает его социокультурную обусловленность [183].

Во многих теоретических концепциях смысл выступает в качестве интегративной основы личности. Так, например, основным механизмом развития личности, согласно В. Франклу, является стремление к поиску и реализации смысла жизни. Данное стремление представляется как врожденная мотивационная тенденция, присущая каждому человеку. Характеризуя возможные позитивные смыслы В. Франкл вводит представление о ценностях как смысловых универсалиях, создаваемых в процессе обобщения типичных общественно-исторических ситуаций, т.е. в процессе освоения культурного опыта [101].

Дж. Ройс совместно с А. Пауэллом, в рамках разработанной ими теории личности и индивидуальных различий, рассматривают личностный смысл как интерпретацию жизни: «...теория личности должна начинаться с постулата, что люди переживают свою жизнь в свете того, что они считают "осмысленным", то есть в свете индивидуальных подходов к жизни» [204]. Основной функцией личности становится оптимизация и стабилизация личностного смысла. Ценности же выступают как связующее звено между смыслом и личностью, а ориентация на

иерархическую систему индивидуальных ценностей обеспечивает глубину смысла [203].

Концепции, рассматривающие смысл через призму интеграции личностных структур и бытия человека в целом, не дают точного определения понятию «смысл», однако отмечают ведущую роль смысла в становлении психологического и психического здоровья, указывают на влияние смысла в развитии личности и всего жизненного пути человека. На наш взгляд, природа смысла раскрывается в подходах, рассматривающих смысл как структурный элемент процессов сознания и деятельности человека.

Так в теории Ж. Нюттена поведение человека соотносится с осмысленной ситуацией в осмысленном мире. Смысл возникает при взаимодействии субъекта со средой, объектами или ситуацией и является интеллектуальным отношением между деятельностью субъекта и определенной формой осознанной или неосознанной потребности, цели, намерения [129, с. 60].

Теория личностных конструкторов Дж. Келли непосредственно связана с рассмотрением личностных смыслов, однако в своих ранних работах автор не употребляет понятие «смысл», заменяя его термином «конструкт», только в более поздних трудах Дж. Келли вводит категорию личностного смысла для рассмотрения механизмов сознания и деятельности. Ключевым положением рассматриваемой теории является следующее утверждение: способность отражения окружающей действительности является необходимым условием существования всего живого, у человека данное отражение представляет собой построение системы конструкторов, через призму которых он воспринимает окружающий мир и взаимодействует с ним. Конструкторы – это субъективные параметры категоризации и оценки событий, индивидуальные способы истолкования мира [82]. В случае, если имеющиеся у субъекта конструкторы не эффективны в предсказании результатов того или иного поведения, система конструкторов подвергается перестройке (степень которой зависит от общей эффективности существующей системы конструкторов). Непрерывный процесс развития личности, согласно автору, заключается в уточнении, обогащении и иерархизации системы личностных конструкторов. Сами же конструкторы придают

личностный смысл событиям, планам, воспоминаниям и предсказаниям. И здесь ключевым моментом выступает рассмотрение смысла – как некоего субъективного значения, приписываемого событию. Смыслы события фундируются в субъективной оценке причин и следствий данного события во временной динамике, а личностные конструкты являются некоей мерой, детерминирующей данную субъективную оценку. Важным для нас является стремление Дж. Келли не просто рассмотреть систему личностных конструктов, ее влияние на жизнь человека во всех проявлениях, но и показать динамичность существования человека и значение временного аспекта в общем понимании личности. Осмысленность жизни для Дж. Келли неразрывно связана со способностью человека видеть настоящее в прошлом и будущее в настоящем [Там же]. Таким образом, в работе Дж. Келли смысл наполняется еще одним значимым содержанием – темпоральностью, или даже транстемпоральностью, как существующий над временем и пространством.

В отечественной психологии проблема смысла рассматривалась через призму различных аспектов личности: через анализ деятельности личности (А. Н. Леонтьев, С. Л. Рубинштейн), через изучение установок (Д. Н. Узнадзе), при изучении психологических отношений (В. Н. Мясищев), через межличностное общение (К. А. Абульханова-Славская, А. А. Бодалев). В рамках деятельностного подхода проблема смысла была подвергнута довольно глубокому анализу, что в результате привело ко множеству взаимодополняющих концепций смысла.

В теории деятельности А. Н. Леонтьева понятие смысла входит в систему основных понятий. Деятельностная трактовка смысла предполагает определение смысла действия через сознаваемое отношение предмета действия к мотиву. Смысл неразрывно связывается с мотивом, а динамика смысла обуславливается динамикой деятельности субъекта. Согласно А. Н. Леонтьеву, источником смысла являются жизненные отношения, в которые включен субъект, а смыслообразующим фактором – мотив деятельности, соответственно разные мотивы одной и той же деятельности порождают разные смыслы. В структуре сознания личностный смысл выступает в качестве одной из главных образующих (наряду со значением и чувственной

тканью) и является связующим звеном между сознанием и деятельностью. В этом ракурсе личность выступает как связная система личностных смыслов [97, 98].

В. К. Вилюнас вводит термин «смысловые образования» для обобщения всех дефиниций личностного смысла, отмечая роль смысловых образований в отражении отношения свойств вещей к удовлетворению потребностей субъекта [46]. Е. В. Субботский использует понятие смысловые образования для определения той составляющей сознания, которая выполняет функцию связи человека и окружающей действительности и опосредует их взаимодействие [157]. Дальнейшая разработка данного понятия группой ученых (А. Г. Асмолов, Б. С. Братусь, Е. Е. Насиновская и др.) приводит к следующему определению: «Смысловые образования – это порожденные развитием деятельности субъекта психические образования, в которых в специфической форме отражено пристрастное, индивидуализированное отношение субъекта к миру» [16]. К смысловым образованиям можно отнести смыслообразующие мотивы, личностные смыслы и смысловые установки, доминирующие мотивы, ценности, самосознание личности (Е. Е. Насиновская, Е. З. Басина) данные образования формируются в процессе жизни и отражают индивидуальный личностный опыт, характеризующийся через субъективное отношение индивида к различным объектам [102, 123, 124]. Л. В. Запорожец и А. Г. Асмолов рассматривают смысловые установки как форму выражения личностно-смыслового отношения, отражающую личностный смысл и готовность к выполнению определенной деятельности [14, 72].

Б. С. Братусь, используя в качестве обобщающего понятия термин «смысловая сфера личности», дает более узкое определение смысловым образованиям: «целостная динамическая система, отражающая взаимоотношения внутри пучка мотивов, реализующих то или иное смысловое отношение к миру» [37]. В качестве функций смысловых образований выступает создание эскиза будущего и образование нравственной оценки действий. Смысловая сфера в данной концепции выступает как целостное явление, отражающее сложную систему взаимосвязей различных смысловых систем, динамичных по своей природе [34-38].

Ф. Е. Василюк рассматривает образование смыслов как результат внутренней деятельности переживания критических ситуаций, смысл же является пограничным образованием, отражающим согласование смысловой сферы личности и объективной реальности [43], Е. Ю. Артемьева определяет смысл как «след взаимодействия с объектом, явлением, ситуацией в виде отношения к ним» [13].

В целом, как отмечает Д. А. Леонтьев, можно выделить несколько положений, которые объединяют все концепции смысла и смысловых образований, развиваемые в русле деятельностного подхода: смысл рождается в реальных отношениях субъекта с объективной действительностью, уникальность этих отношений отражается на уникальности индивидуальной системы смыслов; источником смыслообразования выступают потребности и мотивы личности; смысл выполняет функцию регуляции поведения субъекта, то есть обладает действенностью; смысловые образования существуют в системе, отражающей все многообразие сложных взаимосвязей между составляющими ее структурами; изменение, как и рождение смысла, возможно в деятельности [102].

Д. А. Леонтьев рассматривает смысл как отношение субъекта к объекту действительности, которое определяется местом данного объекта в жизни субъекта. Системы смысловой регуляции жизни субъекта, согласно Д. А. Леонтьеву, образованы совокупностью смысловых структур, включающих в себя жизненный смысл и системы жизненных отношений субъекта [Там же, с.154].

Одним из измерений индивидуальных особенностей смысловой регуляции выступает временная локализация ведущих смысловых ориентиров. Восприятие мира как целого – в пространственной протяженности и временной перспективе – является одной из психологических предпосылок смысловой регуляции. Составляющие смысла жизни раскрываются в двух группах смысловых образований: собственно смысложизненные ориентации и внутренний локус контроля, тесно связанный с осмысленностью жизни и характеризующий общее мировоззренческое убеждение в контроле над жизнью и веру в собственную способность осуществлять такой контроль [97, 99,102].

А. В. Серый, описывая уровневую структуру системы личностных смыслов, делает вывод о необходимости включения в анализ неразрывно связанных со смысловым отношением феноменов временной перспективы, когнитивной сложности и идентичности. На основе соотношения данных категорий автор выделяет четыре уровня организации системы личностных смыслов: смысложизненный, личностный, индивидуальный и биологический. Согласно автору первым уровнем организации системы личностных смыслов является уровень биологически обусловленных смыслов, возникающих на базе ощущений и отвечающих за функционирование организма на уровне реакции на физическое воздействие окружающего мира. Индивидуальный уровень отражает потребностную сферу личности и представляет собой систему слабоосознаваемых образований, отражающих отношение мотива к цели. Третий уровень собственно личностных смыслов представлен устойчивыми личностными образованиями, выступающими в виде ценностных ориентаций личности. Основной функцией данных образований является активная и творческая интеграция личности в новые социальные условия. Четвертый уровень системы личностных смыслов представлен смысложизненными отношениями человека и является целостным восприятием человека своей жизни. Данное восприятие обусловлено широким диапазоном и структурной соподчиненностью личностных конструкторов, наличием сбалансированной временной перспективой, охватывающей широкий диапазон как прошлого, настоящего, так и будущего субъекта. Именно на данном уровне человек идентифицирует себя как субъекта жизни. Смысложизненные ориентации данного уровня системы личностных смыслов интегрируют не только сложную систему интернализованных ценностей, но и включают в себя смысловые идентификационные категории и когнитивные репрезентации Я-образа человека [148-150].

Во многих концепциях ценности и ценностные ориентации выступают в качестве составляющих смысловой сферы личности, выполняя смыслообразующую функцию (А. Г. Асмолов, Д. А. Леонтьев, О. М. Краснорядцева, А. В. Серый, А. А. Волочков, Е. Г. Ермоленко, Е. В. Субботский, А. В. Нарышкин, М. С. Яницкий

и др.). Рассматривая определение понятия ценности, мы сталкиваемся с довольно широким диапазоном трактовки. А. Маслоу практически не разделяет понятия «ценность», «потребность» и «мотивация» [117]. В свою очередь М. Рокич, определяя ценности как «устойчивые убеждения в том, что определенный способ поведения или конечная цель существования предпочтительнее с личной или социальной точек зрения, чем противоположный или обратный способ поведения, либо конечная цель существования» [цит. по 22], задает разделение ценностей, выделяя два типа – терминальные и инструментальные ценности. Ценности, согласно автору, носят абстрактный характер, имеют определенное содержание или характеристики, обладают иерархической структурой, а также тесно связаны с такими личностными факторами, как самооценка и чувство идентичности [202].

Ш. Шварц, в рамках предложенной им теории универсального характера мотивационного содержания и структуры ценностной системы, определяет ценности, как желаемые, транс-ситуационные цели, выступающие в качестве руководящих принципов в жизни человека, при этом для каждой ценности характерны определенные мотивационные тенденции. Ш. Шварц совместно со своим коллегой В. Билски, предлагают универсальную типологию ценностей, основанную на различиях в их мотивационном содержании, т.е. некой цели, достижение которой является значимой для индивида или группы [205]. В данном контексте интересен подход отечественного ученого М. С. Яницкого, который, разрабатывая структурно-динамическую модель организации и развития системы ценностных ориентаций личности, выделяет ценности адаптации (направленность на чувство безопасности как физической, так и экономической); ценности социализации (направленность на других людей); ценности индивидуализации (стремление к самоактуализации и личностному росту). Данные типы ценностных предпочтений отражают процессы развития системы ценностных ориентаций. Процессы адаптации, социализации и индивидуализации формируют три типа системы ценностных ориентаций: «защитные», «заимствованные» и «автономные» ценности [186].

С. Л. Рубинштейн отмечает, что ценности отражают значимость различных аспектов мира для человека и его жизни [139], данное утверждение является бесспорным и находит свое отражение во всех теоретических концепциях, разрабатывающих вопрос о ценностях и их значении. Так, например, С. К. Бондырева и Д. В. Колесов рассматривают ценности как систему совокупных отношений индивида к значимым для него объектам, выделяя иерархичность системы как основное свойство, репрезентирующее степень индивидуальной значимости ценности для индивида [33].

В современных отечественных исследованиях (Б. С. Братусь, С. С. Бубнова, Г. Л. Будинайте и Т. В. Корнилова, Е. И. Головаха, Г. Е. Залесский и др.) личностные ценности, регулируя активность человека как в социальном пространстве, так и во внутриличностном, предстают сложной иерархической системой, располагающейся на пересечении мировоззренческих структур сознания, смыслов и мотивационно-потребностной сферы личности.

Таким образом, система ценностных ориентаций характеризуется многоуровневостью и многомерностью, с одной стороны, и двойственным характером, отражающим обусловленность данной системы и индивидуальным, и социальным опытом – с другой. По мнению Ю. А. Шерковина, в связи с данной характеристикой системы ценностей, можно говорить о двойном функциональном значении ценностей: ценности, как основа формирования установок, направляющих поведение человека, помогающих занять определенную оценочную позицию, и ценности, выступающие в качестве своеобразной цели деятельности или как мотив деятельности и поведения [178]. Выделяя личные ценности и внешние по отношению к человеку ценности, Б. С. Братусь отличительными признаками личных ценностей называет осознанность, эмоционально-переживаемое отношение к объектам [34].

Исследователи, занимающиеся разработкой проблемы ценностей и ценностных ориентаций, сходятся в некоторых положениях, определяющих как процесс формирования ценностных ориентаций, так и функциональность данных образований. Единство во мнениях обнаруживается и в определении значения

культурной среды формирования личности в процессе становления ценностных ориентаций. В попытках определить возможные ценностные универсалии, а также найти основания для сравнения различных культур, ученые проводили масштабные кросс-культурные исследования, позволившие рассмотреть проблему ценностей с позиции макро-уровня (Г. Хофстеде, Ш. Шварц, Г. Триандис, Ч. Хэмпден-Тернер, Ф. Тромпенаарс и др.) [50].

В теории А. Н. Леонтьева основной механизм усвоения личностью ценностей общества описывается через понятие «деятельность». Именно совокупность общественных отношений к миру, реализуемых через деятельность субъекта, является основой формирования личности [98]. Л. И. Анцыферова так же отмечает, что формирование направленности личности на определенные ценности обусловлено влиянием общества. Общество, предъявляя определенную систему ценностей, транслирует ее субъекту, который в свою очередь использует данные ценности для формирования собственных индивидуально-личностных мер сравнения [10, 146]. Система ценностных ориентации выступает как способ усвоения духовной культуры общества в концепции В. Г. Алексеевой, рассматривающей ценностные ориентации как «форму включения общественных ценностей в механизм деятельности и поведения личности, как ступень перехода ценностей общества в деятельность субъекта» [4].

Ценностно-смысловая сфера выступает в качестве системы, обеспечивающей функционирование личности. Являясь ядром личности, ценностно-смысловая сфера задает направление развития другим структурным образованиям, в частности временной перспективе личности. Формирование и развитие ценностно-смысловой сферы подчиняется определенным закономерностям и носит фазовый характер. Однако изучение развития ценностно-смысловой сферы, как отдельной линии развития личности, представляется весьма затруднительным (Л. С. Выготский) [48].

В качестве психологических механизмов, обеспечивающих формирование ценностно-смысловой сферы, выделяют интериоризацию, идентификацию, интернализацию.

Интериоризация предполагает формирование стабильных структурно-функциональных единиц сознания через усвоение внешних действий с предметами и овладение внешними знаковыми средствами [32], другими словами – усвоение элементов внешней социальной деятельности и перевод их во внутренний план сознания. По мнению Б. Г. Ананьева, именно посредством интериоризации происходит общественное становление личности, формирование мотивационной и ценностной сфер [5]. Б. С. Круглов, рассматривающий интериоризацию ценностей как осознанный процесс, отмечает, что для этого необходимым условием является достаточно высокий уровень личностного развития, определенная степень сформированности высших психических функций, сознания и социально-психологической зрелости [92].

Другим механизмом формирования ценностно-смысловой сферы выступает идентификация, как процесс уподобления себя значимому другому [32]. В данном процессе немаловажную роль играет эмоциональный компонент, как отмечает П. Массен – идентификация предполагает сильную эмоциональную связь с человеком, образ и роль которого субъект принимает, ставя себя на его место [118]. Идентификация выступает как динамический процесс, предполагающий принятие внешних по отношению к человеку норм и ценностей, декларируемых социальным окружением (В. С. Мухина).

Понимание интернализации, как механизма развития системы личностных смыслов, выводится из обращения к трудам таких ученых, как В. Грулих, Я. Гудечек, А. В. Серый. Интернализация выступает как процесс сознательного и активного восприятия окружающего мира на основе воспроизводства принятых на определенном смысловом уровне норм и ценностей. Интернализация предполагает ответственную позицию субъекта, интерпретирующего события своей жизни как результат собственных выборов и действий [151].

Интериоризация, идентификация и интернализация являются, в свою очередь, условиями социализации личности, выступающей как процесс и результат осуществляемого в общении и деятельности усвоения и активного воспроизводства индивидом социального опыта, определенной системы знаний, норм и ценностей,

позволяющих человеку функционировать в качестве полноправного члена общества [89].

Процесс формирования ценностно-смысловой сферы, через становление субъективного отношения к миру, представлен в работах А. М. Лобка. Автор описывает развитие ребенка в онтогенезе как развитие форм мифологического (надбиологического) освоения мира. Суть данного процесса развития заключается в субъективизации мира, превращении нейтральных стимулов в жизненные, через раскрытие их возможностей в контексте человеческой деятельности и культуры, а также через развитие форм осмысления действительности, выходящей за пределы биологических смыслов [103, 104].

В. С. Мухина, отмечая динамику становления личностных смыслов, предлагает в качестве критерия выделения возрастных этапов рассматривать специфические формы самосознания, представленные в ценностных ориентациях, образующих систему личностных смыслов, характерные для того или иного этапа развития [121]. Первый этап характеризуется стихийным формированием личности, не направляемым самосознанием, появлением полимотивированности и соподчиненности действий. Дальнейшие изменения позиции ребенка в окружающем мире обуславливают развитие его личности, что отражается в формировании образа «Я» посредством эмоционального отношения к людям и собственного волеизъявления, выступающим в качестве потребности ребенка. Немаловажным в процессе развития смысловой сферы является возникновение ощущения себя во времени, появление психологического прошлого, настоящего и будущего. Второе рождение личности ребенка, согласно В. С. Мухиной, связано с формированием мировоззрения, собственных смыслов и активной воли [Там же]

Г. А. Вайзер, характеризуя динамику смысловой сферы отмечает, что в процессе психического развития последовательно происходят следующие изменения: иерархизация мотивов, развитие рефлексии, формирование обобщенного отношения к жизни, расширение ценностно-смыслового пространства личности, выстраивание единой жизненной линии (временной перспективы), формирование

целевой направленности на основании разрешения противоречий между выстроенной жизненной линией и реальными жизненными обстоятельствами [41].

Д. А. Леонтьев выделяет основные линии развития смысловой сферы в онтогенезе. Первой линией онтогенетического развития смысла является иерархизация, интеграция и структурное усложнение системы мотивов – начиная с трехлетнего возраста, когда на место импульсивно сменяющихся мотивов приходит их интеграция и иерархизация, позволяющая ребенку стремиться к какой-либо цели, через непосредственно непривлекательные для него действия. Второй линией развития выступает распространение процессов осмысления за пределы актуально воспринимаемой ситуации в план представления, воображения и идеаторных содержаний сознания. На основе этого формируется перспектива будущего, возникает возможность восприятия мира в целом посредством воображения, формируется смысловая регуляция [102]. На данном этапе значительную роль в процессе становления смысловой сферы играет воображение, позволяющее человеку поместить себя в нереальные (не подкрепленные жизненным опытом) ситуации, требующие личностного выбора тех или иных ценностей (С. Мадди, В. В. Зеньковский, Б. И. Додонов, И. Г. Морозова, Н. А. Носов, Е. В. Шелобанова). Ф. Е. Василюк отмечает, что воображаемые мотивы обладают реальной функцией смыслообразования, задают смысловую перспективу развития личности [43].

Третьей линией развития смысловой сфера, согласно Д. А. Леонтьеву является ее прогрессирующее опосредование социальными общностями и ценностями. Данный процесс развития связывается с регуляторной функцией ценностных образований, происходит усвоение и интеграция в структуру личности ценностей социальных групп, в которые включен индивид, сокращение роли потребностей и увеличение роли личностных ценностей в качестве источников смыслообразования. На данном этапе в полную силу вступают процессы социализации (движение от мотивации потребностной к мотивации ценностной) и интериоризации (движение от социальных ценностей к индивидуальным). Четвертая линия развития смысловой сферы представляет собой развитие осознания своих смысловых ориентаций и рефлексивного отношения к ним [102]. Ведущей здесь становится способность

произвольно воздействовать на личные смысловые ориентиры [39, 73]. Данная линия развития смысловой сферы, на наш взгляд, обуславливает возможность изменения смыслов и ценностей в течение жизни индивида. Как отмечает А. М. Лобок, смысловое поле личности постоянно трансформируется на протяжении жизни, и инструментом данной трансформации выступает рефлексивное мышление [103].

Ключевым для нашего исследования является положение об изменчивости ценностно-смысловой сферы, ее динамичном характере. Исходя из вышеизложенных концепций, мы можем сделать вывод о том, что возможные изменения ценностно-смысловой сферы, происходящее с конца подросткового возраста и далее во взрослом, непосредственно связаны со способностью человека к рефлексии, с одной стороны, и с механизмом регуляции взаимодействия человека с окружающей действительностью – с другой.

Рассматривая вопрос о возможности изменения ценностной системы личности, М. Рокич говорит о достаточной стабильности данного образования, однако в ситуациях внутриличностного конфликта, осознания существующих противоречий между отдельными ценностями, приводящих к чувству неудовлетворенности собой, происходит когнитивная реорганизация, которая в итоге приводит к изменениям в иерархической структуре ценностей индивида [50].

А. В. Серый и М. С. Яницкий отмечают, что изменчивость системы ценностей человека обуславливается меняющейся социальной средой и статусом личности в ней [149]. Динамический характер ценностно-смысловых ориентаций обуславливает общую динамику ценностно-смысловой сферы личности.

Источниками динамики смысловой сферы могут выступать различные факторы. Одним из таких факторов выступает внутренняя динамика деятельности, выполняемой субъектом (Л. Т. Потанина) [136]. Как пишет А. Н. Леонтьев, действия «перерастают тот круг деятельности, которые они реализуют, и вступают в противоречие с породившими их мотивами» [98], это приводит к возникновению новых деятельности и, соответственно, изменениям в структуре ценностно-смысловой сферы. А. Г. Асмолов с соавторами формулирует принцип

«деятельностного опосредствования», согласно которому изменение смысловых образований всегда опосредовано изменением самой деятельности субъекта [15].

В качестве факторов, обуславливающих динамику ценностно-смысловой сферы, выделяют внутренние конфликты в системе мотивов, например: разочарование в вершинном мотиве, противоречие между диапазоном мотивов и широтой мира, неадаптивная иерархическая структура мотивов, конфликт вхождения одной деятельности в разнонаправленные мотивационные подсистемы.

Как и в случае с факторами, детерминирующими становление временной перспективы, в процессе усвоения определенных ценностных и смысловых форм ведущую роль играют социокультурные, социально-экономические, политические, идеологические, социально-исторические условия, на фоне которых развивается личность. Как отмечают А. В. Серый и М. С. Яницкий: «Изменчивость субъективных ценностей и смысловых предпочтений связана с объективностью реального процесса жизни индивида и общества, в котором система ценностей проявляется и который является их отражением» [149].

На наш взгляд, в понимании динамичности ценностно-смысловой сферы необходимо учитывать включенность в систему как динамичных, так и относительно стабильных форм ценностно-смысловых образований. Кроме того, динамика и трансформация ценностей и смыслов не несет в себе абсолютные изменения в систему и полное замещение прежних форм, представленных в ней. В ином случае, любая ситуация, требующая переосмысления имеющегося жизненного опыта, приводила бы к таким личностным метаморфозам, после которых возможна полная утрата собственной идентичности. Из этого следует, что динамичность ценностно-смысловой сферы скорее предполагает некоторые изменения в иерархической структуре ценностей, отражающей индивидуальную значимость, а также изменения в системе взаимосвязей ценностей и смыслов как между собой, так и с другими элементами смысловой реальности. В подтверждение данной позиции можно привести слова А. Г. Асмолова: «Разгадку механизма внутриличностной динамики следует искать в той иерархической связи между смысловыми системами, возникновение которой и знаменует...момент рождения личности» [17, с. 354]

Однако в некоторых случаях, например при переживании жизненных ситуаций, предполагающих очень интенсивный психотравмирующий эффект, могут наблюдаться фундаментальные изменения в сложившихся системах ценностно-смысловой сферы (И. С. Кон), вплоть до обретения нового смысла жизни, смены полярности ценности (от позитивной к негативной и наоборот) [88].

Исходя из этого, логичным является предположение, что наиболее значимые изменения в структуре ценностно-смысловых отношений, происходят в периоды кризисов развития. А. Г. Асмолов по этому поводу пишет: «кризисы развития зрелой личности неизбежно сопровождаются перестройкой системы ценностей» [17, с. 316].

Наиболее чувствительные изменения в системе ценностно-смысловых ориентаций происходят при переживании кризиса идентичности, который, хоть и считается нормативным возрастным кризисом, уже давно «перешел» за рамки возрастной обусловленности. Тем не менее, в юношеском возрасте происходит наиболее яркое конфронтационное столкновение имеющегося у человека жизненного опыта (относительно небольшого) и новых требований и условий окружающей реальности, что и становится тем самым фактором, вызывающим изменения ценностно-смысловой сферы личности.

Теоретический анализ концепций, изучающих различные аспекты ценностно-смысловой сферы, позволяет нам сделать следующие выводы:

- смыслы, мотивы, установки, ценности выступают в качестве проявлений единой смысловой реальности, которая отражена в разных формах, структурах и на разных уровнях психики [101], при этом взаимосвязанный и взаимодетерминирующий характер отношения ценностных и смысловых образований позволяет говорить о единой ценностно-смысловой сфере личности;
- ценности и смыслы – фундаментальные структуры, регулирующие и опосредующие взаимодействие человека с окружающей действительностью и отражающие степень индивидуальной значимости различных феноменов действительности;
- при анализе формирования системы ценностных ориентаций и смыслов учитывается влияние культурной среды и процесса социализации, а также

деятельности и общественных отношений, в которые включен индивид. В качестве источников смысла могут выступать потребности, мотивы и интенции субъекта, а образование смысла непосредственно связано с когнитивной переработкой информации, получаемой из окружающей действительности;

- одной из основных характеристик ценностно-смысловой сферы является ее иерархическая организация, отражающая уровень значимости и актуальности тех или иных ценностей и смыслов. Ключевым показателем наличия личностного смысла является осмысленность жизни, которая отражает осмысленность прошлого, настоящего и будущего, как переживание индивидом онтологической значимости жизни;

- несмотря на относительную стабильность ценностно-смысловых образований, в процессе развития человека данная система претерпевает качественные изменения. Структурные компоненты системы могут оставаться неизменными, однако иерархическая модель ценностно-смысловых ориентаций видоизменяется, позволяя индивиду адаптироваться к новым условиям жизни. В качестве источников подобных изменений можно выделить следующие: непосредственный рост и развитие индивида, приводящий к накоплению жизненного опыта и смене социальных ролей; наличие внутриличностного конфликта, приводящего к противоречию между отдельными компонентами ценностно-смысловой сферы; неожиданное травмирующее событие, требующее перестройки ценностно-смысловой системы с целью адаптации к ситуации.

Выводы по главе

Сознание и время неразделимы в своей природе: сознание возможно лишь посредством структуризации временного единства, в свою очередь переживание времени, как некой формы длительности, отражающей изменчивость окружающего мира, невозможно представить без работы сознания. Переживание времени, как отраженного в сознании единства взаимовлияющих потоков прошлого, настоящего и будущего, представлено во временной перспективе личности. Временная

перспектива выступает в роли уникальной способности человека объединять в целое исторический опыт культуры, свой собственный опыт, реализованный в прошлом, актуальное настоящее и перспективное будущее. Как сложный и многогранный феномен, временная перспектива может быть представлена и через личностное образование, и через динамический процесс, и как форма переживания темпоральных аспектов жизни. На наш взгляд, было бы неверным сводить временную перспективу только лишь к области индивидуального будущего субъекта, хотя данная логика задается самим словом «перспектива». Если при рассмотрении временной перспективы принимать во внимание ее неразрывную связь с ценностно-смысловыми аспектами, эмоциональными установками, мотивационными и регулирующими деятельность компонентами, то представляется необходимым включение в ее структуру всех модусов временного континуума.

Принимая во внимание многоаспектность исследуемого феномена, в нашей работе мы основываемся на нескольких базовых концепциях (Л. К. Франк, К. Левин, Ф. Зимбардо, Дж. Бойд, Ж. Нюттен, Т. Коттл), позволяющих рассматривать временную перспективу как обусловленное культурными и ценностно-смысловыми факторами динамическое образование, которое отражает отношение личности ко времени и предполагает процесс объединения прошлого, настоящего и будущего во временные категории, структурирующие и придающие смысл всему времени жизни и выполняющие мотивационно-регулирующую функцию.

Временная перспектива является результатом последовательного процесса развития через накопление социального опыта, практическую и познавательную деятельность (К. Левин, Т. Коттл, Ж. Нюттен, Е. И. Головаха, А. А. Кроник, Ф. Зимбардо, Н. Н. Толстых, А. Сырцова и др.). В ходе естественного развития человека происходит увеличение и расширение временной перспективы за счет включения темпорально более удаленных событий, также наблюдается усложнение системы взаимосвязей между событиями, включенными в структуру данного образования. Динамичность временной перспективы проявляется в двух аспектах: развитие и становление временной перспективы в онтогенезе (процесс формирования временной перспективы, ее особенности на различных возрастных

этапах); изменчивость временной перспективы, обусловленная ситуационными факторами (экономическая и политическая нестабильность, профессиональная деятельность, травматические события в жизни и др.).

Изменение временной перспективы, не обусловленные нормативным развитием, как правило, связаны с различными жизненными ситуациями, вызывающими как внешние (социальные), так и внутренние (личностные) перемены. На наш взгляд, это объясняется детерминирующей ролью ценностно-смысловой сферы в процессе построения временной перспективы. Совладание с различными жизненными ситуациями связано прежде всего с перестройкой в структуре ценностно-смысловой сферы. Определяя центральную позицию личности, влияя на направленность и содержание социальной активности, отражая отношение индивида к миру и себе, ценностно-смысловые ориентации выступают как детерминанты временной перспективы личности. К таким детерминантам можно отнести ценности, смыслы, мотивы, смысложизненные ориентации, которые определяют поведение, поступки и жизненный путь человека.

Ценностные ориентации и смыслы, отраженные в индивидуальной иерархической системе, задают актуальность тем или иным событиям, включенным во временную перспективу личности, определяют ее структуру и протяженность. Сформированность системы ценностно-смысловых ориентаций непосредственно отражается на субъективном образе психологического будущего, а также на общем уровне осмысленности психологического настоящего и будущего.

При анализе формирования системы ценностных ориентаций и смыслов учитывается влияние культурной среды и процесса социализации, а также деятельности и общественных отношений, в которые включен индивид. Индивидуальная ценностно-смысловая система закладывается в реальных отношениях субъекта с объективной действительностью, что отражается в ее двойственной природе, объединившей личностное и общественное, социокультурное начало. Несмотря на относительную стабильность ценностно-смысловых образований, в процессе развития человека данная система претерпевает качественные изменения.

Таким образом, проведенный теоретический анализ по проблеме временной перспективы личности и ценностно-смысловой сфере, позволяет утверждать о сложном характере взаимосвязи данных феноменов. При этом учитывая сложность организации человека как саморазвивающейся системы и основываясь на мнениях ученых, рассматривающих ценностно-смысловую сферу, как фундирующее свойство личности (Р. Мэй, В. Франкл, К. Г. Юнг, Дж. Ройс, А. Пауэлл, Ф. Феникс, Дж. Келли, А. Н. Леонтьев, Л. В. Запорожец, А. Г. Асмолов, Е. В. Субботский, Б. С. Братусь, Д. А. Леонтьев, А. Г. Здравомыслов, Г. Л. Будинайте, Т. В. Корнилова, А. В. Серый, М. С. Яницкий и др.), можно утверждать, что индивидуальный характер временной перспективы личности обусловлен спецификой ценностно-смысловой жизненной организации субъекта. В качестве основных факторов, обуславливающих направленность, структурированность, связанность, протяженность временной перспективы могут выступать смысложизненные ориентации, интегрирующие в себе сложную систему интернализованных ценностей, мотивационных интенций, смысловых идентификационных категорий и когнитивных репрезентаций Я-образа человека.

Глава 2. Методологические основания исследования ценностно-смысловой детерминации временной перспективы личности в период кризиса идентичности

2.1 Кризис идентичности как фактор, опосредующий взаимосвязь ценностно-смысловой сферы и временной перспективы личности

Проблема идентичности сводится к вопросу – «Кто я есть?», этот вопрос затрагивает все возможные аспекты бытия человека как в социальном, так и в личностном (индивидуальном) плане. Ответить на этот вопрос не возможно без привязки смыслового и временного аспекта. Попытка ответить на этот вопрос приводит к невольному анализу всего прошлого жизненного опыта, ситуаций текущего, актуального настоящего и возможного, наиболее реального, а также идеального будущего. С другой стороны, ответ на этот вопрос требует непосредственного обращения к социальным категориям, позволяющим идентифицировать себя с точки зрения принадлежности к каким-либо социальным группам – большим и малым, будь то семья, профессиональный и учебный коллектив или сообщество, вплоть до принадлежности к определенной этнической группе. С третьей позиции – ответ на поставленный вопрос требует обращения к системе смыслов и ценностей индивида, ибо именно эта система делает для человека актуальным конкретные ипостаси своей идентификации. Таким образом, мы можем констатировать неразрывность таких понятий как «идентичность», «временная перспектива» и «ценностно-смысловая сфера».

Для проведения нашего исследования нам необходимо решить проблему операционализации кризиса идентичности. Эта проблема связана со сложностью выявления кризиса идентичности, как переживаемого субъектом процесса трансформации существующей идентичности. Для решения данной задачи, прежде всего, необходим анализ представлений об идентичности и кризисе идентичности, существующих на сегодняшний день в научном сообществе. В качестве основной цели данного анализа выступает обоснование идеи о выражении кризиса

идентичности через дезинтеграцию в различных жизненных сферах, отсутствие самоидентичности во внутреннем плане, нарушение во временной преемственности образов себя, сопровождающееся изменениями в ценностно-смысловой сфере. При этом идентичность рассматривается нами как целостное, неразделимое на социальное и личностное, образование.

Рассматривая классические представления об идентичности, необходимо четко разграничить два понятия «идентификация» и «идентичность». Несмотря на семантическую близость терминов, данные понятия все же не являются тождественными и употребляются для обозначения состояния – идентичность и процесса, ведущего к этому состоянию – идентификация [185]. Таким образом, идентичность выступает как один из результатов процесса идентификации (Е. А. Володарская, Ю. Л. Качанов, В. А. Ядов).

Большинство исследователей рассматривают идентичность, как часть Я-концепции, однако само понятие Я-концепции зачастую представлено в качестве когнитивно-аффективной системы, выполняющей те же функции, что и идентичность. По мнению Е. П. Белинской и О. А. Тихомандрицкой, это приводит к тому, что «указанные понятия во многом выступают как синонимы» [22, с. 196].

Еще одним «исследовательским» фактом, относительно понятия идентичности, является общепризнанное выделение двух ее аспектов: социальной и личностной идентичности. Более подробная детализация составляющих идентичности наблюдается в социальном ее аспекте, где в качестве основания для выделения той или иной формы идентичности выступают различные виды социализации. Примерами подобной дифференциации могут выступать исследования полоролевой, профессиональной, этнической, религиозной, гражданской идентичности личности [Там же]. Взгляды ученых на соотношение личностной и социальной идентичности отличаются противоречивостью. Одни указывают на необходимость противопоставления личностной и социальной идентичности (Дж. Тернер, Г. Тэджфелл), другие ученые утверждают первичность социального аспекта идентичности (П. Бергер, Н. В. Антонова, Ю. Л. Качанов, С. Московичи, М. Шериф) или исключительно индивидуальный характер идентичности (В. С. Малахов), еще

одна позиция отражает взаимодополняемость личностной и социальной идентичности (Ю. Хабермас, Р. Дженкинс, Т. Девос). На наш взгляд, выделенные аспекты идентичности, отражающие ориентацию человека на социальное и на уникальное во внутреннем мире, представляют собой взаимосвязанные и взаимодетерминированные части целостного образования. А. А. Бучек отмечает, что большинство авторов объединяет позиция, согласно которой идентичность выступает как многомерное структурное образование, отражающее взаимоотношения между индивидом и социокультурной общностью. В процессе данного взаимоотношения формируется осознание индивидом своей самости и, одновременно, принадлежности к этой общности [40].

Исходя из этого положения, представим краткий обзор существующих определений понятия идентичность (как в личностном, так и в социальном аспекте).

Понятие «идентичность» впервые детально было представлено в работах Э. Эриксона «Детство и общество», «Идентичность: юность и кризис». Впоследствии представления об идентичности и кризисе идентичности, предложенные Э. Эриксоном, легли в основу множества как психологических, так и социологических исследований. Согласно автору, идентичность выступает, с одной стороны, в качестве процесса организации жизненного опыта в индивидуальное «Я», с другой – в качестве сложного личностного образования, функцией которого является адаптация человека к окружающей действительности. Такое определение необходимо включает в себя динамический аспект, отражающий процессуальность идентичности, ее становление на протяжении всей жизни человека. Идентичность автор описывает как «субъективное вдохновенное ощущение тождества и целостности», при этом различая идентичность индивида и идентичность группы [182]. Идентичность индивида основана на ощущении тождества самому себе и непрерывности своего существования во времени и пространстве, а также на осознании признания окружающими воспринимаемого индивидом тождества. Развитие данной идеи мы можем найти в работах В. А. Ядова, который отмечает, что глубинная потребность личности в признании со стороны других, потребность в самореализации и ожидание позитивной оценки со стороны референтных групп и

общностей выступают как факторы, обуславливающие социальную идентификацию [184, 185].

Для Э. Эриксона персональная и социальная идентичность являются неразрывными гранями единого процесса психосоциального развития человека. Е. П. Белинская отмечает, что эриксоновское определение идентичности, как сложного личностного образования, связано с выделением трех уровней человеческой природы: индивидного, личностного и социального. Идентичность, как результат осознания человеком собственной временной протяженности, представлена на индивидном уровне; идентичность, как ощущение собственной неповторимости и уникальности жизненного опыта, представлена на личностном уровне, на социальном уровне идентичность выступает как внутренняя солидарность человека с социальными идеалами и стандартами [22, с. 191]. В формировании идентичности, по мнению Э. Эриксона, одну из главных ролей играют ценности. Продолжая данные размышления, А. Якобсон-Уайдинг пишет: «Культура предоставляет ценности и внешнее выражение этих ценностей. В той мере, в какой эти ценности относятся к моральному миру «Я», они витальны для построения образа «Я» [цит. по 52]. В своей концепции идентичности Э. Эриксон задает изначальную многогранность данного феномена, подчеркивая не только социальность идентичности, но и ее индивидуальность, неразрывность с длительностью человеческой природы и смысловой организацией внутреннего мира индивида.

Э. Фромм определяет персональную идентичность как результат индивидуализации человека, происходящей в процессе его обособления от сил природы и других людей, и в то же время у человека формируется социальная идентичность, выступающая как ответ на ведущую человеческую потребность в уходе от одиночества. Способом достижения социальной идентичности является самоотождествление с идеями, ценностями и социальными стандартами, представленными в обществе [170].

В концепции социальной идентичности, предложенной А. Тэшфелом, персональная и социальная идентичность выступают как две подсистемы общей Я-

концепции человека. Персональная идентичность отражает физическое, интеллектуальное и нравственное самоопределение человека, социальная идентичность – субъективную принадлежность к тем или иным социальным категориям, вместе с ценностными и эмоциональными проявлениями этой принадлежности. Согласно автору, данные структуры равнозначны и выступают в качестве полюсов единого биполярного континуума [206]. Дж. Тернер, рассматривая систему взаимоотношений между социальной и личностной идентичностью, приходит к выводу о наличии реципрокной взаимозависимости выделенных подсистем Я-концепции: актуализация личностного уровня идентичности подавляет социальный полюс самокатегоризации, обратный процесс (актуализация групповой идентичности) сказывается на снижении роли личностного уровня в самокатегоризации [207].

Г. Брейкуэлл предлагает иную концепцию, рассматривающую соотношение личностной и социальной идентичности. Автор представляет личностную и социальную идентичность как разные точки в процессе развития и становления единой идентичности. Формирование идентичности сводится к процессу непрерывного диалектического взаимодействия личностной и социальной идентичности на протяжении всего отрезка жизни. Г. Брейкуэлл отмечает, что личностная идентичность является вторичной по отношению к социальной: в процессе взаимодействия индивида с социальным миром происходит усвоение понятий, позволяющих субъекту «познать себя». Личностная идентичность выступает как продукт социальной, однако, будучи сформированной, начинает активно влиять на последнюю [44].

Идентичность, как целостное образование, выполняет ряд функций. Так, Н. Л. Иванова и Т. В. Румянцева выделяют следующие функции идентичности: адаптационная функция, задачей которой является приспособление человека к различным условиям, диктуемым социумом и жизненной ситуацией; ориентировочная функция, позволяющая человеку получать информацию, необходимую для эффективного социального функционирования и определения личностного положения в обществе; структурная функция, предполагающая

придание определенности и упорядоченности образу Я субъекта; целевая функция, ответственная за построение модели поведения человека и построение жизненных целей; экзистенциальная функция, предполагающая работу субъекта по осмыслению своего внутреннего Я и прогнозирования жизненного пути и личностного развития [76].

С позиции нашего исследования представляют интерес концепции, рассматривающие проблематику идентичности вкупе с временными ее аспектами. Как пишет Е. П. Белинская: «Предположение о наличии в структуре представлений человека о себе определенных временных «модусов» являются, по сути, столь же традиционными для психологических исследований личности, сколь и вся данная проблематика в целом» [22, с. 212]. Как отмечает Г. М. Андреева, важным дополнением к осознанию собственной идентичности выступает осознание времени своего существования [8].

Начиная с работ Э. Эриксона и У. Джеймса, в понятие идентичность или «Я» в качестве необходимого параметра закладывается временная преемственность опыта, идея актуализации «идеального Я», требующая оценку собственного развития в будущем [60, 182].

Т. Лукман описывает личностную идентичность как временную структуру, отражающую синтез субъективного и биологического времени. Данный синтез выступает в роли основных смыслов в конструировании целостного хода жизни. Одним из важных элементов идентичности, согласно автору, выступает рефлексивное сознание, позволяющее субъекту сохранять определенную степень свободы [201]. П. Вайнрих определяет идентичность как целостность самоконструирования, в которой то, как человек конструирует себя в настоящем, выражает преемственность между тем, каким он был в прошлом, и каким он надеется стать в будущем [44, с. 29].

Примером концепции, отражающей временной аспект идентичности, может выступать концепция возможной социальной идентичности М. Синнирелла. Согласно автору, человек, оценивая возможности своей коммуникации и образы своего ближайшего окружения, выстраивает некий репертуар «возможных “Я”»,

который непосредственно связан с оценкой вероятности реализации данных образов. «Возможное социальное Я» определяется как совокупность индивидуальных и групповых представлений о возможных прошлых и будущих группах членства и существующих у индивида образов возможного прошлого и будущего «своей» группы. «Возможное “Я”» отражает не только предполагаемое будущее, но и неосуществленное прошлое, таким образом, в структуру социальной идентичности входят как реализованные или нереализованные, относящиеся к прошлому, самохарактеристики, так и прогнозируемые, потенциальные, локализованные в субъективном будущем [20, 21].

Среди системных теорий идентичности можно выделить концепцию Р. Баумаистера. Основываясь на большом количестве исторического материала, автор определяет социальные, экономические, религиозные, философские и культурные основания для появления и развития идентичности, как реального социального явления, так и понятия. Человек выступает в двух своих ипостасях – как субъект социальной действительности и как субъект собственной психической жизни. В связи с этим, Р. Баумаистер в предложенной модели идентичности выделяет континуальность и отличительность в качестве критериев, определяющих идентичность. Континуальность отражает темпоральную природу человека и предполагает единство и целостность бытия человека в процессе протекания времени, что отражает процесс преобразования любых изменений в непрерывную, непротиворечивую целостность. «Я» – это постоянная величина, переходящая из прошлого в настоящее и будущее. Отличительность определяет индивидуальность бытия субъекта, его «непохожесть» на бытие другого человека. Отличительность в идентичности предполагает наличие таких элементов, которые будут отличать ее от других [71].

Е. П. Белинская, рассматривая временные аспекты Я-концепции и идентичности, произвела попытку обобщения различных взглядов на эту проблему. Как отмечает автор, концепции, рассматривающие активность субъекта в построении системы Я-представлений, выделяют в качестве фактора формирования Я-концепции соотношение реального образа себя и образа «Я» идеального,

обращенного в будущее. Преобладание в идеях социальной обусловленности в построении образа «Я» ведет к акцентированию внимания на Я-образы, связанные с прошлым. В подходах, рассматривающих процесс формирования Я-концепции посредством идентичности, особое внимание уделяется представлениям человека о своем ближайшем социальном будущем. Кроме того, Е. П. Белинская отмечает, что в ряде исследований подтверждается роль образов себя в прошлом и будущем как мотивационных факторов реального поведения человека. Согласованность Я-представлений во времени так же становится предметом исследований, в которых данная согласованность выступает в качестве показателя психического здоровья человека. Автор отмечает, что в исследованиях необходимо четко разводить проблематику психологического времени человека, его жизненного пути и временные аспекты идентичности [20].

Особого внимания, на наш взгляд, заслуживает процессуально-динамическая теория самоидентичности, предложенная О. В. Лукьяновым. Опираясь на идеи системной антропологической психологии и выделяя в качестве методологического основания теорию саморазвивающихся психологических систем (В. Е. Ключко, Э. В. Галажинский, О. М. Краснорядцева и др.), ученый выводит проблему идентичности (самоидентичности) в процессуально-динамический контекст, определяя человека как открытую саморазвивающуюся систему. О. В. Лукьянов отмечает, что проблема в понимании природы идентичности обусловлена господством бинарного мышления, результатом этого является выделение множества типов идентичности, увеличение вариантов понимания идентичности, выделение и сопоставление ее внутреннего и внешнего аспекта (личностного и социального) [84]. Решением данной проблемы, согласно автору, является переход от бинарного к тернарному мышлению, реализуемому в рамках постнеклассической научной парадигмы. В такой логике идентичность выступает как процессуальное явление, а не структура личности, обеспечивающая человеку тождественность самому себе: «Самоидентичность – это непрерывно идущий процесс становления идентичности, сопровождающий саморазвитие человека как присущий ему способ бытия» [110]. Идентичность является тождеством опыта, переживаемого человеком

при осознании своего «Я» в отношении времени и многообразия состояний. Человек живет не в одном потоке времени, а в неопределенном множестве потоков времен. Говоря о времени как о модусе конфликта времен, темпоральностей, О. В. Лукьянов отмечает, что время человеческой жизни выступает фокусом конфликта времен, и экзистенциальной обязанностью человека является связывание различных темпоральных миров в формы решений и жизнедеятельности [108].

Концепция О. В. Лукьянова основана на новом категориальном аппарате, транстемпоральность, как объяснительное понятие, характеризует взаимную вложенность времен, отражающую множественность смыслов прошлого, настоящего и будущего. О. В. Лукьянов пишет: «...самоидентичность есть ни что иное, как проявление эффекта транстемпоральности: человек определенным образом предуготовлен к будущему его присутствием в настоящем» [Там же]. Транстемпоральность, как «симфонизация времен» и синхронизация жизненных пространств, отражает индивидуальные особенности становления идентичности в ее процессуально-динамической форме. Саморазвитие, как условие идентичности, предполагает готовность встречи с уже представленном в настоящем будущим, данная представленность создается в виде динамических ценностно-смысловых измерений жизненного пространства человека [110]. Рассмотренная концепция, на наш взгляд, решает несколько проблем, связанных с разработкой понятия идентичность. Прежде всего, данный подход аннулирует проблему разделения идентичности на личностную и социальную; с другой стороны, рассмотрение идентичности в качестве процессуально-динамического феномена позволяет реализовать принцип «перспективы будущего» (Л. С. Выготский) и учесть основную, на наш взгляд, характеристику человеческого бытия – его временность. Кроме того, данный подход более глубоко развивает идею о кризисе идентичности как нарушении ощущения тождественности себя во времени (Э. Эриксон). Так, согласно О.В. Лукьянову, кризис идентичности выражается в неспособности человека удерживать непрерывность своего «Я» в потоке пространственно-временных трансформаций. Некоторыми формами проявления кризиса выступают: концентрация на одном из временных модусов, интолерантность к

неопределенности, нарушения транстемпоральной динамики (диссонансы саморазвития).

Анализ различных точек зрения на проблематику идентичности позволяет нам сделать краткий вывод, объединяющий на наш взгляд, многие из рассмотренных концепций: идентичность формируется в процессе социализации человека и является необходимым условием для его эффективного существования в мире; идентичность отражает, прежде всего, наличие образа «Я» в сознании субъекта, а также устойчивость этого образа во времени и пространстве вне зависимости от изменчивости окружающей действительности; различные механизмы формирования идентичности отражают единство личностного и социального опыта индивида, его направленность во внешний мир (мир социальных общностей и групп) и внутренний (мир личностных смыслов и ценностей); идентичность предполагает сохранность целостности человека при единовременном существовании его во множестве времен и пространств собственной жизни, которые меняются от ситуации к ситуации.

Опираясь на идеи Э. Эриксона, отражающие необходимость включения темпорального аспекта в рассмотрение проблемы идентичности и находящие свое подтверждение в концепциях других ученых (У. Джеймс, В. В. Нуркова, М. Синнирелла, К. Герген, Р. Харре, И. С. Кон, Н. Л. Иванова, Г. М. Андреева, Е. П. Белинская, О. А. Тихомандрицкая, О. В. Лукьянов и др.), мы определяем идентичность как результат и процесс самоопределения человека во времени и пространстве, отражающие тождество и интеграцию социального и личностного опыта (локализованного в различных временных модусах бытия) в процессе саморазвития.

Рассматривая идентичность как результат постоянного процесса поиска самотождественности человека в условиях окружающей действительности, а кризис идентичности как некое динамическое состояние, переживание которого приводит к решению противоречий между человеком и жизненными условиями, мы можем утверждать, что переживание кризиса идентичности выступает в качестве одного из факторов, приводящих к изменениям в ценностно-смысловой сфере личности, что, в свою очередь, отражается на специфике временной перспективы личности.

Далее рассмотрим различные концептуальные подходы к феномену кризиса идентичности. Как и в ситуации с определением идентичности и множества других психологических понятий, по проблеме кризиса идентичности единства во мнении ученых не наблюдается. Однако, несмотря на это, растет количество различных исследований, посвященных проблематике кризиса идентичности, что, на наш взгляд, обусловлено актуальностью данной проблемы в условиях времени глобальных перемен и общественных трансформаций. Поликультурность современного общества логично ведет к постановке вопроса о проблеме идентичности и кризиса идентичности, особенно в социальном аспекте. Как отмечает В. А. Ядов, основной характеристикой идентичности на данный момент становится ее неустойчивость, некое состояние маргинальности, позволяющее быстро реагировать на меняющиеся условия, однако приводящее к распаду социальных связей и хаотической смене неустойчивых социальных самоидентификаций [185]. Г. М. Андреева считает, что решение проблемы связи процесса глобализации и идентичности человека в условиях динамичной жизни раскрывается при введении понятия «возможная идентичность», которая раскрывает умение человека интегрироваться в определенную социальную группу и рационально соотнести личное прошлое, настоящее и будущее [6]. Таким образом, учет временного компонента идентичности, является необходимым условием для решения проблемы кризиса идентичности.

Е. П. Белинская и О. А. Тихомандрицкая, анализируя состояние проблемы кризиса идентичности, приходят к выводу, что на сегодняшний день большое количество исследований в этой области основываются на идее автономности персональной и социальной идентичности [22], что, по мнению авторов, не отражает реальной сущности данных феноменов. Проведенный нами анализ современных исследований [47, 66, 67, 68, 77, 93] показал, что большее их количество посвящено изучению кризиса именно социальной идентичности, в различных ее аспектах: профессиональной идентичности, этнической идентичности, культурной идентичности и т.д. Причем кризисная динамика идентичности является следствием динамики различных социальных структур и общества в целом, соответственно

стабильность идентичности зависит от стабильности общества (Е. Н. Данилова, В. А. Ядов, Г. М. Андреева, М. В. Заковоротная, Н. Л. Иванова, Т. В. Румянцева, Ц. П. Короленко, Н. В. Дмитриева и др.).

Интересен тот факт, что в качестве факторов, отражающих сформированность идентичности или наличие кризиса идентичности (социальной), часто выступают характеристики, относящиеся скорее к персональной (личностной) идентичности и затрагивают внутренний мир субъекта, репрезентируя его ценностно-смысловую и эмоциональную сферы. Так, например, А. А. Водяха, изучая сформированность профессиональной идентичности врачей, рассматривает ценностно-смысловые ориентации как фактор, обуславливающий уровень профессиональной идентичности [47], Д. И. Савельев, анализируя содержание кризиса идентичности отмечает, что в основе переживания данного кризиса лежит внутренний конфликт [143], И. А. Дружинина, рассматривая кризис идентичности через призму профессиональной подготовки будущих психологов, отмечает, что кризис идентичности наступает в результате нереализованности основных ценностей и стагнации в развитии личности [66], Т. С. Колябина, анализируя содержание определений кризиса идентичности, в качестве наиболее удачного определения данного феномена отмечает дефиницию, согласно которой кризис идентичности представляет собой ощущение утраты смысловой насыщенности прежних форм социальной идентификации и поиск новых, отвечающих потребности человека в смысле и способствующих наиболее адекватной адаптации к изменившейся социальной реальности [87].

На наш взгляд, это в очередной раз подтверждает, что идентичность отражает целостное представление человека о себе, и в этом смысле кризис идентичности не может затрагивать лишь один из аспектов идентичности.

На сегодняшний момент множество социальных и психологических исследований утверждают, что кризис идентичности уже перешел за некие нормативно-возрастные рамки (К. А. Абульханова-Славская, Г. М. Андреева, Е. П. Белинская, Л. Н. Гудков, Н. Л. Иванова, Т. Г. Стефаненко, А. Н. Татарко, А. Л. Журавлев, Г. Г. Дилигенский и др.) и стал частью современного общества.

Рассматривая кризис индивидуальной идентичности как потенциально-нормативный кризис, происходящий, прежде всего, в ценностно-смысловой сфере личности, Н. Н. Гунгер отмечает возможность возникновения кризиса идентичности не только в период юности, но и в более поздние возрастные этапы. Согласно автору, возникновение кризиса обусловлено внешней и внутренней ситуацией развития, а не границами возрастного этапа, и поэтому кризисное состояние идентичности характерно не только для юношеского возраста, но и для периода взрослости [56].

Объединяющими основаниями для исследований являются постулаты, предложенные еще в самом начале постановки проблемы кризиса идентичности (Э. Эриксон, А. Тешфел, Дж. Тернер), первое – это болезненность переживания кризиса идентичности и связь его преодоления с дальнейшим психосоциальным развитием; второе – социокультурная обусловленность кризиса идентичности; третье – стремление человека к достижению позитивной идентичности. По последней позиции Г. М. Андреева отмечает: «...несомненная важность для личности обладания позитивной идентичностью, ибо только это формирует определенное социальное самочувствие человека и позволяет ему ощущать себя комфортно в окружающей его социальной реальности» [6].

Переживание кризиса идентичности непосредственно связано с изменениями в ценностно-смысловой сфере личности. Н. М. Лебедева в качестве причины кризиса идентичности выделяет изменения смыслов идентификаций, сформированных в процессе пройденного жизненного пути. При этом, кризис идентичности, согласно Н. М. Лебедевой, выступает как ощущение утраты смысловой насыщенности прежних форм социальной идентичности и поиск новых, отвечающих базальной потребности человека в смысле. Функциональность новых форм идентификации заключается в повышении адаптивности человека к трансформациям социальной реальности [95]. В. Хесле утверждает, что кризис идентичности часто вызывает регрессию к более примитивным ценностям [174].

А. Ватерман в своих работах уделяет большое внимание ценностно-волевому аспекту развития идентичности. Определяя ценности, цели и убеждения как элементы идентичности, автор отмечает, что идентичность отражает наличие у

человека четкого самоопределения, включающего выбор целей и ценностей, задающих общее направление саморазвития человека. В свою очередь, указанные элементы идентичности формируются в результате выбора среди различных альтернативных вариантов в период кризиса идентичности. Кризис идентичности наступает в тот момент, когда цели, ценности и убеждения перестают соответствовать изменившейся жизни [209].

С точки зрения П. Штомпки, важнейшим фактором кризиса идентичности является изменение жизненного мира людей, что «подрывает одно из базовых стремлений человека – стремление к «экзистенциальной безопасности» [179].

Э. Гидденс, рассматривая кризис идентичности как результат возрастающей индивидуализации человека в современном мире, предлагает модель кризиса идентичности, отражающую четыре феноменологические особенности протекания кризиса: ролевое многопозиционирование (отсутствие ролевой определенности); отсутствие социальных идентификаций, отнесенных в будущее (что, на наш взгляд, непосредственно отражает специфику временной перспективы, а именно перспективы будущего); затруднение социальной категоризации по параметру «свои» - «чужие»; увеличение негативного отношения к «своим» группам [51].

Исследования Н. В. Жигинас, направленные на изучение акмеологического кризиса идентичности у студентов вуза, так же подтверждают, что кризис идентичности вызывает изменения в ценностно-смысловой сфере. Автор отмечает, что кризис идентичности ведет к утрате предсказуемости поведения, потере актуальности тех ценностей, которые раньше направляли деятельность человека, регрессии к более архаичным ценностям и незрелым формам поведения [69]. Утрата смыслов, нарушение временной перспективы, снижение способности к планированию будущего и целеполаганию выступают симптомами кризиса идентичности, наряду со снижением учебной и профессиональной мотивации, нарушением доверительных отношений, эмоциональными нарушениями (чувство одиночества, тревожность, депрессивные состояния) и идентификацией с негативной социальной ролью или ложной идентичностью, предполагающей присвоение чуждых черт [68-70].

Т. В. Румянцева преодоление кризиса идентичности связывает с ростом эмоциональной устойчивости, повышением уровня самоконтроля и уверенности в себе, ростом общительности, ориентацией на свой внутренний мир, повышением социальной компетенции, а также направленностью мотивации на активность, деятельность, отдых, досуг [141].

Рассматривая индикаторы кризиса идентичности, Ю. Г. Овчинникова выделяет облигатные и факультативные индикаторы: облигатные индикаторы включают в себя нарушение доверительных отношений, эмоциональные переживания (чувство одиночества, высокая тревожность, преобладание отрицательных эмоций), распад целостности ценностно-смысловых структур, распад жизненного пути на отдельные фрагменты, блокировку будущего, потерю самоуважения в связи с несогласованностью представлений о себе и исполняемых ролях. Факультативными признаками, согласно автору, являются изменение трудовой деятельности, поведение в соответствии с социально одобряемыми нормами из-за страха отвержения, отождествление человека с социальной ролью, приводящее к утрате личностной целостности [130].

Как уже было отмечено выше, концепция Э. Эриксона, раскрывающая феномен идентичности, легла в основу множества исследований в этой области и в области кризиса идентичности в том числе. Определяя идентичность как «субъективное чувство, а также объективно наблюдаемое качество личной самотождественности и непрерывности, постоянства некоторой разделяемой с другими людьми картины мира» [181, 182], автор отмечает, что процесс формирования идентичности происходит на протяжении всей жизни человека и сопровождается определенными кризисными моментами, поворотными пунктами, в которых задается дальнейшее направление становлению идентичности. Кризис идентичности, по Э. Эриксону, происходит в период конфликта между сложившейся структурой элементов идентичности (соматических, личностных, социальных) и соответствующим способом вписывания себя в окружающий мир. Ситуация изменений и перемен, в которую погружается человек, требует интегрирующей работы Эго и переструктурирование элементов идентичности. В подтверждение

этого можно привести позицию Н. Л. Ивановой, определяющей кризис идентичности через отраженное в сознании несоответствие сложившейся идентификационной системы личности новым требованиям реальности [78].

Для Э. Эриксона проявлениями кризиса идентичности являются: проблема близости, интимности, размытость временной перспективы, размытость пространства, выбор негативной идентичности, смешение ролей. Согласно автору, кризис идентичности выступает закономерным этапом в процессе становления идентичности и наиболее ярко проявляется в период юношества. Приобретение положительной идентичности зависит от взаимоотношений со значимыми людьми. В своей теории Э. Эриксон выделяет восемь стадий развития идентичности, на каждом этапе жизни в общую структуру идентичности интегрируются новые элементы, а старые и нефункциональные отбрасываются или реинтегрируются [181, 182]. В данной концепции ключевой мыслью для нашей работы является идея о нарушении временной преемственности образов себя в период переживания кризиса идентичности, нарушение тождественности себя во времени. Эта идея очень близка с концепцией транстемпоральной идентичности О. В. Лукьянова и в дальнейшем найдет отражение в нашем эмпирическом исследовании.

Переживание кризиса идентичности приводит к изменению не только ценностно-смысловой сферы личности и определенных темпоральных характеристик образа «Я», кризис идентичности также предполагает некоторую степень дезинтеграции субъекта, как в социальных сферах, так и во внутреннем мире. Иллюстративной в этом плане, на наш взгляд, является концепция Дж. Марсиа. Будучи последователем Э. Эриксона, Дж. Марсия, отмечает динамический характер идентичности и выделяет несколько видов (статусов) идентичности, которые отражают формирование идентичности в целом:

- достигнутая (реализованная) идентичность становится результатом прохождения периода самоисследования и отстранения от родительских установок, на этом этапе у человека формируется определенная система целей, ценностей и убеждений, обеспечивающая ощущение осмысленности жизни и задающая вектор дальнейшего развития;

- «мораторий» определяется как кризисное состояние, отражающее активную конфронтацию взрослеющего человека с тем спектром возможностей и ролей, которые предлагаются обществом; на данном этапе идентичность выступает размытой и изменчивой и является результатом ненаправленного выбора, отражающего противоречивость системы ценностей;

- диффузная идентичность характеризуется отсутствием предпочтений каких-либо половых, идеологических, профессиональных моделей поведения, представления о себе практически не осознаются и не дифференцируются, данное состояние наблюдается у тех людей, которые не имеют прочных целей, ценностей и убеждений и не пытаются активно сформировать их;

- преждевременная идентичность или «предрешение» наблюдается в том случае, если определение себя происходит на основе идентификации с родителями и другими авторитетными лицами, социальное самоопределение диктуется родительскими установками и задаются «извне» [22].

Наиболее кризисным состоянием идентичности в этой концепции выступает «мораторий». На данном этапе наблюдается конфликт между достаточно размытой внутренней позицией субъекта и социальными требованиями, диктующими необходимость выполнения конкретных социальных ролей. На наш взгляд, проявлением данного кризисного состояния выступает, с одной стороны, отказ от активной интеграции в различные социальные сферы жизнедеятельности, с другой – противоречивое и достаточно пассивное отношение к личному внутреннему миру [132].

Теоретический анализ различных концепций, позволяет сделать вывод о том, что кризис идентичности обуславливается контекстом жизненной ситуации, приводящей к несоответствию сложившейся идентификационной системы личности новым реалиям окружающей действительности. Понятие «жизненная ситуация», определяется нами как система событий или воздействий, рассматриваемая в купе с особенностями погруженного в эту ситуацию субъекта и его деятельностью (Б. Ф. Ломов) [107]. Кризис идентичности представляет собой процессуально-динамическое состояние, переживание которого ведет к разрешению породившего

его несоответствия. На наш взгляд, несмотря на достаточную проработанность проблематики кризиса идентичности, современные исследования незаслуженно игнорируют значимость временного аспекта идентичности как интегрирующего в себе все возможные социальные и личностные позиции. Мы считаем, что кризис идентичности, прежде всего, проявляется в нарушении тождественности образа «Я» во времени, отражающего субъективный образ себя в прошлом, настоящем и будущем. Это приводит к неспособности человека ориентироваться в своей жизни и связывать в целостную линию свой жизненный путь. Близость образов себя в прошлом, настоящем и будущем является одним из показателей интегрированной, позитивной идентичности. Еще одним не менее значимым признаком кризиса идентичности выступает изменение ценностно-смысловой сферы, нарушение общей осмысленности жизни. Кроме того, принимая во внимание, что основной функцией идентичности является адаптация индивида к окружающей действительности, показателем кризиса идентичности выступает социальная и внутриличностная дезинтеграция человека, находящая свое отражение в разладе с собой и с социальным окружением.

Таким образом, если идентичность понимать как результат и процесс самоопределения человека во времени и пространстве, что предполагает тождество и интеграцию социального и личностного опыта, образа мира и образа жизни в процессе саморазвития, то кризис идентичности это, соответственно, временная и пространственная дезинтеграция личности, обусловленная конфликтом между сложившейся идентификационной системой личности и жизненной ситуацией и выражающаяся в нарушении тождественности образа «Я» во времени, изменениях ценностно-смысловой сферы и неконструктивном самоопределении в социальном и личностном плане.

Несмотря на определенные возрастные смещения кризиса идентичности, его «переход» за некие нормативно-возрастные рамки, наиболее ярким периодом жизни человека, демонстрирующим весь спектр кризиса идентификационных процессов, является юность. Именно в этот период происходит конфронтационное

столкновение имеющегося у человека жизненного опыта (относительно небольшого) и новых требований и условий окружающей реальности.

В качестве модельной группы, демонстрирующей особенности переживания кризиса идентичности в период юности, может выступать студенческая молодежь, которая и послужила базой нашего эмпирического исследования. Именно период обучения (возрастной диапазон 17-23 года) является для личности кризисным периодом перехода из одной смысложизненной ситуации в другую.

Таким образом, переживание кризиса идентичности необходимо предполагает перестройку в ценностно-смысловой сфере субъекта. При этом ценностно-смысловая сфера во многом обуславливает характер временной перспективы личности, таким образом, переживание кризиса идентичности в той или иной степени выступает как посредник во взаимосвязи этих двух феноменов. Задачей нашего эмпирического исследования является изучение ценностно-смысловых детерминант временной перспективы личности в период кризиса идентичности.

2.2 Организация и методы исследования ценностно-смысловых детерминант временной перспективы личности в период кризиса идентичности

Проблема исследования

Проблема исследования и, соответственно, его актуальность связана с несколькими противоречиями, существующими на данный момент в научной среде. Первое противоречие связано непосредственно с объектом нашего исследования – временной перспективой личности. Несмотря на достаточно высокую популярность исследований в области временной перспективы, до сих пор не определены основные личностные детерминанты данного феномена. Теоретический анализ показал, что большое количество исследований в рассматриваемой области касаются либо непосредственно структурных, функциональных, диагностических, динамических и иных особенностей временной перспективы, либо рассматривают спецификацию временной перспективы, характерной для различных социальных

групп, и изучают взаимосвязь данного образования с иными структурными элементами личности. Все исследования сходятся в одном – в определении важности сбалансированной временной перспективы для процесса личностной адаптации и постоянного развития в условиях изменяющегося мира, однако мало кто указывает – что именно влияет на формирование временной перспективы, в частности оптимальной для функционирования субъекта ее формы.

Второе противоречие связано с проблемой идентичности, ее изменчивостью / устойчивостью и кризисом идентичности: согласно Е. П. Белинской, проблематика идентичности является «одной из «болевых точек» наук о человеке» [21], но, несмотря на достигнутый в постнеоклассической парадигме консенсус исследователей в констатации кризиса идентичности в условиях современного общества и несмотря на добавление к осмыслению трансформации идентичности «постоянно меняющегося социального пространства: «время» и «среда» существования идентичности» [Там же], до сих пор в научных исследованиях, посвященных кризису идентичности, не уделяется должного внимания происходящим в этот период трансформациям временной перспективы, которая, как указано выше, играет немаловажную роль в установлении гармоничных отношений субъекта с быстро изменяющейся реальностью.

Общим решением данных противоречий является включение в анализ, объединяющий данные проблемы, важнейшей для понимания природы человека ценностно-смысловой сферы личности, лежащей в основе как собственно идентичности, так и временной перспективы личности. При этом, базируясь на идеях системной антропологической психологии, в которой человек выступает как сложная самоорганизующаяся система, а условием саморазвития человека является усложнение его системной организации и поддержание ее неравновесности (В. Е. Ключко, О. В. Лукьянов), обязательным выступает учет динамичности и изменчивости ценностно-смысловой сферы, как необходимых условий для устойчивости человека в меняющемся мире. В данном контексте переживание кризиса идентичности выступает как фактор, приводящий самоорганизующуюся систему «Человек» к движению, что отражается, прежде всего, на изменениях как в

механизмах идентификации себя, так и в ценностно-смысловой сфере. При этом временная перспектива, интегрирующая весь жизненный путь человека и обеспечивающая определенную устойчивость в процессе самоорганизации, также трансформируется.

Таким образом, ответом на указанные противоречия является исследование ценностно-смысловых детерминант временной перспективы личности в период кризиса идентичности, так как проведенное нами исследование не просто выявляет детерминанты временной перспективы личности, но и непосредственно указывает на то, каким образом данные детерминанты обуславливают временную перспективу в процессуальном и динамичном состоянии переживания кризиса идентичности.

Организация и методы исследования

База исследования.

Эмпирическую базу исследования составили студенты высших профессиональных учебных заведений г. Петропавловска-Камчатского. Общее количество опрошенных респондентов составило 288 человек – студенты различных специальностей и направлений подготовки, с 1 по 5 курс. Возраст респондентов варьировался от 18 до 24 лет (средний возраст испытуемых составил 20 полных лет).

Выбор именно данной группы испытуемых основывается на положении о нормативном переживании кризиса идентичности в период юности (Э. Эриксон), совпадающим с поступлением и процессом обучения в высшем учебном заведении.

Описание методик исследования и обоснование их выбора.

1. С целью определения уровня выраженности личностной и социальной идентичности нами использовался опросник «Личностная и социальная идентичность» (ЛиСи) А. А. Урбанович.

Данный опросник был разработан с целью определения уровня личностной и социальной идентичности. При этом под личностной идентичностью понимается определение себя человеком через физические, нравственные и интеллектуальные черты, а под социальной идентичностью – соотношение себя с какой-либо социальной группой [164].

Исходя из того, что одним из проявлений кризиса идентичности является неконструктивное самоопределение субъекта в социальном и личностном плане, мы считаем обоснованным использование рассматриваемого опросника, позволяющего выявить существование дисгармонии во внутреннем плане личности, а также определить насколько и в каких сферах у человека наступает разлад с собой и с социальным окружением.

Рассматриваемая методика позволяет осуществить анализ личностной и социальной идентичности по следующим восьми жизненным сферам: 1) учебная деятельность или работа, если респондент уже задействован в профессиональной сфере; 2) материальное положение; 3) внутренний мир; 4) здоровье; 5) семья (включает в себя вопросы касающиеся реально существующей семьи (родительской) и собственной семьи респондента, которая будет создана в будущем); 6) окружающие; 7) будущее; 8) общество.

Каждой позиции соответствуют 12 утверждений опросника. Положительный ответ на то или иное утверждение оценивается в один балл и повышает показатель личностной или социальной идентичности в зависимости от того, к какой позиции данное утверждение относится.

В нашем исследовании данные, полученные с применением методики ЛиСИ, использовались на начальном этапе разделения выборок с помощью кластерного анализа и в процессе феноменологического описания особенностей выделенных экспериментальных групп. В последнем случае проводился сравнительный анализ показателей, характерных для выделенных экспериментальных групп, с применением методов математической статистики (критерий U-Манна-Уитни, критерий t-Стьюдента для независимых выборок).

При использовании опросника в процессе кластеризации нами была проведена следующая операция: шкалы методики, в зависимости от их направленности, были поделены на две категории – шкалы, описывающие параметры социальной идентичности и шкалы, описывающие аспекты личностной идентичности. К первой категории были отнесены такие шкалы, как учебная деятельность или работа; материальное положение; семья; окружающие; общество. Ко второй категории –

внутренний мир; здоровье; персональное будущее. После проведенной операции, индивидуальные показатели по шкалам входящим в каждую категорию были суммированы и поделены на общее количество включенных в категорию шкал. В результате для каждого испытуемого нами были посчитаны средние значения по шкалам, относящимся к социальной идентичности и средние значения по шкалам, отражающим личностную идентичность. Именно эти усредненные значения были использованы при проведении кластеризации общей выборки.

2. Для изучения содержательных характеристик идентичности респондентов нами применялась *методика М. Куна - Т. Макпартленда «Кто Я?»*.

Методика «Кто Я?» была разработана представителями интеракционистской ориентации М. Куном и Т. Макпартлендом. Методика основана на использовании нестандартизированного самоописания с последующим применением элементов контент-анализа [94]. Вопрос «Кто Я?» логически связан с характеристиками собственного восприятия человеком самого себя, то есть с его образом «Я» или Я-концепцией. Отвечая на вопрос «Кто Я?», человек указывает роли и характеристики-определения, с которыми он себя соотносит, идентифицирует, то есть с социальным статусом и теми чертами, которые, по его мнению, характеризуют его личностные особенности. Переживание кризиса идентичности определенным образом сказывается на том, какие характеристики человек использует при описании себя. Исходя из этого, результаты, полученные с помощью методики, использовались нами при феноменологическом описании специфики групп респондентов, переживающих и не переживающих кризис идентичности.

Обработка методики предполагает качественный анализ смысловых категорий, выделенных на основе теоретического анализа в соответствии с целями исследования и уточненных с учетом полученных эмпирических данных. Основываясь на некоторых элементах анализа, предложенных Т. В. Румянцевой [141, с. 85], нами анализировались следующие аспекты самоидентификации:

- уровень дифференцированности идентичности – количество показателей-компонентов идентичности, которое респондент использовал при ответе на вопрос

«Кто Я?». Высокому уровню дифференцированности соответствует 9-14 самоописаний, данных респондентом [Там же, с. 95].

- соотношение в ответах обозначения социальных ролей и индивидуальных характеристик – данный анализ позволяет выявить, насколько человек осознает свою уникальность и насколько важна для него принадлежность к какой-либо группе.

- выраженность в ответах различных компонентов идентичности «Социальное Я», «Коммуникативное Я», «Материальное Я», «Физическое Я», «Деятельное Я», «Перспективное Я» и «Рефлексивное Я».

- показатели проблемной идентичности, отражающие противоречивое отношение респондента к себе.

Определение отнесенности высказывания к тому или иному компоненту идентичности предполагает процедуру обработки, основанную на применении элементов контент-анализа. Примеры высказываний, соответствующих выделенным категориям представлены в приложении А. Кратко перечислим показатели, относящиеся к выделенным компонентам идентичности [141]:

1. **«Социальное Я»** включает такие показатели, как прямое обозначение пола; сексуальная роль; учебно-профессиональная ролевая позиция; семейная принадлежность, проявляющаяся через обозначение семейной роли или указание на родственные отношения; этническо-региональная идентичность (этническая идентичность, гражданство, местная идентичность (Камчадал); мировоззренческая идентичность: конфессиональная, политическая принадлежность; групповая принадлежность.

2. **«Коммуникативное Я»** включает показатели, относящиеся к сфере дружбы или круга друзей, восприятие себя членом группы друзей; общение или субъект общения, особенности и оценка взаимодействия с людьми.

3. **«Материальное Я»** – описание своей собственности; оценка обеспеченности, отношение к материальным благам; отношение к внешней среде.

4. **«Физическое Я»** – включает в себя такие аспекты, как субъективное описание своих физических данных, внешности; фактическое описание своих

физических данных, включая описание внешности, болезненных проявлений; пристрастия в еде, вредные привычки.

5. *«Деятельное Я»* – занятия, деятельность, интересы, увлечения; описание жизненного опыта; самооценка способности к деятельности, самооценка навыков, умений, знаний, компетенции, достижений.

6. *«Перспективное Я»* – идентификационные характеристики, связанные с перспективами, пожеланиями, намерениями, мечтами, относящимся к различным сферам жизни: профессиональная перспектива; семейная перспектива; групповая перспектива (связано с групповой принадлежностью); коммуникативная перспектива (связано с друзьями, общением); материальная перспектива; физическая перспектива; деятельностьная перспектива; персональная перспектива (пожелания, намерения, мечты, связанные с личностными качествами, поведением); оценка стремлений.

7. *«Рефлексивное Я»* включает такие показатели, как личностные качества, особенности характера, описание индивидуального стиля поведения; персональные характеристики (гороскоп, имя и т. д.); эмоциональное отношение к себе; глобальное, экзистенциальное «Я».

Анализ полученных данных сводился к подсчету встречаемости каждой идентификационной категории в экспериментальной и в контрольной группе. Данные переводились в проценты, после чего проводился сравнительный анализ выраженности каждой категории в группе с применением критерия углового преобразования Фишера.

3. Для выявления особенностей ценностно-смысловой сферы респондентов применялся *тест смысложизненных ориентаций Д. А. Леонтьева (реконцептуализация А. В. Серого, А. В. Юпитова)*.

Методика представляет собой адаптированную версию теста «Цель в жизни», разработанного Джеймсом Крамбо и Леонардом Махоликом на основе теории стремления к смыслу жизни и логотерапии В.Франкла. в 1977г. Дж. Крамбо сконструировал дополнительную шкалу к тесту «Цель в жизни» – шкалу поиска смысложизненных целей. Впервые на русский язык тест осмысленности жизни был

адаптирован К. Муздыбаевым, другая русскоязычная версия была разработана и адаптирована Д. А. Леонтьевым. Именно эту версию теста СЖО мы использовали в нашем исследовании.

Тест состоит из 20 пунктов, представляющих собой пары целостных альтернативных предложений с одинаковым началом. Шкала градации ответа представлена симметричной шкалой «3 2 1 0 1 2 3».

Наряду с общим показателем осмысленности жизни (ОЖ), тест включает в себя пять субшкал, отражающих три конкретных смысловых ориентации и два аспекта локуса контроля, каждой субшкале соответствуют определенные пункты теста.

Выделяют следующие субшкалы: «цели в жизни»; «процесс жизни» или интерес и эмоциональная насыщенность; «результативность жизни» или удовлетворенность самореализацией; «локус контроля-Я» (Я – хозяин жизни); «локус контроля-Жизнь» или управляемость жизни; общий показатель осмысленности жизни [100].

Тест смысловых ориентаций применялся нами в двух аспектах анализа: с одной стороны – классический анализ показателей смысловых ориентаций, с другой – выявление актуального смыслового состояния (АСС), возможное в случае использования реконцептуализации данной методики, предложенной А. В. Серым и А. В. Юпитовым. В последнем случае используется модификация процедуры обработки первичных показателей, разработанная авторами.

Для выделения типа АСС рассматриваются показатели только по трем шкалам: «цели в жизни» (психологическое будущее), «процесс жизни» (психологическое настоящее) и «результативность жизни» (психологическое прошлое). Перевод результатов теста СЖО в стандартные баллы позволяет провести сравнение уровней осмысленности прошлого, настоящего и будущего. Высокая осмысленность данных временных модусов диагностируется при 5 и более стандартных баллов по вышеназванным шкалам. Результаты менее 5 баллов соответствуют низкой осмысленности [151, с. 54-72]. На основании уровня

осмысленности прошлого, настоящего и будущего авторами были выделены классы испытуемых, относящихся к разным типам актуального смыслового состояния (таблица 1).

Таблица 1 – Типы актуального смыслового состояния

Тип АСС	Осмысленность прошлого (результативность жизни)	Осмысленность настоящего (удовлетворенность процессом)	Осмысленность будущего (наличие целей)
1 (ННН)	низкая	низкая	низкая
2 (ВНН)	высокая	низкая	низкая
3 (НВН)	низкая	высокая	низкая
4 (ВВН)	высокая	высокая	низкая
5 (ННВ)	низкая	низкая	высокая
6 (ВНВ)	высокая	низкая	высокая
7 (НВВ)	низкая	высокая	высокая
8 (ВВВ)	высокая	высокая	высокая

Таким образом, использование теста смысложизненных ориентаций позволяет нам, с одной стороны – изучить особенности ценностно-смысловой сферы респондентов, с другой – рассмотреть специфику темпоральной локализации смыслов, отражающую взаимосвязь временной перспективы и смысловой сферы.

Для выявления значимых различий между выборками по шкалам стандартной методики СЖО нами был использован t-критерий Стьюдента. При определении актуального смыслового состояния мы высчитывали процентное соотношение типов АСС в каждой выборке, полученные процентные доли сравнивались между выборками с помощью критерия углового преобразования Фишера.

4. С целью изучения особенностей иерархической системы ценностных ориентаций нами использовалась *методика ценностных ориентаций М. Рокича*.

Адаптация данной методики для отечественной выборки взрослых была выполнена А. Г. Гоштаутасом, Н. А. Семеновым, В. А. Ядовым. Методика основана на прямом ранжировании списка ценностей. В ней различаются два класса ценностей: терминальные – убеждения в том, что конечная цель индивидуального существования стоит того, чтобы к ней стремиться; инструментальные – убеждения в том, что какой-то образ действий или свойство личности является предпочтительным в любой ситуации. Это деление соответствует традиционному

делению на ценности-цели и ценности-средства. Респонденту предъявляются два списка ценностей (по 18 в каждом). В списках испытуемый присваивает каждой ценности ранговый номер по порядку значимости. Первым предъявляется набор терминальных, а затем набор инструментальных ценностей.

На основе специально разработанной процедуры подсчета среднего удельного веса ценностей (данная процедура будет описана при рассмотрении специфики ценностно-смысловой сферы в период кризиса идентичности), стало возможным представить групповые иерархии ценностных-ориентаций, иллюстрирующих существующие различия в данной системе в случае отсутствия кризиса идентичности или его переживания.

Кроме того, сравнение ранговых позиций инструментальных и терминальных ценностей проводилось с помощью подсчета непараметрического критерия U-Манна-Уитни. С целью рассмотрения специфики взаимосвязей ценностных ориентаций, данные, полученные с помощью методики М. Рокича, подвергались корреляционному анализу (с подсчетом коэффициента ранговой корреляции r -Спирмена).

5. Для выявления особенностей временной перспективы личности, отражающих отношение субъекта как к настоящему и будущему, так и к прошлому, оценки эмоциональной составляющей временной перспективы личности, применялась *методика ZTPИ Ф. Зимбардо по временной перспективе (модификация А. Сырцовой, Е. Т. Соколовой, О. В. Митиной)*.

Методика ZTPИ разработана Ф. Зимбардо совместно с А. Гонзалесом, адаптирована А. Сырцовой, Е. Т. Соколовой, О. В. Митиной, используется для оценки временных ориентаций личности. Ф. Зимбардо определяет данные ориентации как типы временной перспективы, которые теоретически не взаимосвязаны между собой, однако, как показывает множество проведенных исследований, взаимосвязь между типами существует – в зависимости от специфики (культурной, возрастной и т.д.) выборок.

Методика состоит из 56 пунктов, которые оцениваются респондентами по пятибалльной шкале Лайкерта: от «совершенно нехарактерно / неверно» (1 балл) до

«совершенно характерно / верно» (5 баллов). Методика включает в себя 5 основных шкал (факторов): «негативное прошлое»; «гедонистическое настоящее»; «будущее»; «позитивное прошлое»; «фаталистическое настоящее» [160, 161]:

1. Шкала «Негативное прошлое» – отражает общее пессимистическое, негативное или с примесью отвращения отношение к прошлому. Часто в прошлом присутствует травма, боль или сожаление, причем подобное отношение к прошлому может диктоваться как реальным присутствием травмирующих событий, так и негативной реконструкцией неоднозначных и положительных событий. Для лиц с доминированием данной временной ориентации характерны негативные размышления связанные с тревогой, депрессией, низким уровнем субъективной оценки счастья, низкой самооценкой и повышенной агрессивностью, оценка межличностных отношений как ограниченных и неудовлетворительных, оценка жизни в целом как недостаточно приносящую удовольствие.

2. Шкала «Гедонистическое настоящее» - отражает беззаботное и беспечное отношение ко времени и к жизни, принятие рискованных решений; предполагает ориентацию на удовольствие, волнение, возбуждение, наслаждение в настоящем и отсутствие заботы о будущих последствиях, неспособность отказаться от получения удовольствия сегодня, ради завтрашней награды. К личностным и поведенческим проявлениям выраженности данной временной ориентации относятся: поиск новых ощущений, активность, энергичность, отсутствие ясных целей на будущее (в случае, если показатели по шкале «Будущее» значимо ниже, чем по шкале «Гедонистическое настоящее»).

3. Шкала «Будущее» - раскрывает общую ориентацию на будущее, при которой поведение субъекта в большей степени определяется стремлениями к целям и вознаграждениям. При этом характерно планирование, стремление к достижению поставленных целей. Личностными особенностями при выраженной перспективе будущего являются: добросовестность, осознание последствий принятых решений, предпочтение постоянства, невысокая склонность к риску, организованность.

4. Шкала «Положительное (позитивное) прошлое» отражает теплое, сентиментальное отношение к прошлому, свидетельствующее о здоровом взгляде на

жизнь. Личностные особенности при доминировании данной временной ориентации: активность, склонность к интроверсии наряду с большим количеством друзей, стремление к погружению во внутренний мир, застенчивость, склонность к духовности, отсутствие склонности к риску.

5. Шкала «Фаталистическое настоящее» раскрывает фаталистическое, беспомощное и безнадежное отношение к будущему и к жизни в целом, отсутствие направленности на цель, стремление избежать самостоятельной постановки цели на своем пути. Из личностных и поведенческих особенностей можно указать следующее: отсутствие тяги к эмоциональному возбуждению, убеждение в предопределенности будущего, покорное и смиренное проживание настоящего, невысокая удовлетворенность своей настоящей жизнью, мнение о том, что к лучшему она не изменится.

6. С целью изучения мотивационных устремлений респондентов, а также протяженности временной перспективы будущего использовался *метод мотивационной индукции Ж. Нюттена (русскоязычный вариант, предложенный Д. А. Леонтьевым)* [129].

Данная методика основывается на подходе Ж. Нюттена, согласно которому понятие временной перспективы включает в себя два важных аспекта: целевые или мотивационные объекты и их локализация во времени. Методика базируется на основе метода незаконченных предложений, позволяющего респонденту актуализировать собственные мотивационные интенции и выразить их в свободной и открытой форме. При этом субъект обладает полной свободой в своих ответах и не ограничен какими-либо рамками, в том числе временных отрезков, конкретных ситуаций, сфер жизнедеятельности и т.д. Таким образом, использование данного инструментария в нашем исследовании позволяет решить две задачи: рассмотреть особенности ценностно-смысловой сферы респондентов, посредством анализа мотивационных устремлений, и определить протяженность временной перспективы будущего, посредством определения темпоральной локализации указанных мотивов.

Первый этап анализа полученных ответов заключается в рассмотрении самого мотивационного объекта и типа взаимодействия с ним. Ж. Нюттен предлагает очень

дифференцированную систему анализа мотивационных устремлений, включающую не только отнесенность к конкретной мотивационной категории, но и кодирование посредством указания подкатегорий основной мотивации, модальности и персон, относящихся к мотивационному объекту. Для нашего исследования подобная операция представляется нецелесообразной, так как основной задачей для нас является выявление целостной картины, отражающей основные категориальные соотношения мотивационных объектов. В связи с этим, система обработки данных была нами упрощена и предполагала проведение семантического анализа полученных результатов, посредством отнесения к основным категориям анализа:

S - Личность субъекта: мотивационные объекты, относящиеся к некоторым аспектам личности самого субъекта, при этом «Я» выступает как целое, без дальнейших уточнений.

Sc - Я-концепция: представление о себе или восприятие человеком самого себя.

Spre - Самосохранение: предполагает экономическое самосохранение (через достижение финансовой самодостаточности), физическое самосохранение (с указанием на сохранение целостности физического тела, здоровья, избежание увечий и рисков для жизни), психологическое самосохранение (защита внутреннего равновесия, устойчивости, психологического благополучия), самосохранение на экзистенциальном, трансцендентальном уровне (цели, отражающие смерть, пустоту, бессмысленность жизни, бессмертие и т.д.).

Saut - Личностная автономия: указание на экономическую независимость, физическую самостоятельность, психологическую автономность.

Sph - Физические характеристики: отражает мотивационные устремления, направленные на внешний вид субъекта, его физические параметры.

Sapt – Способности: мотивационные цели, связанные с определенными способностями, специальными умениями и навыками, интеллектом.

Scar - Характер, черты личности: мотивационные объекты, относящиеся к индивидуальным особенностям субъекта.

SR – Самореализация: действия или стремления субъекта, направленные на саморазвитие и отражающие личностную активность субъекта по реализации намеченных целей и планов, относящихся как к внешней (социальной), так и к внутренней областям жизни.

R – Активность: мотивационные объекты, характеризующие активность в целом и предполагающие получения какой-то пользы, конкретного результата.

R2 - Профессиональная деятельность: включает мотивационные стремления в области профессиональной деятельности.

R3 - Учебная деятельность: различные мотивы, относящиеся как к целостному учебному процессу, так и к конкретным его аспектам, предполагающим выполнение различных видов учебной деятельности.

C - Социальный контакт – категория мотивов, связанная с указанием на все возможные виды поведенческого взаимодействия между людьми и общей мотивацией вступить в контакт или, наоборот, избегание контактов.

C2 - Социальная реципрокность: мотивационные объекты, в которых субъект хочет (не)получить что-то от других или чтобы другие что-то (не)делали по отношению к нему. Среди ожиданий субъекта в отношении позиции других лиц к нему можно указать на следующие проявления взаимодействия: привязанность, любовь, оценка способностей, достижений или личностных качеств, поддержка, признание, уважение и т.д.

C3 - Личные желания и надежды в отношении других людей: мотивационные объекты, отражающие цели, формулируемые для других людей, и отражающие желания для других – чтобы другой чем-то обладал материальным или духовным, чтобы нечто (не)случилось с другим человеком.

E - познавательная и исследовательская мотивация, включает такие подкатегории, как: самопознание (ES), стремление к познанию других людей (EC), познание экзистенциальных реалий (ET), стремление к познанию жизни (EI), знания о культурных и природных объектах (Ew).

Т - Трансцендентальные объекты: включает мотивационные объекты метафизического характера, таких как цели в области религии, философской и экзистенциальной области.

Р – Обладание: мотивация направленная на приобретение, совершение покупок, владение собственностью.

Л - Досуг, отдых, удовольствие: мотивационные категории, не указывающие на какие-либо утилитарные цели, но осуществляемые для собственного наслаждения, например, отдых, досуговая активность, физический отдых, хобби, сенсорное или чувственное удовольствие, игры и т.д.

Tt - Мотивация на тест.

U - Неклассифицируемые/пропущенные ответы: объекты, не поддающиеся классификации, неадекватные ассоциации, отсутствие мотивационного содержания.

Второй этап анализа предполагает определение темпоральной локализации мотивационных объектов. Все мотивационные объекты могут быть распределены в следующих интервалах временной перспективы: Т – настоящий момент, время проведения теста; D – в течение дня; W – в течение недели; W- – в течение нескольких недель; М – в течение месяца; М- – в течение нескольких месяцев; Y – в течение одного года; Y- – в течение одного или двух лет; E – период обучения; E3 – период обучения в вузе (18-25 лет); EA – период обучения и взрослости; A – период взрослости; A1 – первая половина взрослой жизни (25-45 лет); A2 – вторая половина взрослой жизни (45-65 лет); АО – период взрослости и старости; О – период пожилого возраста; L – неопределенный период всей жизни; L- – выраженный период всей жизни; l – открытое настоящее: модальность, качество, способность, которой субъект хочет обладать; цель располагается в настоящем; l- – длительность существования желанного качества; X – мотивационная цель располагается после смерти субъекта; x – историческое будущее (гуманитарные и иные достаточно обобщенные мотивационные объекты); ? – вневременные и неcodируемые объекты; Р – прошлое.

Темпоральная кодировка базируется на «средней» или «объективной» темпоральной локализации объектов и событий, в которой учитывается

«нормальный» процесс течения жизни большинства людей и наибольшая вероятность достижения указанного мотивационного объекта.

Используемый нами вариант методики состоял из 40 индукторов, представляющих собой начало предложений, которые необходимо завершить респонденту. Примеры отнесения указанных объектов к различным мотивационным и темпоральным категориям представлены в приложении Б.

Количественная и качественная обработка результатов производилась с применением критерия углового преобразования Фишера.

7. С целью определения таких параметров временной перспективы, как степень связанности временных зон и значимость той или иной временной зоны, применялась методика «Тест кругов» Т. Коттла.

В отличие от других, используемых нами методов диагностики временной перспективы, данная техника позволяет рассмотреть пространственные представления о соотношении временных модусов прошлого, настоящего и будущего. Испытуемому предлагается изобразить свое прошлое, настоящее и будущее в виде трех кругов. Инструкция звучит следующим образом: «С помощью трех кругов попробуйте изобразить на бумаге свои представления о прошлом, настоящем, будущем. Круги могут располагаться на бумаге как угодно, где угодно, иметь какую угодно величину, они могут соприкасаться или накладываться друг на друга, могут быть совершенно отдельно, главное они должны отражать Ваши личные переживания относительно взаимосвязи Вашего прошлого, настоящего и будущего. Не забудьте написать, какой круг обозначает прошлое, настоящее и будущее».

Степень значимости временных зон подсчитывается путем измерения в миллиметрах диаметров кругов и подсчета соотношения временных зон в процентах. Измерение степени связанности основывается на предложенной Т. Котлом системе начисления баллов за связанность каждого из рисунков [23]: «0» баллов – в случае если все круги изображены отдельно друг от друга; «2» балла – если круги соприкасаются; «4» балла – если круги пересекаются; «6» баллов – если один из кругов полностью расположен в другом.

При этом связанность элементов оценивается попарно: прошлое – настоящее, прошлое – будущее, настоящее – будущее. Общая связанность представляет собой сумму степени связанности каждой из пар временных зон и лежит в пределах от 0 до 18 баллов (изображение «мишени» времени).

8. *Техника репертуарных решеток (авторский вариант А. В. Серого, М. С. Яницкого)* применялась с целью получения данных, позволяющих охарактеризовать как процесс идентификации респондентов, так и особенности их ценностно-смысловой сферы.

Авторский вариант техники репертуарных решеток, предложенный А. В. Серым и М. С. Яницким, предназначен для исследования системы личностных конструктов в контексте оценки уровня развития ценностно-смысловой сферы личности. Для выявления личностных конструктов исследуемых используется метод триад элементов, предложенный Дж. Келли. В нашем исследовании в качестве элементов ролевого списка предлагаются образы «Я в прошлом», «Я в настоящем», «Я в будущем», «Человек, чья жизнь осмысленна в наибольшей степени», «Человек, чья жизнь осмысленна в наименьшей степени», два последних элемента позволяют рассмотреть представления респондента об идеале и «антиидеале».

Процедура проведения данной методики сводится к следующим шагам (бланк репертуарной решетки представлен в приложении В):

Шаг 1: испытуемые ставят в предложенный ролевой список на позиции «Человек, чья жизнь осмысленна в наибольшей степени», «Человек, чья жизнь осмысленна в наименьшей степени» имена знакомых им людей, что позволяет респонденту проводить сравнение между позициями, имея перед собой образ конкретного человека.

Шаг 2: заполнение бланка решетки, предполагающее принятие решения респондентом, чем двое из трех людей, отмеченных кружками в строке, сходны между собой и тем отличны от третьего. Данное качество записывается в графе «Конструкты», далее респонденту предлагается написать противоположный полюс. После этого испытуемому предлагается отметить галочкой другие

идентификационные элементы, которые, по его мнению, обладают выделенным качеством. Таким образом фиксируется десять выявленных конструкторов.

Шаг 3: ранжирование элементов решетки по каждому конструктору. Респонденту необходимо проранжировать каждую из пяти предложенных позиций ролевого списка по степени соответствия их выделенному конструктору. В результате определяется степень близости элементов, которая отражает направленность процесса идентификации «Я образа» испытуемых к другим элементам ранговой решетки.

Предложенная техника репертуарных решеток позволяет выявить когнитивные репрезентации испытуемых относительно своих «Я образов» настоящего, прошлого и будущего, а также качественно исследовать структуру границ временных локусов смысла. Конструкторы, которые предлагает сам респондент, являются репрезентацией его внутренних ценностей и смыслов, а близость различных образов говорит об общей направленности личности во временной перспективе и процессе идентификации [188].

При анализе данных нами подсчитывался коэффициент близости элементов, для определения величины дистанции между сравниваемыми элементами; величина идентичности, отражающая склонность субъекта идентифицировать себя с тем или иным образом «Я» локализованным в различных временных модусах; индекс Бири, отражающий когнитивную сложность системы личностных конструкторов; индекс связанности В. Крокетта, отражающие общую связанность всех выявленных конструкторов.

Семантический анализ выявленных конструкторов предполагал отнесения конструктора к одной из выделенных категорий [Там же]: 1) личностные черты – описательные житейские понятия личностных свойств, целостные образы, отражающие аффективные, когнитивные и поведенческие аспекты; 2) социально-ролевые конструкторы – указывающие на опыт включенности субъекта в различные сферы социальной жизни; статусные, гендерные, родственные и другие социальные отношения; 3) профессиональные конструкторы – указывают на проблему профессионального самоопределения, отношение к будущей профессиональной

деятельности, профессиональные ценности и имеющийся личностный опыт в рассматриваемой сфере; 4) размытые конструкты – избыточно проницаемые конструкты, отражающие ситуативно-обусловленные факты, характеристики, имеющие неограниченный диапазон пригодности; деятельные увлечения, материальные аспекты реальности.

Целесообразность использования рассматриваемой техники в нашем исследовании обусловлена несколькими факторами, отражающими специфику получаемых данных, которые позволяют судить как об особенностях ценностно-смысловой сферы (соотношение семантических категорий личностных конструктов, показатели когнитивной сложности), так и об особенностях процесса идентификации себя во времени (что связывает в единое целое идентичность и временную перспективу, позволяя судить о наличии нарушения тождественности образа «Я» во времени).

Методологическая основа и программа исследования

Основным положением, легшим в основу исследования является рассмотрение ценностно-смысловых образований, определяющих центральную позицию личности, направленность и содержание социальной активности, отношение индивида к миру и себе, как детерминант временной перспективы личности.

Объектом исследования выступает временная перспектива личности, *предметом* – ценностно-смысловые детерминанты временной перспективы личности в период кризиса идентичности.

Основная *цель* исследования заключается в выявлении опосредованных переживанием кризиса идентичности особенностей ценностно-смысловых детерминант временной перспективы личности.

Поставленная цель конкретизировалась в следующих *эмпирических задачах*:

1) на основе выявленных в ходе теоретического анализа эмпирических показателей переживания кризиса идентичности дифференцировать общую выборку респондентов на две группы испытуемых, переживающих и не переживающих кризис идентичности;

2) проанализировать особенности процесса самоидентификации респондентов двух экспериментальных групп;

3) провести анализ особенностей ценностно-смысловой сферы и временной перспективы личности при переживании кризиса идентичности;

4) изучить роль смысловых ориентаций в процессе детерминации временной перспективы личности в состоянии переживания кризиса идентичности;

5) рассмотреть возможность использования показателей временной перспективы личности в качестве предикторов переживания кризиса идентичности.

В связи с тем, что процесс дифференциации общей выборки на две группы с помощью кластерного анализа подробно описан в следующем параграфе, в таблице 2 представлена программа исследования с вычетом первой эмпирической задачи.

Таблица 2 – Программа эмпирического исследования ценностно-смысловых детерминант временной перспективы личности в период кризиса идентичности

Задача	Диагностический инструментарий	Цель	Методы статистической обработки данных
Особенности процесса самоидентификации	Коэффициенты близости (техника репертуарных решеток)	Описание специфики механизма взаимообусловленного сближения или отдаления образов «Я в прошлом», «Я в настоящем», «Я в будущем», образов идеала и антиидеала	Факторный анализ данных
	Опросник ЛиСИ (А. А. Урбанович)	Выявление различий показателей идентификации в различных сферах жизнедеятельности в контрольной и экспериментальной группе	t-критерий Стьюдента, критерий U-Манна-Уитни
	Опросник ЛиСИ, тест СЖО (Д. А. Леонтьев)	Исследование взаимосвязи смысловых ориентаций и показателей социальной и личностной идентичности	Коэффициент ранговой корреляции r-Спирмена
	Методика «Кто Я?» (М. Кун-Т.Макпартленд)	Исследование особенностей субъективной репрезентации образа «Я» респондентами контрольной и экспериментальной групп	Критерий углового преобразования Фишера
Анализ особенностей ценностно-смысловой сферы при переживании кризиса идентичности	Личностные конструкты (техника репертуарных решеток)	Сравнительный анализ представленности семантических категорий личностных конструктов с целью описания характерной для выборок системы оценивания окружающей реальности	Критерий углового преобразования Фишера
	Тест СЖО (Д. А. Леонтьев)	Сравнительный анализ показателей смысловых ориентаций и внутреннего локуса контроля	t-критерий Стьюдента, критерий U-Манна-Уитни

Продолжение таблицы 2

Анализ особенностей ценностно-смысловой сферы при переживании кризиса идентичности	Тест СЖО (реконцептуализация А. В. Серого, А. В. Юпитова)	Анализ характерных для респондентов контрольной и экспериментальной групп типов актуального смыслового состояния, с целью диагностики десинхронизации временных локусов смысла при переживании кризиса идентичности	Критерий углового преобразования Фишера
	Методика ценностных ориентаций М. Рокича	Сравнительный анализ групповых ценностных иерархий с целью выявления особенностей в значимости инструментальных и терминальных ценностей для респондентов двух групп	Анализ удельного веса ценностей, критерий U-Манна-Уитни
		Анализ системы взаимосвязей элементов иерархической системы ценностей контрольной группы и экспериментальной группы	Коэффициент ранговой корреляции r-Спирмена
	Метод мотивационной индукции (Ж. Нюттен)	Сравнительный анализ мотивационного аспекта ценностно-смысловой сферы личности	Критерий углового преобразования Фишера
Анализ особенностей временной перспективы личности при переживании кризиса идентичности	ZTPI (Ф. Зимбардо)	Сравнение выраженности типов временной перспективы в контрольной и экспериментальной группах с целью описания профилей временных ориентаций, характерных для групп	t-критерий Стьюдента
		Изучение системы взаимосвязей аспектов временной перспективы при переживании кризиса идентичности и его отсутствии, рассмотрение возможного влияния аспектов временной перспективы друг на друга	Коэффициент корреляции r-Пирсона, однофакторный дисперсионный анализ ANOVA
	Тест кругов Т. Коттла	Сравнительный анализ значимости и степени связанности временных зон	t-критерий Стьюдента
	Тест кругов Т. Коттла, ZTPI (Ф. Зимбардо)	Определение взаимосвязи показателей значимости и связанности временных зон с различными аспектами временной перспективы	Коэффициент корреляции r-Пирсона
	Метод мотивационной индукции (Ж. Нюттен)	Сравнительный анализ протяженности временной перспективы будущего в контрольной и экспериментальной группе	Критерий углового преобразования Фишера
Анализ роли смысловых ориентаций в процессе	Методика М. Рокича Метод мотивационной индукции Ж. Нюттена Тест СЖО, ZTPI (Ф. Зимбардо), Тест кругов Т.Коттла	Исследование особенностей взаимосвязи временной перспективы и ценностно-смысловых образований с целью выявления различий данных систем в контрольной и экспериментальной группе	Коэффициент ранговой корреляции r-Спирмена, коэффициент корреляции r-Пирсона
		Выявление влияния смысловых ориентаций на временную перспективу личности и показатели связанности временных зон в условиях переживания и не переживания кризиса идентичности	Однофакторный дисперсионный анализ ANOVA, критерий Н-Краскала-Уоллеса
Показатели временной перспективы	ZTPI (Ф. Зимбардо), тест кругов Т.Коттла	Выявление предсказательной способности показателей временной перспективы личности в определении наличия или отсутствия кризиса идентичности	Дискриминантный анализ

2.3 Диагностические показатели кризиса идентичности и феноменологическое описание экспериментальных групп

Для достижения поставленной цели исследования, первой задачей выступила дифференциация общей выборки респондентов по наличию или отсутствию переживания кризиса идентичности. С этой целью, в результате проведенного теоретического анализа по проблеме кризиса идентичности, нами было предложено операциональное определение, согласно которому кризис идентичности рассматривается как процессуально-динамическое состояние, заключающееся во временной и пространственной дезинтеграции личности, обусловленной конфликтом между сложившейся идентификационной системой личности и жизненной ситуацией, и выражающееся в нарушении тождественности образа «Я» во времени, изменениях ценностно-смысловой сферы и неконструктивном самоопределении в социальном и личностном плане. В качестве критериев, определяющих состояние кризиса идентичности, выступают:

1. нарушение тождественности образа «Я» во времени;
2. изменения в ценностно-смысловой сфере;
3. социальная и личностная дезинтеграция в различных сферах жизнедеятельности.

Соотношение выделенных критериев и используемых нами диагностических показателей отражены в таблице 3. На основании выделенных показателей проведен кластерный анализ, по результатам которого общая выборка была разделена на две группы.

Общая выборка составила 288 человек. В первую экспериментальную группу вошло 173 респондента (из них 130 девушек, 43 юношей), во вторую – 106 респондентов (из них 78 девушек, 28 юношей). Респонденты, которые не вошли в выделенные кластеры, были исключены из исследования. Возраст респондентов в обеих группах от 18 до 24 лет, средний возраст в обеих группах составляет 20 лет. Сравнение дисперсий по данному признаку с помощью подсчета критерия Ливена (Levene's Test) не выявило статистически достоверных различий, из чего можно

сделать вывод об одинаковом распределении респондентов в обеих экспериментальных группах по возрастному критерию.

Таблица 3 – Критерии и показатели переживания кризиса идентичности

Критерий	Диагностический показатель	Описание показателя
Нарушение тождественности образа «Я» во времени	Техника репертуарных решеток (авторский вариант А. В. Серого, М. С. Яницкого)	
	Величина идентификации элементов «Я в прошлом», «Я в настоящем», «Я в будущем», «Человек, чья жизнь осмысленна», «Человек, чья жизнь менее осмысленная», взаимосвязь данных элементов	отражает устойчивость идентификации, ее локализацию во временном модусе и взаимосвязь образов «Я» во времени
Нарушение тождественности образа «Я» во времени	Коэффициент близости элементов	определение величины дистанции между образами «Я» в прошлом, настоящем, будущем, «идеала», «антиидеала», указывает на направленность процесса идентификации
Изменения в ценностно-смысловой сфере	Индекс Бири, индекс связанности В. Крокетта	характеристика когнитивной сложности, отражающей наличие слившихся конструктов (смыслов)
	Тест смысложизненных ориентаций Д. А. Леонтьева	
	«Цели в жизни», «Процесс жизни», «Результативность жизни»	отражает направленность смысложизненных ориентаций человека
Социальная и личностная дезинтеграция в различных сферах жизнедеятельности	Тест «Личностная и социальная идентичность» (ЛиСи) А. А. Урбанович	
	Средние значения по шкалам относящимся к социальной идентичности Средние значения по шкалам, отражающим личностную идентичность	отражает насколько и в каких сферах у человека наступает разлад с собой и с социальным окружением

Выделенные с помощью кластерного анализа группы были подвергнуты сравнительному анализу по тем диагностическим показателям, которые легли в основу дифференциации выборки. При анализе нами использовался непараметрический метод сравнения – критерий U-Манна-Уитни (в случае если распределение признака в выборках отличалось от нормального), и параметрический метод – критерий t-Стьюдента (приложение Г). В таблице 4 отражены статистически достоверные различия между выборками.

Таблица 4 – Средние значения диагностических показателей в двух экспериментальных группах

Диагностические показатели	1 ЭГ (173 чел.)	2 ЭГ (106 чел.)	p-уровень
Величина идентификации «Я в прошлом»	4,25	3,69	0,01
Коэффициент близости элементов «Я в прошлом» - «Я в будущем»	0,71	0,75	0,02
Коэффициент близости элементов «Я в будущем» - «Человек, чья жизнь осмысленна»	0,58	0,62	0,01
Индекс Бири	24,00	21,24	0,0001
Индекс связанности В. Крокетта	19,46	17,49	0,0001
Цели в жизни	33,83	23,13	0,0001
Процесс жизни	33,75	22,22	0,0001
Результативность жизни	27,46	18,10	0,0001
Личностная идентичность	6,11	4,57	0,0001
Социальная идентичность	6,11	4,86	0,0001

У респондентов первой экспериментальной группы величина идентификации с образом себя в прошлом значительно больше, чем у респондентов второй экспериментальной группы, что свидетельствует о включенности прошлого, а именно образа «Я в прошлом», в общий образ «Я», наряду с «Я» в настоящем и в будущем (рисунок 1).

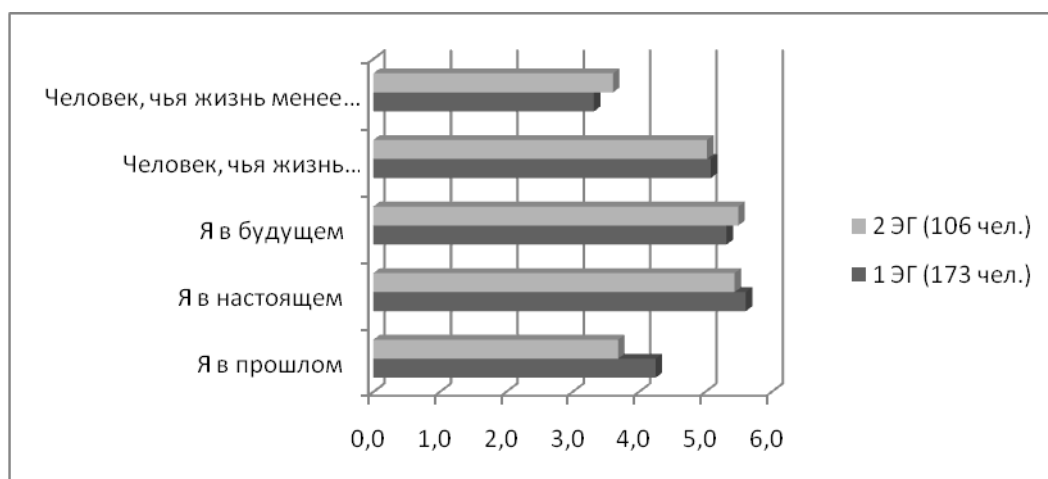

Рисунок 1 – Показатели величины идентификации испытуемых экспериментальных групп

Сравнительный анализ корреляционных связей между элементами идентификации (таблица 5) так же показал существенные различия в экспериментальных группах. Так, в первой экспериментальной группе выявлена

прямая взаимосвязь между идентификацией себя в прошлом и настоящем, во второй группе данной взаимосвязи нет. Другими словами, для респондентов первой группы актуализация образа прошлого «Я» непосредственно связана с актуализацией образа себя в настоящем и наоборот.

Респонденты же второй группы, обращаясь к образу «Я» в прошлом актуализируют процесс идентификации с антиидеалом, через их обратную взаимосвязь. В обеих выборках наблюдается взаимосвязь таких элементов идентификации, как «Я в настоящем» и «Я в будущем», однако в первой экспериментальной группе актуализация образа себя как в настоящем, так и в будущем находится в более сложной системе взаимосвязей с другими элементами идентификации («человек, чья жизнь осмысленна» как образ идеала, и «человек, чья жизнь менее осмысленна» как антиидеал).

Таблица 5 – Коэффициенты корреляции r-Спирмена элементов идентификации

Элементы репертуарных решеток		1 ЭГ (173 чел.)				
		Я в прошлом	Я в настоящем	Я в будущем	Идеал	Антиидеал
2 ЭГ (106 чел.)	Я в прошлом	х	0,33**	0,10	-0,03	-0,15
	Я в настоящем	0,19	х	0,38**	0,23**	-0,21**
	Я в будущем	0,06	0,26**	х	0,34**	-0,17*
	Идеал	-0,14	0,14	0,20*	х	-0,09
	Антиидеал	-0,21*	-0,14	-0,16	0,02	х
** – $p \leq 0,01$, * – $p \leq 0,05$						

Таким образом, можно говорить о том, что группы различны по степени взаимосвязанности как временных, так и смысловых идентификационных элементов, для первой группы характерна более сложная система взаимосвязей с включением в целостный образ «Я» всех временных элементов. Данный вывод подтверждает и анализ коэффициентов близости, отражающих степень дистанции между элементами идентификации.

Для респондентов первой группы образ «Я в прошлом» значимо ближе к образу «Я в будущем», чем для респондентов второй группы (чем меньше коэффициент, тем ближе элементы расположены друг к другу). Показатель близости характеризует проницаемость границ между временными локусами смысла и описывает

направленность вектора идентификации (А. В. Серый). Исходя из этого, можно сделать вывод о том, что для респондентов первой группы образ себя в будущем во многом отражает то, какими они видят себя в прошлом. Кроме того, образ себя в будущем, у респондентов этой группы, сближается с образом идеала, характеризуя достаточно оптимистическое отношение к собственному будущему. Как отмечает А. В. Серый: «Достаточно большое расхождение между «Я»-образами различных временных локусов указывает на неадекватность в восприятии себя как целостного субъекта осмысленной деятельности и ригидность в отношении определенных элементов действительности» [151, с. 110]. В нашем случае разорванность в преемственности «Я»-образов прошлого и будущего наблюдается во второй экспериментальной группе. Однако необходимо отметить, что в целом у респондентов обеих выборок картина, отражающая близость элементов идентичности, во много схожа. Ведущим отличием в плане преемственности образов себя, локализованных в различных темпоральных модусах, является оторванность «Я»-образа прошлого во второй экспериментальной группе, что, на наш взгляд, позволяет говорить о некоторой доли нарушения тождественности образа «Я» во времени.

Существенные различия выявлены и в специфике ценностно-смысловой сферы респондентов двух групп. У респондентов первой экспериментальной группы более выражено присутствие целей в будущем, придающее направленность жизни; наполненное смыслом настоящее, оцениваемое как удовлетворительное и эмоционально насыщенное; осмысленная оценка прошлого, как продуктивного, что говорит о высокой степени осмысленности жизни в целом. Во второй группе, напротив, общая осмысленность жизни значительно ниже, что проявляется в отсутствии целей на будущее, неудовлетворенности настоящим и прожитой частью жизни. Еще одним показателем, позволяющим охарактеризовать ценностно-смысловую сферу, является уровень когнитивной сложности, диагностируемый с помощью подсчетов индекса Бири и индекса связанности В. Крокетта (чем больше индекс, тем ниже когнитивная сложность). Б. Баннистер определяет когнитивную сложность как способность конструировать социальное поведение на основе

многочисленных параметров: чем больше степень когнитивной сложности у испытуемого, тем более дифференцированной системой измерения для восприятия поведения других он обладает [167], иными словами – тем более дифференцированная система смыслов и ценностей, которые применяются индивидом в процессе взаимодействия с окружающей действительностью. В обеих группах полученные индексы невысокие, что говорит о достаточно сложной когнитивной структуре смысловой сферы. Однако во второй экспериментальной группе наблюдается более высокий уровень когнитивной сложности, и это, на наш взгляд, довольно важное отличие, демонстрирующее наличие некоторого противоречия. Так, наряду с общим низким показателем осмысленности жизни, у испытуемых второй группы наблюдается более разнообразная система способов дифференциации объектов, меньшее количество слитых конструкторов (смыслов), что, в свою очередь, отражает направленный характер рефлексии. Обладая достаточно сложной системой конструкторов, помогающих воспринимать и понимать окружающую действительность, прогнозировать и оценивать события, человек, тем не менее, характеризует свою жизнь как неудовлетворительную, не ставит перед собой далеких целей. Можно сделать предположение о том, что в данный момент у индивида происходит перестройка системы ценностей, переосмысление и обесценивание прошлого опыта, с целью создания нового взгляда на жизнь. Выявленное противоречие позволяет утверждать о том, что респонденты второй экспериментальной группы находятся в состоянии перестройки структуры ценностно-смысловой сферы.

Еще одним критерием для выделения двух групп выступили средние значения по шкалам методики ЛиСИ (А. А. Урбанович), отражающие личностную и социальную идентичность через степень интеграции человека в сферы социального взаимодействия и внутреннего мира человека. Полученные достоверные различия позволяют говорить о том, что респонденты первой экспериментальной группы как в социальном, так и в личностном пространстве осознали свою принадлежность к той или иной социально-личностной позиции. В данном случае наблюдается интеграция активности человека во внутреннем и внешнем плане

жизнеосуществления. Низкий уровень интеграции различных социально-личностных позиций в существующий образ «Я» характерен для респондентов второй экспериментальной группы.

Таким образом, респонденты первой экспериментальной группы в большей степени осознают собственную принадлежность к определенной социально-личностной позиции и характеризуются более интегрированным и целостным образом «Я», включающим все идентификационные элементы, локализованные в различных временных модусах, в частности, образ «Я в прошлом», актуализация которого взаимосвязана с актуализацией образа «Я в настоящем». При этом существует определенная преемственность темпоральных образов «Я». Ценностно-смысловая сфера респондентов характеризуется достаточно высоким уровнем когнитивной сложности и наличием направленных и осмысленных жизненных целей, оценкой прожитого периода как продуктивного и наполненного смыслом, эмоциональной насыщенностью настоящего. На основании полученной характеристики мы делаем вывод о том, что первую экспериментальную группу составили респонденты, не переживающие кризис идентичности (условное обозначение группы – **НКИ**).

Для респондентов второй группы характерен более низкий уровень идентификации себя с образом «Я в прошлом», нарушение тождественности образа «Я» во времени, что отражается в отсутствии преемственности между образами «Я в прошлом» и «Я в будущем». Существующее противоречие между высоким уровнем когнитивной сложности смысловой сферы и общим низким показателем осмысленности различных временных периодов жизни свидетельствует о происходящей перестройке в структуре ценностно-смысловой сферы. При этом для респондентов второй экспериментальной группы характерен более низкий, чем в первой экспериментальной группе, уровень интеграции различных социально-личностных позиций в целостный образ «Я», что позволяет сделать нам обоснованный вывод о том, что респонденты рассматриваемой группы находятся в состоянии кризиса идентичности (условное обозначение группы **КИ**).

В связи с тем, что общая выборка по соотношению девушек и юношей не была уравнена, требовалась проверка возможной роли гендерного аспекта, как побочной переменной в нашем исследовании. С целью выявления возможной связи гендерного аспекта с переживанием кризиса идентичности, нами был проведен анализ таблицы сопряженности с применением критерия χ^2 -Пирсона, где в качестве категорий (градаций) выступал пол респондента и его отнесенность к одной из выделенных групп, что отражает наличие или отсутствие кризиса идентичности. Полученные результаты ($\chi^2=0,84$; $p=0,439$), позволяют утверждать о независимости двух выделенных оснований, таким образом в нашей выборке гендерный признак не оказывает существенного влияния на специфику переживания кризиса идентичности.

Феноменологическое описание экспериментальных групп

Кризис идентичности, как уже неоднократно было указано, связан с нарушением тождественности образа «Я» во времени. В связи с чем можно сделать предположение о том, что взаимообусловленное сближение или отдаление образов «Я», локализованных в различных временных зонах в случае переживания кризиса идентичности имеет специфические особенности. Для проверки данного предположения нами был проведен факторный анализ коэффициентов близости, отражающих степень дистанции между элементами идентификации («Я в прошлом», «Я в настоящем», «Я в будущем», идеал и антиидеал). При проведении данной операции нами использовался анализ главных компонент с применением варимакс-вращения. Полученные факторные структуры в свою очередь сравнивались между двумя выборками (приложение Д).

При переживании кризиса идентичности факторная структура близости элементов идентификации включает четыре фактора (описывают 65,09% общей суммарной дисперсии): первый фактор – 18,04%, второй – 17,14 %, третий – 16,8%, четвертый – 13,06%.

При отсутствии переживания кризиса идентичности структура близости элементов идентификации так же включает четыре фактора (описывают 65,65%

общей суммарной дисперсии): первый фактор – 17,76%, второй – 17,66%, третий – 16,68%, четвертый – 13,55%.

На рисунке 2 схематично представлены выделенные факторы, отражено сближение и отдаление элементов идентификации, характерных для респондентов, переживающих кризис идентичности. При анализе схемы необходимо учитывать, что связи между элементами в рамках одного фактора могут быть заменены на противоположные.

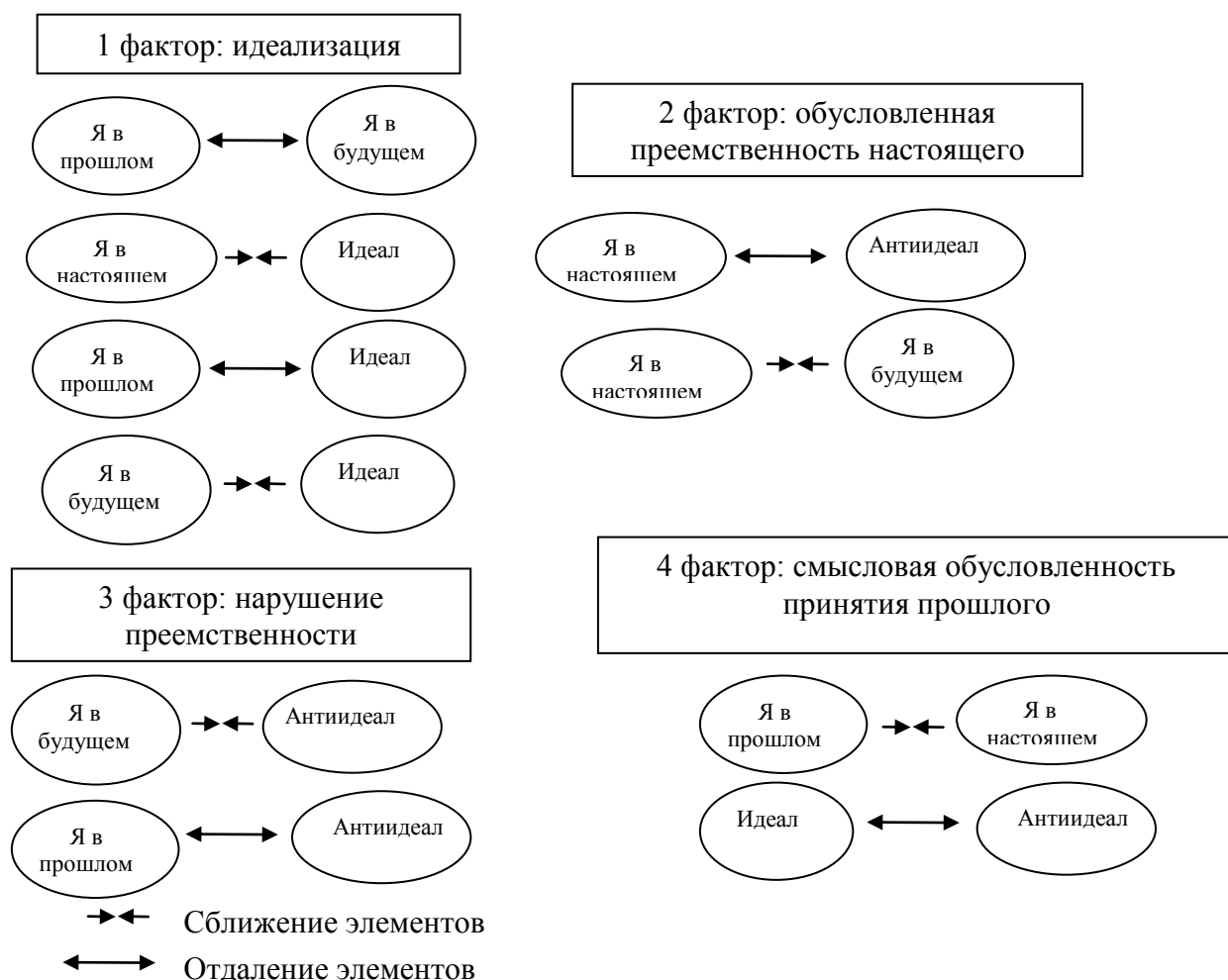

Рисунок 2 –Факторная структура, отражающая взаимообусловленное сближение или отдаление элементов идентификации при переживании кризиса идентичности

Рассмотрим факторную структуру близости идентификационных элементов, характерную для группы КИ. Первый фактор был условно назван нами «Идеализация». Данный фактор отражает связь процесса идеализации образа себя в настоящем и в будущем с обесцениванием образа «Я в прошлом» (отдаление с

образом идеала) и дистанцировании его от образа «Я в будущем». Упрощенно данный механизм можно представить следующими рассуждениями: «В прошлом я был не идеален и не достаточно осознанно подходил к жизни, но в будущем я буду не таким как в прошлом, я уже сейчас стремлюсь стать лучше и в будущем точно буду близок к своему идеалу».

Второй фактор описывает взаимосвязь процесса сближения образов «Я в настоящем» и «Я в будущем» с отдалением образа себя в настоящем от антиидеала: «Я в будущем буду походить на себя настоящего, но только если в настоящем я не обладаю теми чертами, которые мне не нравятся, а если я посчитаю, что сегодняшний Я – не самый осмысленный человек, то в будущем я стану другим». Данный фактор обозначен нами как «Обусловленная преемственность настоящего».

Третий фактор, на наш взгляд, отражает расхождение образа «Я» в прошлом и будущем посредством сравнения образов себя с антиидеалом: «В прошлом я был не самым сознательным человеком, в будущем я отойду от этого образа». Условное обозначение фактора – «Нарушение преемственности».

Четвертый фактор отражает связь сближения образов «Я» в прошлом и настоящем с дистанцированием образов идеала и антиидеала: чем «дальше» друг от друга расположены эти образы, тем ближе «Я в прошлом» и «Я в настоящем», и, наоборот: с увеличением дистанции между временными образами «Я» уменьшается дистанция между образами идеала и антиидеала. Примером для иллюстрации могут выступить следующие рассуждения: «Существует значимое различие между тем, кто подходит к жизни осмысленно, и тем, кто этого не делает, в этом плане Я сегодняшний очень похож на себя вчерашнего» или «В прошлом я был совсем не таким, как в настоящем, неважно насколько осмысленное отношение к жизни у меня было: я не считаю, что человек, чья жизнь осмысленна, и человек, чья жизнь менее осмысленна сильно отличаются друг от друга». Оценка своего прошлого при переживании кризиса идентичности сильно связана с существующими у субъекта представлениями об идеале: в случае, если образы идеального и антиидеального сближаются, то расходятся образы себя в прошлом и в настоящем, в связи с этим

выделенный фактор был обозначен как «Смысловая обусловленность принятия прошлого».

Иная факторная структура близости элементов идентификации получена в выборке испытуемых, не переживающих кризис идентичности (рисунок 3).

Первый фактор «Смысловое сближение» отражает взаимосвязь сближения образа «Я в прошлом» с образом идеала и сближения образов «Я» в прошлом и будущем; при этом образ «Я в настоящем» дистанцируется от антиидеала.

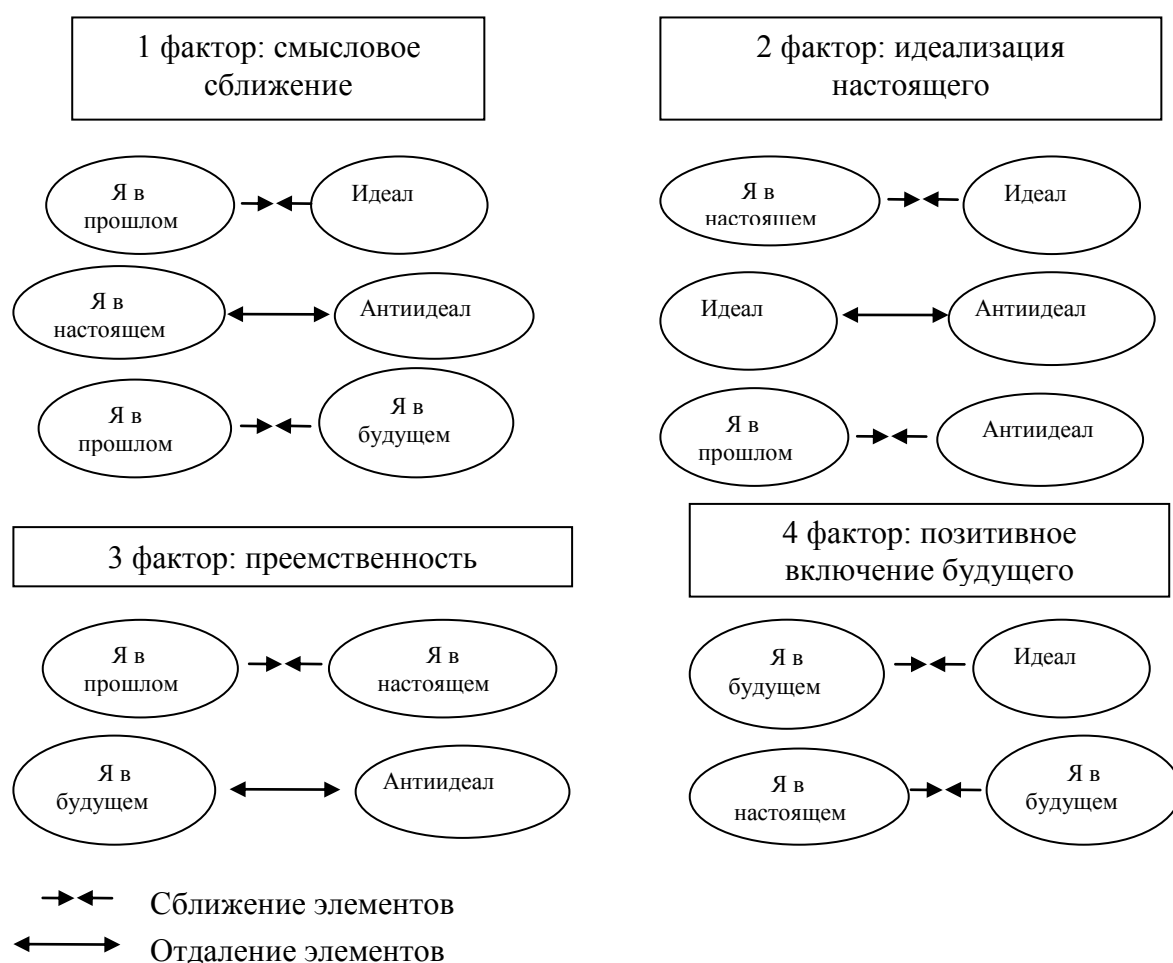

Рисунок 3 – Механизм взаимообусловленного сближения или отдаления элементов идентификации при отсутствии переживания кризиса идентичности

В отличие от ранее описанного взаимообусловленного сближения идентификационных элементов, характерного для лиц, переживающих кризис идентичности, здесь сближение прошлого и будущего «Я» опосредуется идеализированием прошлого, его положительной оценкой. Данную связь можно проиллюстрировать следующим высказыванием: «В прошлом я был достаточно

осознанным человеком, которым остаюсь и сейчас. Сегодня я оцениваю себя вполне положительно, мой образ далек от человека, неосмысленно подходящего к жизни, и, думаю, Я в будущем буду похож на себя в прошлом».

Второй фактор «Идеализация настоящего» отражает сближение образа себя в настоящем с идеалом. Так, сближение этих элементов связано с расхождением образов идеального и антиидеального и своеобразным обесцениванием себя в прошлом, через сближение «Я в прошлом» с антиидеалом: «Человек, который ведет осмысленную жизнь, отличается от того, кто менее осмысленно подходит к решению жизненных задач, в прошлом я был менее осознанным, но в настоящем я более сознательно подхожу к жизни».

Третий фактор описывает взаимосвязь сближения элементов «Я в прошлом» — «Я в настоящем» и дистанцирование образа себя в будущем от антиидеала. Иными словами, для респондентов, не переживающих кризис идентичности, сближение представлений о себе в прошлом с представлениями о себе в настоящем непосредственно связано с достаточно позитивной оценкой своего будущего «Я»: «Если я сегодня такой же, каким был вчера, то и в будущем я буду достаточно осмысленным человеком». Позитивная направленность оценки подтверждается близостью образа «Я в прошлом» и идеала в первом факторе.

Четвертый фактор был обозначен как «Позитивное включение будущего». Здесь свое отражение находит сближение образа себя в будущем с идеалом, что непосредственно связано с близостью образов «Я в настоящем» и «Я в будущем»: «В будущем я буду похож на себя сегодняшнего и буду достаточно осмысленно относиться к жизни».

Таким образом, при переживании кризиса идентичности в процессе идентификации происходит обесценивание образа «Я в прошлом», сближение его с антиидеалом, и стремление измениться в лучшую сторону. Интеграция образов «Я» настоящего и будущего происходит за счет отделения их от образа «Я» в прошлом, основанием данного разделения выступает параметр осмысленности-бессмысленности или идеала-антиидеала. При отсутствии переживания кризиса идентичности тождественность образов «Я» различных временных измерений

достигается за счет общей позитивной оценки всех темпоральных элементов идентичности, в частности образа «Я в прошлом».

Достоверные различия между выборками были выявлены и при рассмотрении специфики идентификации в различных сферах жизнедеятельности. Математический анализ с помощью t-критерия Стьюдента показал, что практически по всем шкалам методики «Личностная и социальная идентичность» между выборками существуют статистически значимые различия (таблица 6).

Таблица 6 – Средние значения по показателям личностной и социальной идентичности исследуемых групп (методика ЛиСИ)

Шкалы методики	НКИ	КИ	p-уровень
Моя учеба (работа)	4,98	4,05	0,010
Мое материальное положение	5,82	4,59	0,001
Мой внутренний мир	6,38	4,69	0,001
Мое здоровье	5,62	4,52	0,001
Моя семья	7,31	5,50	0,001
Мои отношения с окружающими.	7,40	5,60	0,001
Мое будущее	6,34	4,59	0,001
Я и общество, в котором живу	5,04	4,51	0,100

Данные результаты ожидаемы, если учесть, что усредненные показатели по сумме шкал были включены в кластерный анализ. Тем не менее, представляется необходимым остановиться подробно на полученных результатах, так как это позволит дать содержательное описание сформированных групп.

Более высокие показатели по шкалам методики, которые наблюдаются в контрольной группе респондентов, не переживающих кризис идентичности, говорят о более осознанной и интегрированной внутренней позиции, в которой согласованы личностные и социальные сферы идентификации. В данном случае наблюдается определенная интеграция на субъективном уровне внутреннего и внешнего мира человека в общий образ жизни (Э. Эриксон). Это отражается в большей степени осознания и принятия учебной деятельности, умении представлять себя в профессии, которую человек самостоятельно выбрал. Сближение образов «Я» прошлого, настоящего и будущего приводит к принятию роли учебной деятельности не только, как необходимости и «жизненной вынужденности», но и как

определенного, а главное – осознанного, шага по пути к своему профессиональному будущему. Необходимо отметить, что оценки по шкале «Моя учеба (работа)» вне зависимости от переживания кризиса идентичности относительно невысоки. На наш взгляд, это не является противоречием, а напротив, характеризует общую выборку, представленную студенческой молодежью. Осмысление и переоценка профессионального направления, выбранного в качестве своей будущей специальности, является типичной для данного возраста и социальной ситуации развития и не выступает в качестве прямого следствия переживания кризиса идентичности. Намного показательней в этом плане является общая включенность субъекта в различные сферы деятельности, не только учебной.

В сфере материального положения у респондентов группы НКИ проявляется активная и ответственная позиция: понимание необходимости материально обеспечивать себя и свою будущую семью, умение придерживаться рамок имеющегося бюджета, способность формировать и претворять в жизнь план действий по улучшению материального благосостояния – все это является признаком определенной сформированности социальной позиции, так как рациональное отношение к материальным благам представляет собой необходимое условие для адаптивного и комфортного существования личности в современном обществе.

Сфера отношений с другими людьми и семейная сфера характеризуются самыми высокими показателями, что предполагает принятие и выполнение соответствующих социальных ролей. Это проявляется в принятии и интересе к точке зрения других людей, осознании субъектом заинтересованности других людей в общении с ним, умении слушать, понимать и ценить людей, с которыми происходит общение, наличии позитивно оцениваемых дружеских и приятельских отношений. Идентификация себя в области семьи и семейных отношений проявляется не только при рассмотрении себя с позиции прошлого и настоящего, но и с точки зрения себя в будущем. Чаще всего в студенческом возрасте только зарождаются межличностные отношения, которые в будущем могут привести к созданию собственной семьи, однако у респондентов, не переживающих кризис идентичности, уже на данном

этапе проявляется сформированная личностная позиция, отражающая принятие будущей социальной роли семьянина. Эта позиция проявляется в приписывании высокой значимости собственной будущей семье и своей роли в ней, стремлении налаживать хорошие отношения с родственниками будущего супруга. Кроме того, ярко выражено стремление к взаимодействию с членами своей родительской семьи, осознание единства и общности, стремление понимать и помогать своим родственникам в различных формах проявления помощи (эмоциональная поддержка, будущая финансовая помощь и др.).

Характеристика респондентов группы НКИ, данная выше, касается скорее социальной идентичности, личностная же идентичность, с нашей точки зрения, включает в себя такие области самооценки респондента, как внутренний мир, здоровье и персональное будущее. Отношение к здоровью у респондентов, не переживающих кризис идентичности, можно оценить как более сознательное и ответственное, чем у респондентов экспериментальной группы. Так, в плане действий, направленных на сохранение собственного здоровья, представлены такие формы заботы о нем, как регулярное посещение врача, занятия физической культурой, отсутствие вредных привычек (курение, алкоголизм), сбалансированный рацион питания. Необходимо заметить, что среднее по шкале «Здоровье» в выборке НКИ является одним из самых низких показателей, в сравнении с другим шкалами, так же как и в группе КИ. На наш взгляд, данный факт можно объяснить возрастными особенностями опрашиваемых. Юношеский возраст (период студенчества) не предполагает сознательного отношения к своему здоровью. Ценность здоровья прививается нам еще с малых лет, однако истинное значение «здорового тела» понимается лишь с годами, когда человек начинает сталкиваться с возрастными изменениями и различными заболеваниями.

Внутренний мир при отсутствии кризиса идентичности становится одной из ведущих сфер самоопределения. Респонденты группы НКИ отмечают наличие плана личностного развития и стремление к его реализации, знание своих внутренних возможностей и внутриличностных ресурсов, постоянное «деятельное» развитие себя через чтение разнообразной литературы, посещение различных мероприятий

как культурного, так и учебного формата. Перечисленные выше качества являются необходимыми факторами для совладения с теми жизненными ситуациями, которые могут привести к переживанию кризиса идентичности, и предполагают наличие интегрированного и позитивного образа «Я». Подобное восприятие своего внутреннего «Я» позволяет респондентам найти в себе те самые ресурсы, которые помогают сохранить целостный образ себя как во внутреннем, так и во внешнем плане. Аналогичную функцию осуществляет и виденье своего персонального будущего, образ которого более структурирован в группе НКИ. Наличие четких целей в жизни, умение их ставить и реализовывать, умение анализировать факторы и условия, способствующие достижению целей или препятствующие этому, готовность к возможному пересмотру жизненных целей и наличие жизненного плана в целом – выступают как необходимые ресурсы для совладения с кризисом идентичности.

У респондентов, переживающих кризис идентичности, показатели по шкалам рассматриваемой методики статистически значимо ниже, чем у респондентов группы НКИ. При переживании кризиса идентичности наблюдается низкий уровень интеграции различных социально-личностных позиций в существующий образ «Я». Для респондентов этой группы характерно более выраженное неприятие существующей роли студента, сложность в представлении себя в выбранной профессии. Отсутствие активной деятельности по развитию необходимых учебных и профессиональных навыков. Настоящее, ведущим элементом которого является получение специальности, во внутреннем плане жизни оторвано от будущей профессиональной деятельности, что не позволяет создать единую целостную картину или образ себя, как специалиста. Неумение рационально использовать имеющиеся материальные блага, отсутствие понимания необходимости в будущем самостоятельно зарабатывать и материально обеспечивать себя и своих близких. Здесь необходимо отметить, что на уровне «знания» каждый человек знает, что рано или поздно ему придется стать самостоятельным, работать и обеспечивать удовлетворение своих нужд и потребностей, однако при переживании кризиса идентичности подобные знания остаются лишь теоретическими, оторванными от

реальности и не имеющими какие-либо планы по их реализации. Для студентов данной группы характерны такие высказывания, как «Хочу выйти замуж за богатого», «Очень надеюсь выиграть миллион», «Я определенно хочу найти клад» (метод мотивационной индукции Ж. Нюттена). Подобный образ мыслей говорит об отсутствии личной ответственности в области именно материального достатка.

В отношении интеграции в общественную жизнь мы так же можем говорить о более низком уровне принятия респондентами группы КИ своего социального статуса, что проявляется в условной «оторванности» человека от социального мира. Непринятие различных социальных ролей отражается и во взаимоотношениях с окружающими: обесценивание позиций других людей, нежелание понимать их, избегание тесных контактов и раскрытия себя в общении, отсутствие положительной оценки себя с точки зрения «интересности» для других, отсутствие или обесценивание дружеских отношений. При переживании кризиса идентичности происходит неосознанное отталкивание других людей, с целью защиты своего и без того дисгармоничного внутреннего мира.

Аналогичная картина наблюдается и во взаимоотношении с родственниками: человек, переживающий кризис идентичности, отдаляется от своей семьи. Это отдаление сопровождается чувством непричастности к семейному кругу, отказом от стремления налаживать теплые семейные отношения, принятием или уходом от общих интересов и увлечений. Неудовлетворенность эмоциональными отношениями, ощущение одиночества даже в кругу самых близких и родных. При этом семья остается одной из значимых сфер самоопределения. Такой конфликт не может не отражаться на общем образе «Я» в пространстве семьи: субъективно человек воспринимает себя как обособленный элемент семейных отношений, и в то же время семейные отношения необходимы ему, т.к. являются одной из важнейших ценностей. Однако необходимо заметить, что средние показатели по шкалам «Семья» и «Мои отношения с окружающими» являются наиболее высокими среди остальных шкал по выборке КИ. Отсюда следует вывод, что именно сфера межличностного взаимодействия, отражающая потребность в общении с другими людьми, выступает в качестве ресурса по самоопределению субъектом своей

личностной позиции и позволяет на определенном уровне «справляться» с последствиями переживаемого кризиса идентичности. На наш взгляд, подобная тенденция подтверждает существующую в науке точку зрения о том, что кризис идентичности конструктивно переживается лишь в случае наличия социального взаимодействия, в ходе общения и деятельной практики (Р. Дженкинс). Г. У. Солдатова отмечает, что кризисные трансформации идентичности лежат ближе к социальному, а не персональному полюсу идентичности, именно эти «групповые» трансформации и ведут либо к деструктивному, либо к конструктивному переживанию кризиса идентичности [156].

При переживании кризиса для внутреннего мира субъекта характерна дисгармония и непонимание себя, своих желаний и мотивов. При этом смысловая сфера респондентов данной группы характеризуется большей степенью сложности. Неприятие личностных ресурсов, обесценивание себя в прошлом приводит к слабой жизненной позиции, очень «шаткому» образу «Я». Респонденты, переживающие кризис идентичности, в меньшей степени склонны к обдумыванию путей личностного роста. Субъективно разрозненный образ «Я» не позволяет найти некую основу для интеграции различных представлений о себе, которых довольно много. Все эти представления не являются частью интегрированного целого и не позволяют личности направить энергию действия в какую-либо конкретную сферу жизни. Естественным образом все это сказывается и на области представлений респондентов о личном будущем: отсутствие четко поставленных целей и планов их реализации, несформированность образа будущего Я (например, Я-профессионал, Я-будущий родитель и т.д.). При переживании кризиса идентичности человек не в состоянии сформировать общий жизненный план, так как для этого необходима реализация нескольких условий: знание прошлого опыта и умение интегрировать его в свое настоящее (однако при кризисе идентичности прошлое часто становится оторванным от настоящего); понимание себя и наличие четкого образа «Я», осознание собственных интересов и устремлений; а третье условие – это наличие жизненных целей, которые являются мотивирующим фактором в жизни человека.

Как мы видим, в ситуации переживания кризиса идентичности все три условия являются нереализованными на субъективном уровне.

Интерес представляет анализ взаимосвязи различных сфер самоидентификации со смысложизненными ориентациями. Нами было выдвинуто предположение о том, что переживание кризиса идентичности может найти свое отражение в том, какие смысловые ориентиры человек связывает с той или иной областью жизнеосуществления. Для проверки данного предположения нами был проведен корреляционный анализ между шкалами методики ЛиСИ (А. А. Урбанович) и СЖО (Д. А. Леонтьев). В таблице 7 представлены результаты корреляционного анализа для контрольной и экспериментальной группы.

Так, идентификация себя в профессиональной сфере при переживании кризиса идентичности взаимосвязана только с восприятием насыщенности настоящего и наличием целей в жизни, в то время как при отсутствии переживания кризиса данная сфера взаимосвязана еще и со шкалами «Локус контроля-Я», «Локус контроля-Жизнь» и общей осмысленностью жизни. Налицо различия в смысловом отношении к профессиональной деятельности.

Таблица 7 – Взаимосвязь показателей смысложизненных ориентаций и параметров личностной и социальной идентичности для двух групп

Шкалы методик	<i>Результат</i>		<i>Процесс</i>		<i>Цели</i>		<i>ЛК-Я</i>		<i>ЛК-жизнь</i>		<i>ОЖ</i>	
	НКИ	КИ	НКИ	КИ	НКИ	КИ	НКИ	КИ	НКИ	КИ	НКИ	КИ
Учеба (работа)	0,10	0,01	0,13	0,26**	0,23**	0,26**	0,24**	0,15	0,20**	0,03	0,24**	0,08
Материальное положение	0,08	0,19	0,13	0,12	0,05	0,32**	0,12	0,24**	0,01	0,04	0,13	0,24**
Внутренний мир	0,09	0,15	0,06	0,08	0,20**	0,18	0,20**	0,06	0,11	0,04	0,19**	0,10
Здоровье	0,24**	0,18	0,11	0,03	0,11	0,13	0,15*	0,04	0,02	-0,03	0,14	0,05
Семья	0,15	0,22*	0,11	0,15	0,21**	0,34**	0,18*	0,26**	0,14	0,09	0,18*	0,32**
Отношения с окружающими.	0,06	0,29**	0,06	0,12	0,13	0,27**	0,09	0,21*	-0,02	0,13	0,07	0,29**
Мое будущее	0,09	0,17	0,17*	0,21*	0,15*	0,20*	0,16*	0,23*	0,16*	0,12	0,22**	0,16
Я и общество, в котором живу	0,03	0,27**	0,17*	0,15	0,09	0,34**	0,12	0,17	0,06	0,05	0,12	0,20*

** – $p \leq 0,01$; * – $p \leq 0,05$

Если при переживании кризиса идентичности учебная деятельность выступает в качестве источника впечатлений в настоящем и жизненных целей в будущем, то при отсутствии переживания кризиса учебная и профессиональная деятельность связаны еще и с самостоятельными решениями, убежденностью в возможности

контролировать и изменять свою жизнь. В данном ракурсе получение будущей профессии отражает общую осмысленную позицию к жизни. Интересным является то, что при переживании кризиса идентичности во взаимосвязь с общей осмысленностью жизни входит шкала «Мое материальное положение», описывающая общую направленность на материальное благосостояние и умение распоряжаться материальными благами, эта же шкала связана с наличием или отсутствием целей в жизни и восприятием себя как «хозяина жизни». И вот мы сталкиваемся с еще одним довольно противоречивым моментом, характеризующим жизненную позицию респондентов, находящихся в кризисе идентичности. Принимая во внимание представленное выше описание специфики деятельностного отношения к материальному миру у респондентов данной группы, отражающее общее неумение распоряжаться материальными средствами, мы приходим к выводу, что смысловое наполнение жизненного пространства в этой сфере по факту остается нереализованным. С другой стороны – материальное благосостояние напрямую зависит от будущей профессиональной деятельности, которая, в свою очередь, почему-то не находится во взаимосвязи с общей осмысленностью жизни и не выступает в качестве инструмента, позволяющим контролировать эту жизнь.

Еще одним существенным различием в системе взаимосвязей сфер идентификации и смысложизненных ориентаций в выборке КИ выступает отсутствие каких-либо связей шкал «Мой внутренний» и «Мое здоровье», относящихся к личностной идентичности. Сферы, включенные в личностную идентификацию, отражающие сознательное и ответственное отношение к себе, предполагающие стремление к саморазвитию не связываются со смысловым наполнением жизни и не становятся средствами реализации смыслов.

При переживании кризиса идентичности наиболее связанными со смысловыми ориентациями выступают такие сферы самоидентификации как семья и отношения с окружающими людьми, что подтверждает уже выдвинутое нами предположение о значимости социального взаимодействия в кризисный период.

В целом можно отметить, что при отсутствии переживания кризиса идентичности наибольшее количество взаимосвязей со смысложизненными

ориентациями имеют такие области самоидентификации, как учебно-профессиональная деятельность, семейные отношения (социальная идентичность), область внутреннего мира и сфера личного будущего (личностная идентичность). При переживании кризиса идентичности наиболее смыслодержательными сферами являются сферы межличностного общения (семья, отношения с окружающими, общая социальная позиция), материальное положение (социальная идентичность). Это позволяет говорить о некотором различии в соотношении взаимосвязей смысловых элементов и социальных и личностных областей самоопределения: в случае переживания кризиса идентичности наиболее связанными со смысловыми образованиями выступают области социального взаимодействия, при отсутствии кризиса данные области уже не являются ведущими, а становятся наравне со сферами, отражающими личностную идентичность.

С целью получения качественных данных нами использовалась методика Куна-Макпартленда «Кто Я?». Изначальное предположение о том, что в выделенных группах при описании респондентами восприятия себя, будут обнаружены значимые различия по идентификационным категориям, подтвердилось. Различия процентной представленности категорий между выборками выявлялись с применением критерия углового преобразования Фишера (таблица 8). При анализе соотношения социальных ролей и индивидуальных характеристик, обнаружилось, что при переживании кризиса идентичности респонденты значимо чаще при описании себя указывают на социальные роли (61,12 % от общего числа ответов). Как отмечает Т. В. Румянцева – доминирование в самоописании социальных характеристик может говорить о выраженной тенденции к самозащите и важности принадлежности к какой-либо социальной группе [141, с. 97]. При отсутствии переживания кризиса идентичности соотношение социальных и индивидуальных характеристик приблизительно равное (51,67% – социальные роли; 48,33% – индивидуальные), что отражает гармоничное соотношение социальной и личностной идентичности, интегрирующих целостное представление о себе.

Таблица 8 – Представленность категорий анализа по результатам методики «Кто я?» (%)

	НКИ	КИ	φ эмп.
Анализ соотношения социальных ролей и индивидуальных характеристик			
Социальные роли	51,67	61,12	5,09*
Индивидуальные характеристики	48,33	38,88	4,98*
Анализ идентификационных характеристик			
Социальное «Я»	25,7	32,3	3,83*
Коммуникативное «Я»	9,1	14,0	4,04*
Материальное «Я»	0,4	1,8	3,72*
Физическое «Я»	5,4	6,0	0,68
Деятельное «Я»	25,8	18,1	1,15
Перспективное «Я»	6,6	3,9	3,20*
Рефлексивное «Я»	27,1	23,9	5,66*
Анализ показателей проблемной идентичности			
Проблемная идентичность	0,00	0,30	7,82*
* - $p \leq 0,01$			

Рассмотрение частоты встречаемости различных категорий идентификационных характеристик позволяет говорить о том, что в обеих группах наиболее часто респонденты описывают себя посредством указания выполняемых социальных ролей, рефлексивных особенностей (личностных качеств, особенностей характера) и различных деятельных определений, отражающих занятия, увлечения, имеющийся опыт. Однако межгрупповое сравнение все равно дает значимые различия в частоте использования самоописательных характеристик той или иной категории (рисунок 4).

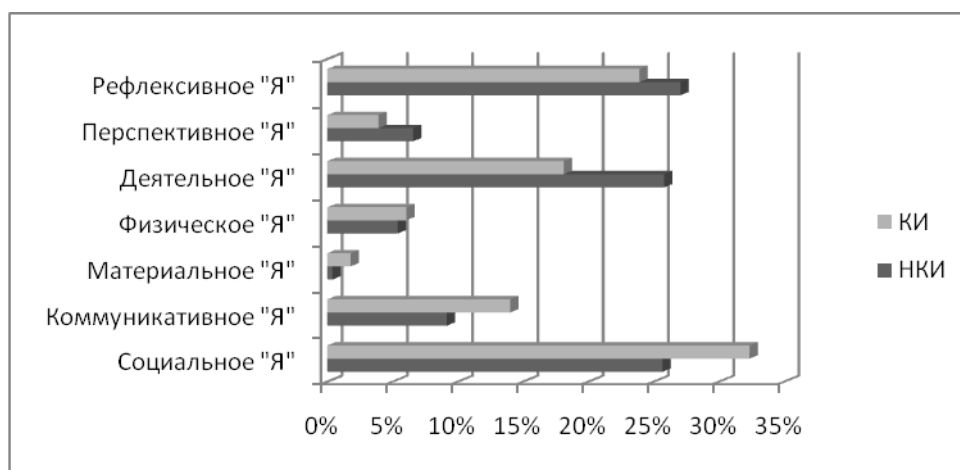

Рисунок 4 – Соотношение идентификационных категорий по методике «Кто я?» в экспериментальной и контрольной группе

Выше нами было указано, что сфера межличностного общения в процессе идентификации играет ведущую роль при переживании кризиса идентичности. Данное положение находит свое подтверждение и при анализе самоописаний респондентов: при переживании кризиса идентичности респонденты чаще характеризуют себя посредством указания на межличностные взаимодействия, что отражается на более выраженном коммуникативном образе «Я».

Но необходимо помнить, что в целом стремление к социальным взаимодействиям у респондентов данной группы ниже, чем у группы НКИ. И опять мы сталкиваемся с противоречивостью внутреннего мира и образа «Я» в период переживания кризиса идентичности: по данным методики ЛиСИ для группы КИ характерны более низкие значения, чем для группы НКИ, в таких сферах самоидентификации, как отношения с окружающими и семья, но при самоописании респонденты, переживающие кризис идентичности, чаще, чем испытуемые другой группы, используют именно те идентификационные характеристики, которые указывают на рассматриваемые сферы самоидентификации. На наш взгляд, это может свидетельствовать о своеобразном расхождении между тем – каким себя видит человек, и тем – как он в действительности взаимодействует с людьми.

Интересно и расхождение в частоте описания себя посредством указания на имеющуюся собственность, отношение к себе с точки зрения материальной обеспеченности: при кризисе идентичности данные характеристики встречаются чаще. Это полностью согласуется с представленными выше результатами, отражающими взаимосвязь отношения к материальному миру со смысложизненными ориентациями. Интересно, что именно в данной категории часто встречаются показатели проблемной идентичности (в группе КИ): «бедный», «бомж», «бездомный» и т.д.

Большое рассогласование в использовании характеристик, относящихся к деятельному образу «Я», в экспериментальных группах может говорить о том, что при отсутствии кризиса идентичности респонденты более склонны к описанию себя через какие-либо свои увлечения, приобретенные навыки и умения. На наш взгляд, подобное самописание необходимо предполагает возвращение к определенной

области прошлого, потому что увлечения и интересы, указываемые при ответе на вопрос «Кто я?» – это не сиюминутные занятия, а такие виды деятельности, которые требуют длительного периода приобретения навыков, знаний и умений («занимаюсь спортом», «КМС по гимнастике», «знаю английский» и т.д.). При переживании же кризиса идентичности образ прошлого «Я» дистанцируется от настоящего, что и приводит к снижению частоты описания себя посредством деятельных увлечений.

В обеих выборках рефлексивные характеристики являются одними из наиболее часто употребляемых, что отражает достаточно высокий уровень развития рефлексии вне зависимости от переживания кризиса идентичности. При этом анализ дифференцированности идентичности, количественной оценкой которого выступает среднее значение общего числа указанных респондентами характеристик самоописания, обнаружил, что значимых различий по данному показателю в обеих группах нет (среднее количество общего количества ответов на вопрос «Кто Я?»: НКИ – 12, КИ – 11,7), и в целом дифференцированность идентичности в обеих выборках соответствует высокому уровню.

При отсутствии кризиса идентичности респонденты значимо чаще указывают перспективные самоописательные характеристики, относящиеся к будущему времени и отражающие пожелания, намерения и мечты связанные с профессиональной и семейной перспективой («будущий профессионал», «будущий журналист/психолог/программист...», «будущий водитель», «будущая/щий жена/муж», «будущая/щий мать/отец, бабушка, свекровь...»). Что говорит о достаточно сформированной перспективной Я-концепции и подчеркивает наличие осмысленных жизненных целей, находящих свое отражение в интегрированном образе «Я» респондентов. При переживании кризиса идентичности указание на будущие социальные и личностные характеристики встречается реже, что еще раз подчеркивает определенную степень нарушения взаимосвязи образов «Я» во времени.

Кроме того, при анализе полученных данных по методике «Кто Я?», проводился подсчет показателей проблемной идентичности, отражающих противоречивое отношение к себе («разгильдяй», «алкоголик», «обманщица»,

«грубиянка», «истеричка» и т.д.). Необходимо отметить, что в процентном соотношении частота встречаемости подобных самоописаний очень невелика. Однако в группе КИ показатели проблемной идентичности встречались, в то время как в группе НКИ подобных показателей выявлено не было. Это, на наш взгляд, подтверждает, что переживание кризиса идентичности находит свое выражение в противоречивом отношении к себе и попытке переосмыслить собственное «Я».

Выводы по главе

Проведенный теоретический анализ по проблеме идентичности и кризиса идентичности позволил сформулировать операциональное определение кризиса идентичности, понимаемого нами как процессуально-динамическое состояние, заключающееся во временной и пространственной дезинтеграции личности, обусловленной конфликтом между сложившейся идентификационной системой личности и жизненной ситуацией, и выражающееся в нарушении тождественности образа «Я» во времени, изменениях ценностно-смысловой сферы и неконструктивном самоопределении в социальном и личностном плане. В качестве критериев, определяющих состояние кризиса идентичности, выступили: нарушение тождественности образа «Я» во времени; изменения в ценностно-смысловой сфере; социальная и личностная дезинтеграция в различных сферах жизнедеятельности.

С использованием необходимого диагностического инструментария, нами была проведена кластеризация выборки, позволившая разделить респондентов на две группы. Сравнительный анализ по диагностическим показателям, отражающим переживание кризиса идентичности, а также дальнейшее феноменологическое описание полученных экспериментальных групп, показал, что респонденты первой экспериментальной группы не переживают кризис идентичности, респонденты второй группы находятся в состоянии кризиса идентичности. Представим краткое описание выявленных особенностей респондентов, переживающих и не переживающих кризис идентичности:

1. При переживании кризиса идентичности в процессе взаимообусловленного сближения или отдаления образов «Я» в различных временных модусах выражено обесценивание образа «Я в прошлом» и стремление измениться в лучшую сторону. Сближение образов «Я в настоящем» и «Я в будущем» происходит за счет отдаления данных темпоральных образов от образа «Я в прошлом», который сближается с образом антиидеала.

Для респондентов группы КИ характерен более низкий уровень интеграции различных социально-личностных позиций в существующий образ «Я»; более выраженное неприятие социальной роли студента, при этом настоящее, как время получения профессионального образования, оторвано от будущего, связанного с реализацией профессиональной деятельности. Сферы межличностного общения выступают в роли своеобразного ресурса для самоопределения и являются наиболее связанными со смысложизненными ориентациями, это находит свое подтверждение в доминировании социальных характеристик при самоописании и более выраженном (чем при отсутствии кризиса идентичности) коммуникативном образе «Я». Внутренний мир при переживании кризиса идентичности отличается дисгармонией, а персональное будущее выступает довольно размытым и не содержит четких планов по реализации намеченных целей.

2. При отсутствии кризиса идентичности тождественность и преемственность образов «Я» различных временных модусов достигается за счет общей позитивной оценки всех темпоральных элементов идентичности, в частности образа «Я в прошлом». Для респондентов группы НКИ характерна более осознанная позиция к учебно-профессиональной деятельности, интеграция внутреннего (личностного) и внешнего (социального) мира в общий образ жизни. Принятие и выполнение социальных ролей, диктуемых самореализацией в сфере межличностного взаимодействия. Одной из ведущих сфер является внутренний мир. Образ персонального будущего более структурирован, наличие жизненного плана в целом связано с умением анализировать факторы и условия, способствующие достижению поставленных целей. Наиболее связанными со смысложизненными ориентациями выступают такие сферы самоидентификации, как учебно-

профессиональная деятельность, семейные отношения, внутренний мир и персональное будущее, что отражает гармоничное соотношение социальной и личностной идентичности, интегрированных в общее представление о себе.

Глава 3. Эмпирическое исследование ценностно-смысловой детерминации временной перспективы личности в период кризиса идентичности

3.1 Особенности ценностно-смысловой сферы при переживании кризиса идентичности

Кризис идентичности наступает тогда, когда цели, ценности и убеждения перестают соответствовать изменившейся жизни, и, соответственно, выход из подобного кризисного состояния предполагает определенную перестройку во всей системе ценностно-смысловых образований [209]. Переживание кризиса идентичности отражается на особенностях ценностно-смысловой сферы, что требует направленного рассмотрения в контексте нашей работы. Для анализа ценностно-смысловой сферы нами были использованы следующие методики: тест смысложизненных ориентаций Д. А. Леонтьева (концептуализация А. В. Серого, А. В. Юпитова); методика ценностных ориентаций М. Рокича; метод мотивационной индукции Ж. Нюттена (русскоязычный вариант, предложенный Д. А. Леонтьевым); техника репертуарных решеток (авторский вариант А. В. Серого, М. С. Яницкого).

При описании результатов кластерного анализа и в процессе феноменологического описания выделенных групп нами уже были рассмотрены некоторые данные, полученные с помощью техники репертуарных решеток. Так, например, было показано, что для респондентов обеих групп характерен достаточно высокий уровень когнитивной сложности, отражающий дифференцированность системы личностных смыслов, а в группе КИ данный показатель даже выше, чем в группе НКИ. Кроме того, нами был проведен семантический анализ указанных респондентами конструктов, в ходе которого анализировалось соотношение представленности четырех категорий конструктов (рисунок 5): личностные черты (описание личностных свойств и целостных образов, включающих аффективные, когнитивные и поведенческие аспекты); социально-ролевые конструкты

(отражающие опыт включенности в различные сферы социальной жизни); профессиональные конструкты (конструкты, затрагивающие образовательные и профессиональные области); и размытые конструкты (ситуативно-обусловленные факты, поверхностные характеристики, деятельные предпочтения, материальное благосостояние).

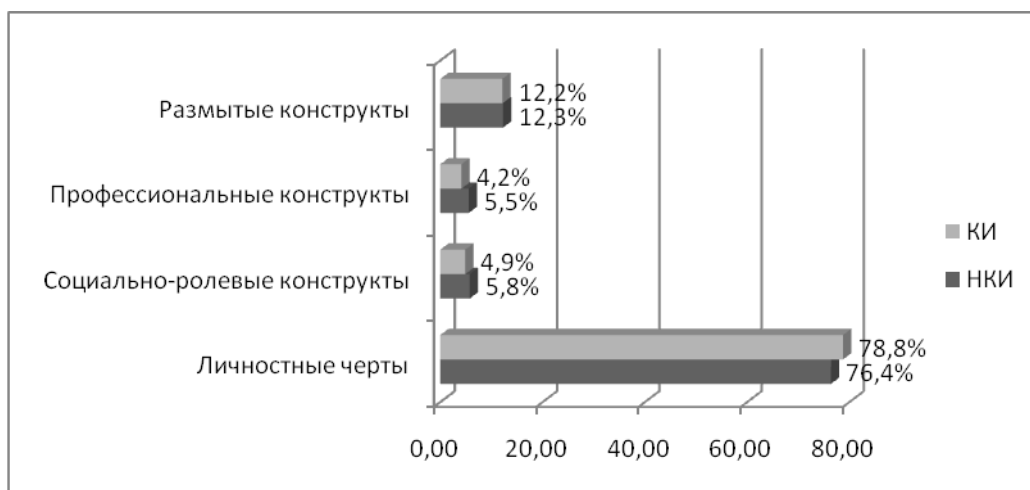

Рисунок 5 – Процентное соотношение семантических категорий личностных конструктов

Статистически достоверных различий в частоте указания той или иной семантической категории личностных конструктов в двух группах выявлено не было. Вне зависимости от наличия переживания кризиса идентичности в семантическом поле конструктов большую долю представляют конструкты, отражающие личностные черты: «позитивная – негативная», «преданная – предатель», «легкомысленная – ответственная», «раздражительная – спокойная», «воспитанный – невоспитанный», «интроверт – экстраверт» и др. Таким образом, при оценке себя и других людей наиболее важными показателями для респондентов обеих групп выступают личностные качества.

Следующей категорией (по количественной представленности) выступает категория размытых конструктов, здесь можно встретить такие конструкты: «ведет здоровый образ жизни – курит», «красивая – страшная», «любовь к чтению – не люблю читать», «квартира – бездомный», «машина – нет машины», «кошка – нет кошки», «хобби – ничем не интересуется», «любит головоломки – не любит головоломки» и др. Данная категория объединяет довольно широкий спектр

конструктов и может свидетельствовать как об определенной доли поверхностного суждения, так и о значимости деятельного и материального аспектов в оценивании окружающей действительности.

Для обеих групп характерно приблизительно равное соотношение социально-ролевых и профессиональных конструктов. Примерами конструктов первой категории могут выступать следующие: «жестокий к близким – понимание с близкими», «одинокая – в компании любимых людей», «ребенок – несостоявшаяся женская роль», «семья – одиночество», «сирота – из полной семьи», «материнство – бездетность», «есть девушка – нет девушки». Второй: «рвение к учебе – неуч», «работает – не работает», «высшее образование – отсутствие саморазвития», «работа – зависимость от других», «хорошая учеба – нет стремления учиться», «студент – работник».

На наш взгляд, выявленное соотношение семантических категорий личностных конструктов отражает возрастные и социокультурные особенности общей выборки респондентов. Необходимо помнить, что конструкт, указываемый респондентом, прежде всего отражает актуальность той или иной меры оценивания. В нашем случае, мы можем говорить о том, что при оценке окружающей реальности и сравнении себя с другими людьми для респондентов обеих групп наиболее актуальными являются индивидуальные особенности, потом – сравнение через различные области деятельности, характеристики материального достатка и довольно обобщенных параметров, и только в третью очередь – сравнение и оценка посредством учебно-профессиональных параметров, принадлежности к какой-либо социальной общности и наличию определенного опыта социального взаимодействия.

В рамках задачи нашего исследования проведенный анализ показал, что кризис идентичности не отражается на уровне актуализации в общем смысловом поле тех или иных личностных конструктов, другими словами – отраженная в личностных конструктах общая система оценивания, с которой человек подходит к реалиям действительности, в меньшей степени подвергается изменениям в процессе переживания кризиса идентичности, чем, например, такие смысловые образования,

как смысло-жизненные ориентации, актуальное смысловое состояние, особенности мотивационной направленности.

Между выборками НКИ и КИ наблюдаются большие различия по показателям выраженности таких аспектов смысло-жизненных ориентаций, как общая осмысленность жизни, наличие осмысленных целей в будущем, эмоциональная насыщенность настоящего, результативность самореализации в прошлом, ориентация на свободу выбора и принятия решений, оценка собственных сил в контроле над жизнью (таблица 9).

Таблица 9 – Сравнительный анализ средних значений по данным методики СЖО в двух группах

Шкалы методики СЖО	НКИ		КИ		p-уровень
	Среднее	SD	Среднее	SD	
Осмысленность жизни	109,52	14,18	76,77	12,73	0,0001
Цели в жизни	33,83	4,76	22,82	5,73	0,0001
Процесс жизни	33,75	4,95	22,20	5,48	0,0001
Результативность жизни	27,46	3,86	18,01	4,25	0,0001
Локус контроля-Я	22,71	3,57	15,86	4,36	0,0001
Локус контроля-Жизнь	32,76	4,61	23,26	5,73	0,0001

Для респондентов, переживающих кризис идентичности, на фоне довольно фаталистического отношения к жизни и общей низкой оценки собственных возможностей в построении жизненного пути, соответствующего имеющимся представлениям о смысле, характерно отсутствие целей в будущем, их низкая осмысленность, неудовлетворенность жизнью в настоящем, воспринимаемом как неинтересное, скучное и предсказуемое, неудовлетворенность прошлым, отражающаяся в низкой оценке достигнутых результатов.

При отсутствии кризиса идентичности, напротив, наблюдается высокий уровень общей осмысленности жизни, сопровождаемый убежденностью в том, что жизнь человека зависит только от его собственных усилий, что проявляется в осмысленной направленности жизни через постановку целей и положительную оценку личного прошлого и настоящего.

На основании полученных данных, а также, исходя из особенностей проявления кризиса идентичности во временной дезинтеграции личности, нами было сделано предположение о том, что переживание кризиса идентичности

сопровождается десинхронизацией временных локусов смысла, диагностика которой возможна посредством определения актуального смыслового состояния (АСС). А. В. Серый отмечает, что «смысловой десинхроноз» проявляется в смысловой фиксации на одном или двух временных локусах, а крайним проявлением подобной десинхронизации выступает блокировка всех временных локусов смысла (прошлого, настоящего и будущего), приводящая к общей дезадаптации личности [151, 153].

При использовании данных, полученных с помощью теста СЖО в реконцептуализации А. В. Серого, А. В. Юпитова, были выявлены наиболее характерные для респондентов обеих групп типы актуального смыслового состояния. Сравнительный анализ соотношения респондентов с различными типами актуального смыслового состояния в группах НКИ и КИ проводился с использованием критерия углового преобразования Фишера (таблица 10).

Таблица 10 – Представленность типов актуального смыслового состояния в группах НКИ и КИ (% от выборки)

Тип АСС	НКИ	КИ	ф эмп.
1-й (ННН)	11,56	92,45	15,31**
2-й (ВНН)	4,62	2,83	0,78
3-й (НВН)	15,03	4,72	2,90**
4-й (ВВН)	30,64	0,00	9,50**
5-й (ННВ)	1,73	0,00	2,12*
6-й (ВНВ)	1,73	0,00	2,12*
7-й (НВВ)	4,62	0,00	3,50**
8-й (ВВВ)	30,06	0,00	9,40**
** – $p \leq 0,01$; * – $p \leq 0,05$			

Кодирование типа АСС отражает обозначение низкого или высокого показателя осмысленности временных модусов, например, АСС, характеризующее низким показателем осмысленности прошлого и высокими показателями осмысленности настоящего и будущего, кодируется как НВВ (прошлое – низкая осмысленность, настоящее – высокая, будущее – высокая).

Для большей наглядности представим полученное соотношение типов АСС в группах КИ и НКИ графически (рисунок 6). Характерным типом актуального смыслового состояния для большинства респондентов, переживающих кризис

идентичности (92, 45 %) является 1-й тип АСС, отражающий низкие показатели осмысленности всех временных локусов.

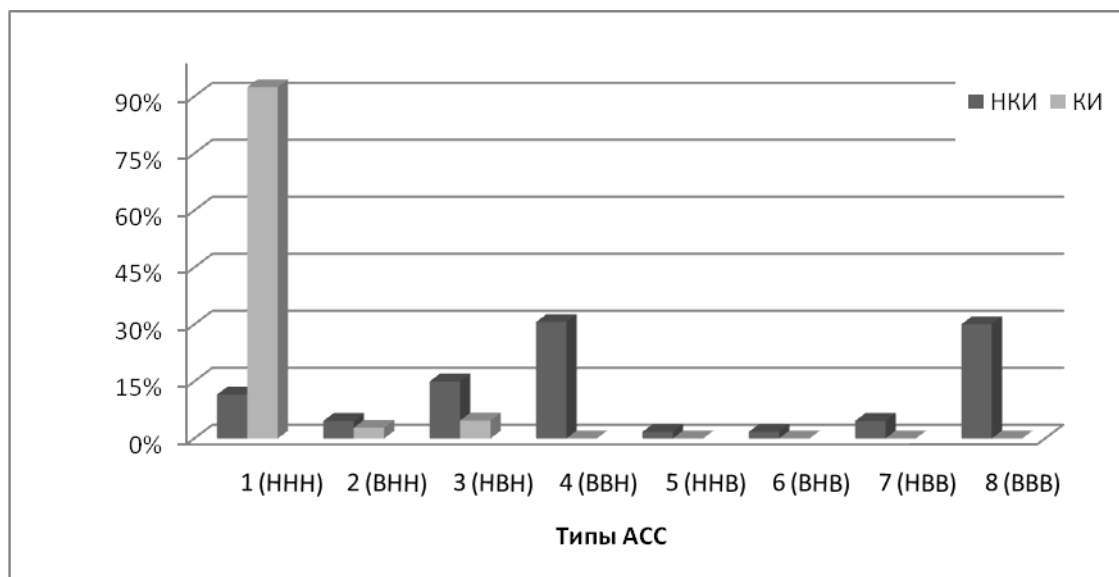

Рисунок 6 – Представленность типов АСС в двух группах

Смысловую сферу при переживании кризиса идентичности можно охарактеризовать как жестко зафиксированную и разорванную, что предполагает жесткую локализацию личностных смыслов во времени и непроницаемость внешних границ субъективной реальности. Именно данный тип АСС характеризуется максимальной степенью десинхронизации временных локусов смысла: смысловое наполнение каждого временного модуса жестко разделены между собой, что отражается в своеобразном «автономном» существовании смыслов прошлого, смыслов настоящего и смыслов будущего. Человек с подобным типом актуального смыслового состояния имеет достаточно фиксированные формы поведения с точки зрения временной интеграции личного опыта, дискретное восприятие жизни в целом. Все временные локусы смысла, опосредующие отношение человека к действительности, блокируются, оставляя достаточно мало возможностей для адаптационного процесса. В группе КИ также представлены второй и третий типы АСС, отражающие блокировку двух временных модусов из трех возможных: настоящее и будущее – в первом случае; прошлое, будущее – во втором. Наличие хотя бы одного временного модуса с достаточно высоким показателем осмысленности определяет общую направленность осмысленности

жизни через призму того или иного темпорально локализованного опыта. Так, например, если у респондента выявлен высокий показатель осмысленности только прошлого, то можно предположить что всю линию взаимодействия с окружающей реальностью субъект будет выстраивать посредством передачи смыслов, локализованных в прошлом, настоящей и будущей жизни, аналогичное рассуждение и в отношении высокого показателя осмысленности только настоящего или только будущего. Естественно, что данный способ взаимодействия с реальностью не является самым эффективным, однако отражает позитивную динамику «раскрытия» границ смысла.

При отсутствии переживания кризиса идентичности количество представленных типов актуального смыслового состояния увеличивается, что отражает нормативную социальную ситуацию развития, характерную для нашей выборки. Период юношества предполагает возникновение в жизни совершенно нового опыта, новых ситуаций, решение которых требует определенной переструктуризации в системе смыслов. Именно чередой актуальных смысловых состояний, переживаемых временно и носящих статус фаз развития, выполняет функцию генерализации отдельных смыслов различных уровней индивидуальной смысловой системы в высший, смысложизненный уровень, который, в свою очередь, является показателем продуктивности идентификационных процессов. Наряду с этим наибольшее количество респондентов данной группы представляют четвертый (ВВН) и восьмой (ВВВ) тип АСС. Последний тип отражает наиболее гармоничную систему смыслового взаимодействия с миром, включая все три временных локуса смысла. Интегрированность и взаимопроницаемость границ между смыслами, локализованными в различных временных модусах, позволяет субъекту адекватно реагировать на различные ситуации и изменяющиеся условия. Блокировка одного из временных локусов смысла (будущего) отражает общую стратегию жизни – настоящее с опорой на прошлое. Данный тип отношения к жизни достаточно типичен для той возрастной категории, которая представлена в нашем исследовании.

Обобщая вышесказанное, мы можем сделать вывод о том, что в период переживания кризиса идентичности ценностно-смысловая сфера характеризуется довольно высокой степенью десинхронизации временных локусов смысла.

Перейдем к сравнительному анализу индивидуальных ценностных предпочтений респондентов, переживающих и не переживающих кризис идентичности. С целью сравнения ценностных ориентаций респондентов обеих групп, на основании списка терминальных и инструментальных ценностей (методика М. Рокича), были составлены групповые иерархии ценностей. Алгоритм расчета был следующий [44]: 1) для каждой ценности подсчитана суммарная частота ее встречаемости в группе на каждой из 18-ти возможных позиций (например: «любовь» была поставлена на 1-е место – 41 раз, на 2-е – 14 раз и т. д.); 2) каждой позиции был приписан собственный удельный вес («вклад»): число, обратно пропорциональное номеру позиции: 1-я позиция получила удельный вес равный 18, 2-я – 17, последняя, 18-я позиция, получила вес 1; 3) подсчитанные суммарные частоты были умножены на «вклады» соответствующих позиций, после чего была подсчитана сумма баллов по ценности и высчитан средний балл (в зависимости от объема выборки).

Таким образом, для каждой ценности, представленной в списке, был получен так называемый средний вес, отражающий тенденцию группового выбора. Большая величина среднего веса ценности говорит о ее предпочтительности в сравнении с другими ценностями. После проведенных расчетов все ценности были проранжированы согласно удельному весу каждой из них, в результате чего была получена групповая иерархия ценностей (таблица 11). Сравнительный анализ ценностных предпочтений в группах можно проводить как с учетом полученных рангов, так и с учетом удельного веса каждой ценности.

Кроме того, для выявления статистически значимых различий в предпочитаемости ценностных ориентаций при переживании кризиса идентичности и при его отсутствии мы использовали непараметрический критерий U-Манна-Уитни, позволяющий сравнивать данные в ранговой шкале.

Таблица 11 – Характер ценностных предпочтений респондентов групп НКИ и КИ (терминальные ценности)

Ранг	НКИ	Терминальные ценности	КИ	Ранг
1	13,21	Здоровье (физическое и психическое)	12,97	1
2	12,46	Любовь (духовная, физическая близость с любимым человеком)	11,4	4
3	11,86	Счастливая семейная жизнь	10,07	8
4	10,73	Жизненная мудрость (зрелость суждений и здравый смысл, достигаемые жизненным опытом)	12,26	2
5	10,73	Материально обеспеченная жизнь	9,89	9
6	10,65	Наличие хороших и верных друзей	10,54	5
7	10,61	Интересная работа	10,39	6
8	10,36	Активная деятельная жизнь(полнота и эмоциональная насыщенность жизни)	11,65	3
9	10,17	Уверенность в себе (внутренняя гармония, свобода от внутренних противоречий)	9,48	10
10	9,19	Развитие (работа над собой, постоянное физическое и духовное совершенствование)	8,09	14
11	9,06	Свобода (самостоятельность, независимость в суждениях и поступках)	8,87	11
12	8,91	Продуктивная жизнь (максимально полное использование своих возможностей, сил и способностей)	8,68	12
13	8,8	Познание(возможность расширения своего образования, кругозора, общей культуры, интеллектуальное развитие)	10,19	7
14	7,42	Развлечения (приятное, необременительное времяпрепровождение, отсутствие обязанностей)	7,89	15
15	6,83	Счастье других(благосостояние, развитие и совершенствование других людей, народа, человечества)	7,45	16
16	6,83	Общественное признание (уважение окружающих, коллектива, товарищей по работе)	6,87	17
17	6,62	Красота природы и искусства (переживание прекрасного в природе и искусстве)	8,34	13
18	6,61	Творчество (возможность творческой деятельности)	6,76	18

Учитывая, что в первичных данных наибольший ранг соответствовал наименее значимой ценности, то при рассмотрении полученных результатов необходимо помнить, что меньший по значению средний групповой ранг говорит о более высокой значимости ценности (таблица 12).

Исходя из представленных данных, можно отметить, что при отсутствии переживания кризиса идентичности наиболее важными ценностями выступают здоровье; любовь, как духовная и физическая близость с любимым человеком; счастливая семейная жизнь; жизненная мудрость, отражающая наличие жизненного опыта; материально обеспеченная жизнь; насыщенные социальные контакты, предполагающие наличие верных друзей; интересная работа.

Таблица 12 – Статистически достоверные различия в системе терминальных и инструментальных ценностных предпочтений групп НКИ и КИ

Терминальные ценности	Средний ранг ценности		U
	НКИ	КИ	
Активная деятельная жизнь	147,97	126,99	7789,50*
Жизненная мудрость	150,37	123,07	7374,50**
Красота природы и искусства	150,19	123,37	7406,50**
Познание	149,00	125,31	7612,00*
Развитие	131,33	154,15	7669,00*
Счастливая семейная жизнь;	129,02	157,92	7270,00**
Высокие запросы	149,95	123,77	7448,50**
Твердая воля	129,59	157,00	7367,50**
** – $p \leq 0,01$, * – $p \leq 0,05$			

Для респондентов, переживающих кризис идентичности, наиболее значимыми являются такие ценности, как здоровье, жизненная мудрость, активная деятельная жизнь, любовь, наличие хороших друзей и интересная работа. При этом на первые позиции выходят такие ценности, как жизненная мудрость и активная деятельная жизнь, снижается ценность счастливой семейной жизни и возрастает значимость ценности познания, как возможности расширения своей общей культуры и области знаний о мире. Интересен тот факт, что при переживании кризиса идентичности значимость ценности «познание» достоверно выше, чем при отсутствии кризиса идентичности, а значимость ценности «развитие» – наоборот, ниже. Причем, если рассматривать позиции рассматриваемых ценностей в групповой иерархии – мы увидим, что ценность «познание» в группе КИ занимает седьмую позицию, с средним весом – 10,19, в то время как ценность «развитие» занимает четырнадцатую позицию, а средний вес ценности – 8,09. Данное наблюдение может свидетельствовать о большей направленности респондентов в область внешнего мира и социального окружения, повышении значимости ценностей, отражающих личностное развитие в социальном, но не в духовном плане. Об этом также свидетельствует большее предпочтение ценности «активная деятельная жизнь», отражающая определенную гедонистическую установку к жизни и предполагающая насыщенность и эмоциональность жизненного процесса. Одной из наиболее значимых ценностей в группе КИ выступает «жизненная мудрость» понимаемая как

зрелость суждений и здравый смысл, достигаемые жизненным опытом. В силу юного возраста жизненный опыт испытуемых еще не достаточно велик для того, чтобы в любой ситуации обеспечивать здравые рассуждения. Однако при переживании кризиса идентичности, который зарождается как раз на фоне нехватки имеющегося опыта реагирования на новые ситуации, жизненная мудрость воспринимается как «спасательный круг», значение которого в открытом море бушующих перемен сложно недооценить.

На рисунке 7 представлен график, отражающий групповую иерархию предпочитаемых ценностей при отсутствии кризиса идентичности и в случае его переживания. Мы сознательно включили большее количество ценностей в сравнительный анализ, что связано, во-первых, с определенными расхождениями в иерархической структуре, а во-вторых, с небольшими различиями между внутригрупповыми ценностями по среднему удельному весу, который позволяет более точно оценить предпочитаемость ценности, чем ранговая позиция. Именно поэтому в списках предпочитаемых и отвергаемых ценностей встречаются совпадения – ценность, которая более предпочтительная в одной группе, может быть менее значима для респондентов другой группы.

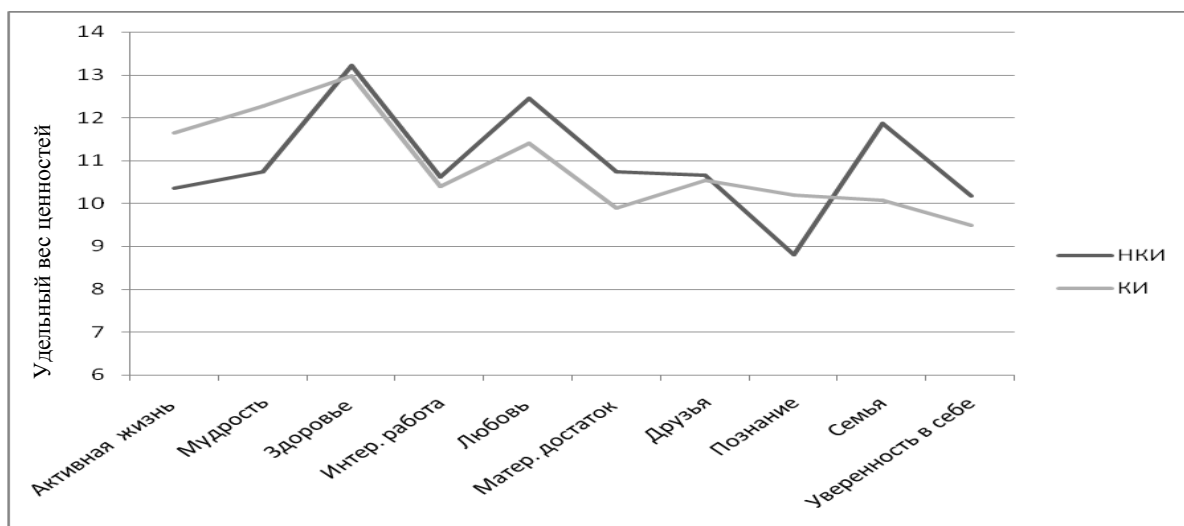

Рисунок 7 – Групповая иерархия предпочитаемых терминальных ценностей респондентов группы НКИ и КИ

По графику видно, что такие ценности, как счастливая семейная жизнь и уверенность в себе, в группе КИ являются менее значимыми, чем в группе НКИ.

Подобная картина может объясняться, во-первых, сокращенной временной перспективой будущего и низкой его осмысленностью, характерной для состояния переживания кризиса идентичности, что и приводит к снижению роли семейного счастья в сравнении с более актуальными на момент настоящего ценностями. Во-вторых, снижение значимости уверенности в себе может отражать своеобразный защитный механизм: первый тип АСС, характерный для большей части респондентов кризисной группы, предполагает достаточно низкую оценку себя и своих возможностей, что, соответственно, приводит к общей неуверенности в себе и своих силах и является причиной обесценивания соответствующей ценности.

При сравнении значимости относительно «отвергаемых» ценностных ориентаций, положение которых соответствует последним девяти ранговым позициям в групповой иерархии ценностей, мы обратили внимание на то, что удельный вес данных ценностей в группе КИ выше, чем в группе НКИ (рис. 8).

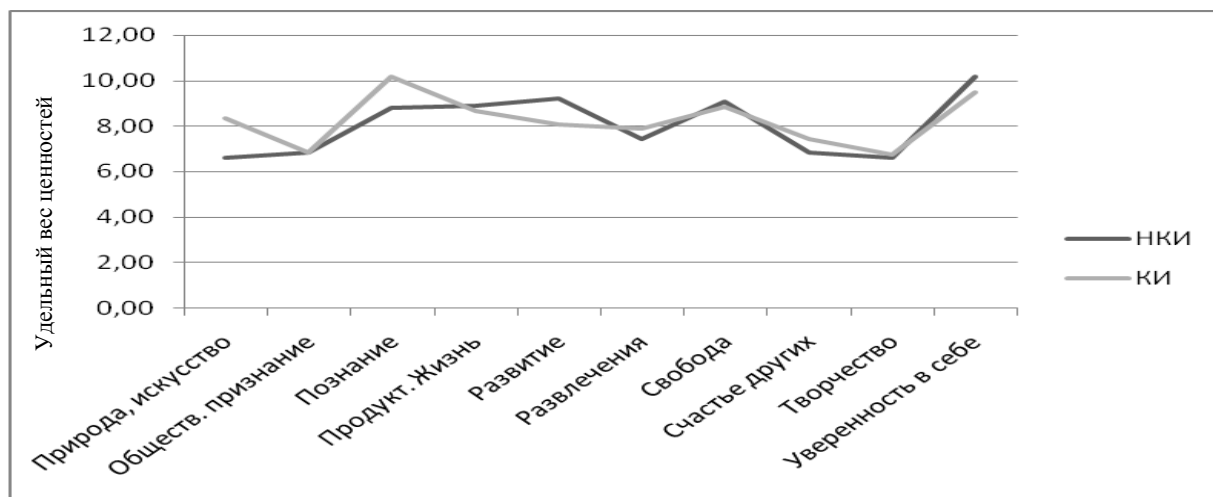

Рисунок 8 – Групповая иерархия отвергаемых терминальных ценностей респондентов групп НКИ и КИ

Снижение значимости рассматриваемых ценностных ориентаций, в частности творчества и общественного признания, может быть обусловлено спецификой ведущей учебно-профессиональной деятельности на данном возрастном этапе, предполагающей максимальное вливание сил не столько в созидание чего-то нового или поиск общественного признания, сколько в насущный процесс обучения и непосредственного общения с окружающими людьми (друзья, семья и т.д.).

В таблице 13 представлены результаты сравнительного анализа в системе предпочтений инструментальных ценностей.

Таблица 13 – Характер ценностных предпочтений респондентов групп НКИ и КИ (инструментальные ценности)

Ранг	НКИ	Инструментальные ценности	КИ	Ранг
1	12,27	Воспитанность	11,98	1
2	12,1	Жизнерадостность	11,34	3
3	11,42	Аккуратность	11,39	2
4	10,85	Образованность	10,57	5
5	10,7	Честность	10,05	8
6	10,11	Ответственность	10,08	7
7	9,94	Рационализм	10,67	4
8	9,8	Независимость	10,51	6
9	9,63	Самоконтроль	9,38	11
10	9,27	Твердая воля	7,59	16
11	9,14	Широта взглядов	9,52	9
12	9,08	Смелость в отстаиваниях своего мнения, взглядов	8,41	14
13	8,9	Терпимость	9,48	10
14	8,83	Чуткость	8,4	15
15	8,65	Исполнительность	8,86	12
16	7,58	Эффективность в делах	7,21	17
17	6,77	Высокие запросы	8,51	13
18	6,15	Непримиримость к недостаткам в себе и других	7,1	18

Достоверные различия в степени значимости выявлены по таким ценностным ориентациям, как твердая воля (более значимо для респондентов группы НКИ) и высокие запросы (более значимо для группы КИ). На наш взгляд, выявленные различия связаны с общей жизненной позицией и личностным отношением к себе и другим людям. Так, при отсутствии кризиса идентичности доминирует вера в свободу выбора, высокая оценка собственных возможностей по реализации намеченных планов, и в этом контексте твердая воля, как волевое усилие человека над ситуационными обстоятельствами, является реальным инструментом для реализации существующих смыслов.

На графике отражены предпочитаемые в экспериментальных группах инструментальные ценности (рисунок 9).

Такие инструментальные ценности, как жизнерадостность, образованность, честность более значимы для респондентов, не переживающих кризис идентичности.

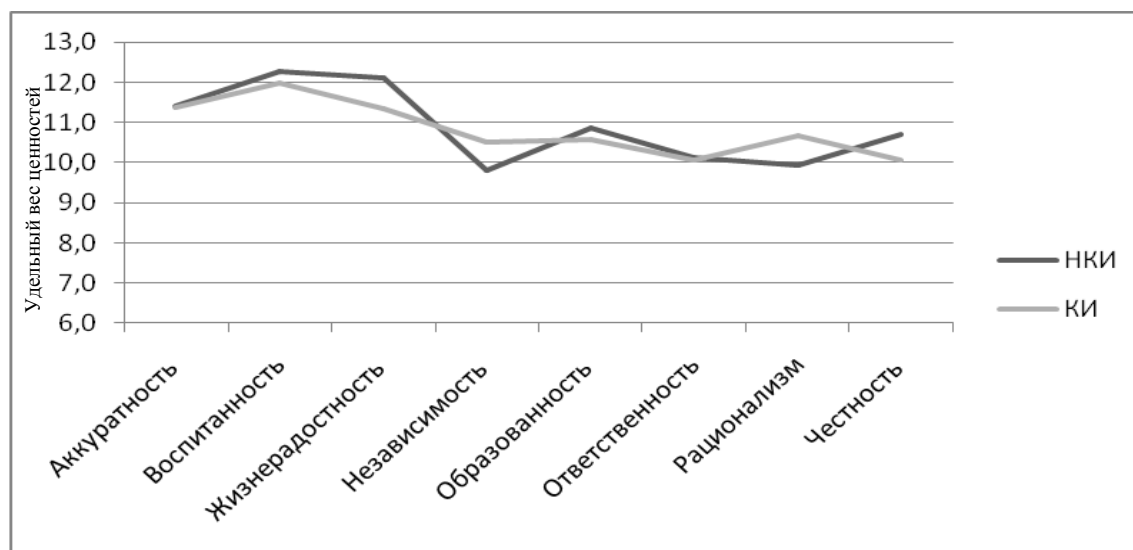

Рисунок 9 – Групповая иерархия предпочитаемых инструментальных ценностей респондентов групп НКИ и КИ

Для испытуемых другой группы (в сравнении с выборкой НКИ) более значимыми являются ценности независимости и рационализма. Что касается ценности «независимость», то дальнейший анализ продемонстрирует, что для респондентов, переживающих кризис идентичности, характерна большая представленность в мотивационной сфере именно мотивов, отражающих автономию и стремление к независимости от других людей (данные по методу мотивационной индукции Ж. Нюттена).

Помимо анализа, предполагающего сравнение в иерархической структуре ценностных ориентаций, нами был проведен корреляционный анализ (с расчетом коэффициента ранговой корреляции r -Спирмена) наиболее значимых групповых терминальных ценностей со всеми ценностями данной категории (приложение Е).

Мы предположили, что при переживании кризиса идентичности система взаимосвязей внутри групповых ценностных иерархий может обладать отличительными особенностями. Проведенный корреляционный анализ подтвердил наше предположение. Рассматривая только различия и не касаясь совпадений в системе взаимосвязей ценностных ориентаций, можно отметить, что при

переживании кризиса идентичности увеличение значимости ценности активной деятельной жизни сопровождается снижением значимости ценности продуктивной жизни ($r = -0,22$; $p \leq 0,05$), и ценности свободы ($r = -0,26$; $p \leq 0,01$), а при отсутствии кризиса идентичности – уменьшением значимости ценности развития ($r = -0,16$; $p \leq 0,05$).

При отсутствии кризиса идентичности более высокая оценка жизненной мудрости связывается с более низкой оценкой развлечения ($r = -0,21$; $p \leq 0,01$), а при переживании кризиса идентичности выявлена обратная взаимосвязь между ценностью жизненной мудрости и ценностями материально обеспеченной жизни ($r = -0,22$; $p \leq 0,05$), наличия хороших друзей ($r = -0,25$; $p \leq 0,01$), уверенности в себе ($r = -0,19$; $p \leq 0,05$).

Наиболее яркие отличия между группами респондентов были выявлены в системе взаимосвязей такой ценности, как уверенность в себе. Для обеих выборок характерна обратная взаимосвязь между рассматриваемой ценностью и ценностью красоты природы и искусства. На этом межгрупповые совпадения заканчиваются, однако большое количество связей между уверенностью в себе и другими ценностями наблюдается в группе КИ: так, повышение значимости уверенности в себе сопровождается снижением значимости таких ценностей, как жизненная мудрость ($r = -0,19$; $p \leq 0,05$), интересная работа ($r = -0,21$; $p \leq 0,05$), общественное признание ($r = -0,24$; $p \leq 0,05$), познание ($r = -0,25$; $p \leq 0,01$) и повышением значимости ценности хороших друзей ($r = 0,20$; $p \leq 0,05$) и счастливой семейной жизни ($r = 0,24$; $p \leq 0,01$).

В целом, полученные данные свидетельствуют о том, что при переживании кризиса идентичности существуют определенные особенности в иерархии ценностных ориентаций и в системе взаимосвязей между элементами данной иерархии. При этом в период кризиса идентичности взаимосвязь между наиболее предпочитаемыми ценностными ориентациями носит более сложный характер и представлена большим количеством обратных связей, что свидетельствует о жестко связанной системе ценностей. На наш взгляд, подобная связь говорит о протекании процесса изменения в иерархической системе ценностей – именно в моменты

динамических изменений связи наиболее актуальны – выбор какой-либо ценности в качестве предпочитаемой необходимо приводит к тому, что другая ценность станет менее значимой для человека. При этом для респондентов, не переживающих кризис идентичности, подобная картина не актуальна: в условиях относительной стабильности внутреннего мира и общего образа «Я» ценности человека могут существовать довольно автономно друг от друга – в том смысле, что повышение значимости одной ценности не приводит к перестройке всей системы ценностей, а лишь к небольшим изменениям в ее структуре.

Анализ содержания мотивации респондентов экспериментальной и контрольной группы проводился посредством обработки данных, полученных с помощью метода мотивационной индукции (Ж. Нюттена). Сам метод представляет собой незаконченные предложения, актуализирующие мотивационную сферу субъекта. Анализ полученных данных предполагает выделение мотивационных категорий и подсчет по выделенным категориям общего количества указанных респондентами мотивационных объектов. Полученные результаты были переведены в проценты, сравнительный анализ между группами НКИ и КИ проводился с использованием критерия углового преобразования Фишера (таблица 14)

Общим для респондентов обеих выборок оказалось практически полное отсутствие мотивационных тенденций, направленных на познавательную активность. И если для респондентов не находящихся в кризисе идентичности это вполне логично, учитывая, что значимость ценности «познание» оценивается ими достаточно невысоко, то у респондентов группы КИ в очередной раз выявляется внутреннее противоречие. При кризисе идентичности, как нами уже было указано, познание окружающего мира является одной из значимых ценностей, однако при анализе мотивационных побуждений обнаружено, что познавательная активность практически не представлена в мотивационных тенденциях. Можно сделать вывод, что для переживания кризиса идентичности характерно определенное расхождение между идеальными представлениями о ценностях и реальными действиями, направленными на реализацию этих ценностей.

Таблица 14 – Соотношение представленности мотивационных категорий в группах НКИ и КИ (% от общего числа указанных мотивационных объектов)

Категории мотивации	НКИ	КИ	ф эмп.
S - Личность субъекта	5,41	5,92	1,03
Sc - Я-концепция	4,87	4,09	1,77*
Spre - Самосохранение	2,60	4,46	4,85**
Saut - Личностная автономия	1,01	1,43	1,73*
Sph - Физические характеристики	1,44	3,03	5,18**
Sapt - Способности	0,75	1,03	1,31
Scar - Характер, черты личности	1,44	1,34	0,37
SR - Самореализация	11,48	6,23	8,82**
R - Активность	7,59	7,81	0,33
R2 - Профессиональная деятельность	3,00	2,60	1,12
R3 - Учебная деятельность	8,46	10,15	2,71**
C - Социальный контакт	15,88	12,07	5,07**
C2 - Социальная реципрокность (активность других в социальном контакте)	3,61	1,77	5,27**
C3 - Личные желание и надежды в отношении других людей	2,74	1,52	3,92**
ES - Самопознание	0,03	0,00	0
EC - Стремление к познанию других людей	0,00	0,00	0
ET - Познание экзистенциальных реалий	0,00	0,06	2,10*
EI - Стремление к познанию жизни	0,00	0,00	0
Ew - Знания о культурных и природных объектах	0,03	0,00	0
T - Трансцендентальные объекты	4,39	3,15	3,22**
P - Обладание, приобретение	5,72	7,78	3,92**
L - Досуг, отдых, удовольствие	9,03	14,47	8,03**
Tt - Мотивация на тест	0,68	0,31	2,47**
U - Неклассифицируемые/пропущенные ответы	8,18	10,29	3,36**
E - Познавательная мотивация	0,28	0,00	2,71**
** – $p \leq 0,01$, * – $p \leq 0,05$			

Для большей наглядности полученные результаты сравнения представлены в виде графика (рисунок 10). Общая тенденция выраженности различных содержаний мотиваций для обеих групп схожа: наибольшее количество мотивационных объектов касаются личности субъекта, стремления к самореализации и общей активности, учебной деятельности и социальным контактам, стремление к приобретению какой-либо собственности и направленность на досуговую деятельность, предполагающую получение удовольствия.

При переживании кризиса идентичности мотивационная сфера характеризуется большим преобладанием, чем при отсутствии кризиса идентичности, мотивационных объектов, относящихся к области самосохранения,

личностной автономии, физическим характеристикам субъекта, сфере отдыха и досуга и приобретению материальных предметов. Значительно меньше представлены мотивационные объекты, отражающие направленность на самореализацию, поддержание социальных контактов, экзистенциальные области жизнеосуществления.

Примечание: *S* – личность субъекта; *Sc* – Я-концепция; *Spre* – самосохранение; *Saut* – личностная автономия; *Sph* – физические характеристики; *Sapt* – способности; *Scar* – характер, черты личности; *SR* – самореализация; *R* – активность; *R2* – профессиональная деятельность; *R3* – учебная деятельность; *C* – социальный контакт; *C2* – социальная реципрокность (активность других в социальном контакте); *C3* – личное желание и надежды в отношении других людей; *ES* – самопознание; *EC* – стремление к познанию других людей; *ET* – познание экзистенциальных реалий; *EI* – стремление к познанию жизни; *Ew* – знания о культурных и природных объектах; *T* – трансцендентальные объекты; *P* – обладание, приобретение; *L* – досуг, отдых, удовольствие; *Tt* – мотивация на тест; *U* – неклассифицируемые/пропущенные ответы; *E* – познавательная мотивация.

Рисунок 10 – Соотношение мотивационных категорий, указываемых респондентами групп НКИ и КИ

Рассмотрим наиболее информативные различия в мотивационной направленности респондентов двух групп. При переживании кризиса идентичности чаще встречается мотивация на самосохранение, это отражается в таких высказываниях, как «Я хочу быть уверенной в завтрашнем дне», «Когда-нибудь я освобожусь от ненужных мыслей», «Я мечтаю о том, что уйдет апатия», «Я боюсь, что у меня будут проблемы», «Я боюсь, что рано умру», «Я хочу спокойствия», «Я надеюсь, что все будет хорошо» и др. Увеличение мотивационных объектов, отражающих личностное стремление к самосохранению, предполагает наличие некой «опасности», источником которой могут выступать как внешние явления, так и внутренние переживания. Кризис идентичности непосредственно возникает в ситуации существования угрозы для сложившейся у субъекта системы

представлений о мире и о себе и, соответственно, вызывает потребность в чувстве безопасности, актуализируя общую направленность личности на самосохранение.

При переживании кризиса идентичности более ярко выражено стремление к автономии, независимости от других людей, в частности родителей. В целом социальная ситуация, актуальная для возраста испытуемых, в норме предполагает определенную долю стремления к самостоятельной жизни, уходу из родительской семьи и организации собственного жизненного пространства. Но, если в случае отсутствия кризиса идентичности, данный процесс протекает постепенно, без ярко выраженного стремления все резко поменять и стать свободным и взрослым (в силу преемственности образа «Я» прошлого), то при переживании кризиса идентичности попытки субъекта стать самостоятельным могут принимать весьма деструктивные и иррациональные формы.

Большое количество мотивационных объектов, указанных респондентами выборки НКИ, относятся к области самореализации и направлены на развитие собственной личности, ее сторон и потенциальных возможностей. Тем самым в мотивационной сфере отражена готовность к направленной активности для достижения поставленных целей, что связано с общей потребностью в самореализации: «Я ужасно хочу многого добиться в жизни», «Я прилагаю максимум усилий для достижения целей», «Любой ценой я хочу самореализоваться», «Я стремлюсь к осуществлению задуманных планов». При кризисе идентичности данных мотивационных объектов значительно меньше, и, на наш взгляд, это связано с отсутствием осмысленных жизненных позиций в целом и будущего, в частности. Стремление к самореализации предполагает наличие планов, целей, желаний – причем не размытых, а более или менее осознаваемых. Переживание же кризиса идентичности, как было уже показано, связано с отсутствием четкого будущего, во многом ответственность за собственную жизнь перекладывается на судьбу или случай, и здесь иллюстративными становятся такие высказывания как «Я стремлюсь к лучшему», «Я прилагаю усилия для всего», «Любой ценой я хочу достичь лучшего», «Я страстно желаю всегда и всего», «Я надеюсь на судьбу/на удачу». Подобные мотивационные объекты сложно

определить к какой-то конкретной категории, так как они не отражают характера мотивационной направленности, а в целом указывают на желания чего-то хорошего в жизни, без указания чего именно, и откуда это придет. Именно поэтому в группе КИ общий показатель не классифицируемых ответов значительно выше, чем в группе НКИ.

Мотивация, направленная на учебную деятельность, более выражена у респондентов, переживающих кризис идентичности, причем высказывания типа «Я ужасно хочу сдать сессию», «Я боюсь, что завалю зачет», «Я мечтаю сдать сессию», «Я прилагаю максимум усилий, чтобы подготовиться к экзамену» зачастую по несколько раз указывались в рамках одного заполненного бланка. Это свидетельствует, с одной стороны, об актуальности учебной деятельности, с другой – о достаточно узком спектре мотивационных устремлений. Кроме того, подобные высказывания зачастую включают не весь период обучения, а только ближайшую перспективу сдачи сессии, что отражает особенности временной перспективы респондентов.

При этом в группе КИ наблюдается большое количество мотивационных устремлений на досуговую деятельность, предполагающую отдых от деятельности и получение удовольствия в целом. Зачастую подобная мотивация касалась ближайших календарных периодов – дней, недель или месяцев: «Я очень сильно хочу спать», «Я мечтаю о мороженом», «Я ужасно хочу отдыхать», «Я мечтаю о том, что полетаю на воздушном шаре», «Я хочу на море» и т.д. Данная мотивационная категория является доминирующей при переживании кризиса идентичности и может свидетельствовать о своеобразном «уходе» от проблем и задач, которые жизненные реалии ставят перед человеком. С другой стороны, учитывая специфику заполнения бланков респондентами группы КИ (одна и та же мотивационная категория повторяется много раз на различные индукторы), можно предположить, что полученные данные (это касается и частого указания на мотивацию приобретения материальных предметов) свидетельствуют о нежелании человека глубоко погружаться в свой собственный внутренний мир для анализа существующих реальных желаний и стремлений.

Еще одной показательной особенностью мотивационной сферы респондентов, переживающих кризис идентичности, является сравнительно (с группой НКИ) меньшее количество мотивационных объектов, касающихся социальных контактов. Данная мотивационная направленность отражает потребность человека к взаимодействию с близким окружением и включает в себя общую мотивацию субъекта вступить в контакт, желание, чтобы другие вступили с ним в контакт или чтобы другие что-то делали по отношению к нему, а также выражает желания, надежды или опасения субъекта относительно других людей. Примеры высказываний в данных категориях мотивационных объектов: «Я страстно желаю здоровья и счастья своим близким и родным», «Моя большая надежда – это дети», «Я надеюсь на доброту людей», «Я страстно желаю отношений», «Я буду вполне доволен, если создам семью», «Я хочу, чтобы мои родители лучше меня понимали», «Я буду вполне доволен, если моя семья будет здорова». В целом по группе КИ категория мотивации «Социальный контакт» в процентной представленности уступает только мотивации на досуг и отдых, что отражает достаточно высокую значимость социальных контактов для респондентов. Но, наряду с этим, общая мотивационная тенденция к социальному взаимодействию ниже, чем в группе респондентов, не переживающих кризис идентичности, что в очередной раз указывает на дисгармонию между социальным и личностным самоопределением.

С целью изучения согласованности системы ценностных ориентаций и мотивационных устремлений нами был проведен корреляционный анализ между наиболее значимыми ценностями и мотивационной направленностью (подсчет коэффициентов ранговой корреляции). Для упрощения интерпретации полученных взаимосвязей, ранги, приписанные ценностям были переведены в обратную шкалу (так, если ценность была поставлена на первое место респондентом, ей приписывалось значение 18, на второе – 17 и т.д.). Данная операция позволила при интерпретации учитывать полученные знаки коэффициентов в прямом их значении, например, увеличение выраженности определенной мотивации связана с увеличением значимости конкретной ценности, в случае если знак корреляции положительный.

Полученные данные свидетельствуют о том, что при переживании кризиса идентичности наблюдается определенная рассогласованность ценностных ориентаций и мотивационных тенденций. Так, мотивационная направленность на учебную деятельность, в случае переживания кризиса идентичности связана с уменьшением значимости ценности счастливой семейной жизни ($r = -0,42$; $p \leq 0,01$); в то время, как у респондентов, не переживающих кризис идентичности увеличение направленности на учебную деятельность связано с увеличением значимости ценности материально обеспеченной жизни ($r = 0,23$; $p \leq 0,01$), что является логичным, если рассматривать учебную деятельность – как этап по пути к достижению профессиональных успехов, приводящих к материальному благополучию.

Еще одно яркое рассогласование наблюдается во взаимосвязи мотивации на социальные контакты: в группе КИ данная мотивация находится в прямой взаимосвязи с ценностью активной деятельной жизни ($r = 0,30$; $p \leq 0,01$), другими словами – при повышении значимости насыщенности жизни повышается и количество мотивационных объектов, отражающих стремление человека к социальному взаимодействию; при отсутствии кризиса идентичности данная мотивационная тенденция наблюдается в случае повышения значимости ценностей счастливой семейной жизни ($r = 0,30$; $p \leq 0,01$) и любви ($r = 0,23$; $p \leq 0,01$).

При переживании кризиса идентичности увеличение мотивации на приобретение и обладание связано с увеличением значимости ценности жизненной мудрости ($r = 0,39$; $p \leq 0,01$) и уменьшением значимости ценности счастливой семейной жизни ($r = -0,27$; $p \leq 0,01$), при этом достаточно сложно найти логическое объяснение подобной системе взаимосвязей. В отсутствии кризиса идентичности связь мотивационного устремления на приобретение чего-либо с ценностными ориентациями более согласованная: так, выраженность рассматриваемой мотивации, связана с увеличением ценности интересной работы ($r = 0,26$; $p \leq 0,01$) и увеличением ценности материального достатка ($r = 0,24$; $p \leq 0,01$).

Еще одно интересное противоречие в системе ценностей и мотивационных тенденций при переживании кризиса идентичности наблюдается в обратной

взаимосвязи между мотивацией на личностную автономию и значимостью ценностей, которые опосредовано ведут к автономии субъекта: интересная работа ($r = -0,37$; $p \leq 0,01$); материально обеспеченная жизнь ($r = -0,27$; $p \leq 0,01$) и прямой взаимосвязи с ценностью счастливой семейной жизни ($r = 0,25$; $p \leq 0,01$). Таким образом, для респондентов, переживающих кризис идентичности, характерно следующее: уменьшение значимости ценностей интересной работы и материального достатка и повышение значимости счастливой семейной жизни связано с большей выраженностью стремления к автономии и независимости. Подобная система взаимосвязей в очередной раз подтверждает наше предположение о несогласованности мотивационных устремлений и системы ценностных ориентаций в период кризиса идентичности.

Таким образом, ценностно-смысловая сфера при переживании кризиса идентичности характеризуется общей низкой осмысленностью жизни, невысокой оценкой собственных сил и возможностей в самостоятельном определении жизненного пути, отсутствием осмысленных целей, придающих общую направленность жизни и неудовлетворенностью не только достигнутыми в прошлом результатами, но и текущим процессом жизни.

Переживание кризиса идентичности сопровождается десинхронизацией временных локусов смысла: смыслы, локализованные в различных темпоральных модусах, жестко разделены между собой, что отражается в автономном существовании и функционировании смыслов прошлого, смыслов настоящего и смыслов будущего. Результатом подобной смысловой десинхронизации является жестко фиксированная форма поведения с точки зрения темпоральной интеграции жизненного опыта, дискретное восприятие жизни.

Иерархическая система ценностных ориентаций при переживании кризиса идентичности отражает более высокую (в сравнении с ситуацией отсутствия кризиса идентичности) значимость ценностей, мотивирующих на развитие скорее в социальном, чем в личностном пространстве; большую значимость ценностей, реализация которых возможна в непосредственном настоящем, что говорит о сокращенной временной перспективе будущего. В целом система взаимосвязей

элементов, входящих в структуру групповых ценностных иерархий при переживании кризиса идентичности отличается от аналогичной системы, характерной для респондентов, не переживающих кризис идентичности. Кроме того, при переживании кризиса идентичности наблюдается расхождение между представлениями о значимости тех или иных ценностных ориентаций и реальными действиями, направленными на реализацию соответствующих ценностей. В мотивационной сфере при переживании кризиса идентичности (в сравнении с группой НКИ) возрастает представленность мотивационных объектов, отражающих стремление к самосохранению, личностной автономии и получению удовольствия, при этом менее выражена мотивация на самореализацию и поддержание социальных контактов.

3.2 Особенности временной перспективы личности при переживании кризиса идентичности

Переживание кризиса идентичности, влекущее за собой определенные изменения в ценностно-смысловой сфере личности, находит свое отражение во временной перспективе субъекта. В связи с этим, нами было выдвинуто предположение о том, что при переживании кризиса идентичности временная перспектива характеризуется определенными особенностями, такими как более негативное отношение к личному прошлому, ярко выраженная фаталистическая установка на настоящее и менее простроенная временная перспектива будущего. Для того чтобы проверить данное предположение, нами был проведен анализ данных, полученных с помощью методики ZTPИ Ф. Зимбардо по временной перспективе (модификация А. Сырцовой, Е. Т. Соколовой, О. В. Митиной), метода мотивационной индукции Ж. Нюттена и проективной методики «Тест кругов» Т. Коттла.

Полученные данные свидетельствуют о достоверных различиях во временной перспективе респондентов, переживающих и не переживающих кризис

идентичности. При рассмотрении выраженности различных типов временной перспективы были обнаружены статистически достоверные различия по всем параметрам (таблица 15, рисунок 11).

Таблица 15 – Сравнительный анализ выраженности типов временной перспективы (ZТРИФ.Зимбардо) в группах НКИ и КИ

Шкалы методики	НКИ	КИ	t-критерий
Негативное прошлое	2,74	3,18	5,13*
Гедонистическое настоящее	3,52	3,21	4,21*
Будущее	3,60	3,10	7,20*
Позитивное прошлое	3,63	3,29	4,04*
Фаталистическое настоящее	2,70	3,11	4,86*

* – $p \leq 0,01$

Так, при отсутствии кризиса идентичности для временной перспективы респондентов характерно практически одинаково высокие показатели по таким шкалам, как «Гедонистическое настоящее», «Будущее», «Позитивное прошлое» и сравнительно низкие значения в шкалах «Негативное прошлое», «Фаталистическое настоящее».

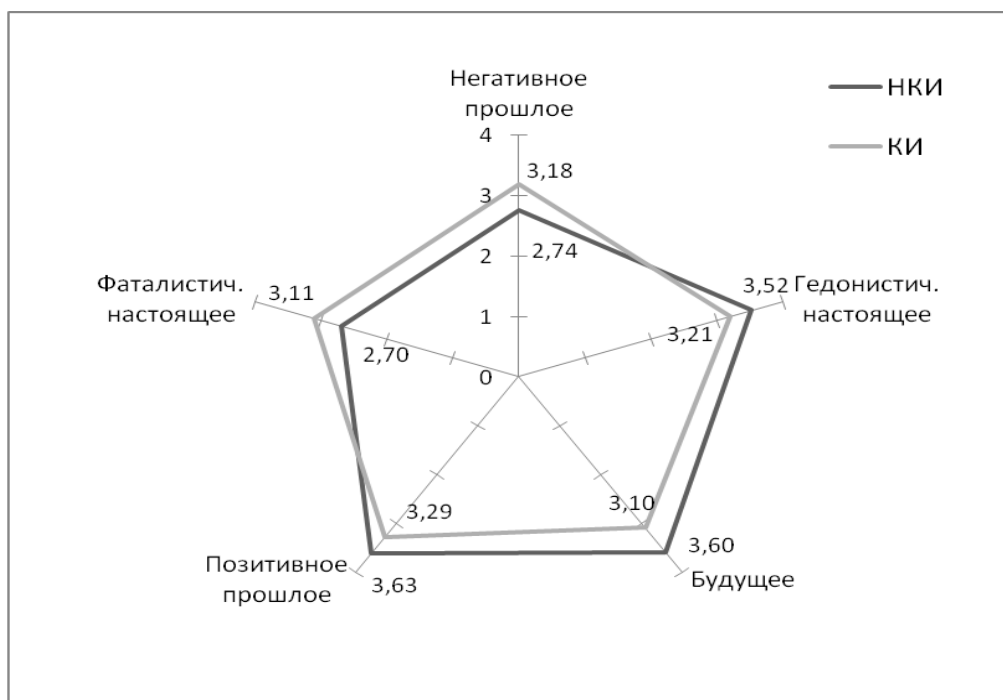

Рисунок 11 – Профиль временных ориентаций при наличии и отсутствии кризиса идентичности

В случае отсутствия кризиса идентичности для временной перспективы субъекта характерно положительное и достаточно сентиментальное отношение к личному прошлому, что связывается с такими качествами, как здоровый взгляд на

жизнь, активность, стремление погружаться в мир собственных мыслей и склонность к духовности. Наряду с общим довольно беззаботным отношением к жизни, ориентацией на удовольствие и получение наслаждения в настоящем, достаточно ярко выражена направленность на будущее, характеризующаяся стремлением к достижению поставленных целей и планированием жизненной перспективы.

При переживании кризиса идентичности профиль временной перспективы словно «смещается» в сторону большей выраженности отрицательного отношения к прошлому и большей выраженности фаталистического настоящего. Респонденты, переживающие кризис идентичности, склонны более негативно реконструировать события личного прошлого, что непосредственно связано с процессом обесценивания образа «Я» в прошлом. Фаталистическая же установка выражается в определенной позиции беспомощного отношения к будущему и к жизни в целом, что находит свое отражение в невысокой удовлетворенности жизнью в настоящем и общим стремлением избежать самостоятельных постановок целей на жизненном пути. При переживании кризиса идентичности меньше выражена нацеленность на будущее и ориентация на настоящее, как на источник удовольствия и положительных эмоций в жизни. Важным, на наш взгляд, является следующее: несмотря на значимые различия между выборками по уровню выраженности тех или иных типов временной перспективы, при кризисе идентичности показатели по «позитивным» шкалам, определяющим сбалансированную временную перспективу, нельзя назвать низкими, но именно высокие значения «негативных» типов временной перспективы приводят к общей «дисгармонизации» и противоречивости временной организации жизни.

Вместе с этим, система взаимосвязей аспектов временной перспективы при переживании кризиса идентичности отлична от аналогичной системы при отсутствии переживания кризиса (таблица 16).

При отсутствии кризиса идентичности ориентации на позитивное и негативное прошлое находятся в обратной взаимосвязи, что отражает взаимоисключение данных параметров и снижает общую противоречивость

отношения к личному прошлому. При переживании кризиса данной взаимосвязи не выявлено.

Таблица 16 – Интеркорреляция шкал методики ZTPИ Ф. Зимбардо
(данные по обеим группам)

Шкалы методики ZTPИ		НКИ				
		Негативное прошлое	Гедонистич. настоящее	Будущее	Позитивное прошлое	Фаталистич. настоящее
КИ	Негативное прошлое	x	0,08	0,02	-0,31**	0,49**
	Гедонистич. настоящее	0,25**	x	-0,31**	0,14	0,33**
	Будущее	0,38**	0,19	x	0,18*	-0,26**
	Позитивное прошлое	0,06	0,48**	0,30**	x	-0,18*
	Фаталистич. настоящее	0,46**	0,36**	0,06	0,16	x
* – $p \leq 0,05$; ** – $p \leq 0,01$						

Интересно следующее – при отсутствии кризиса идентичности рост показателей по негативному прошлому сопровождается снижением значений по позитивному прошлому и повышением выраженности фаталистического отношения к жизни. А при кризисе идентичности негативное отношение к прошлому находится в прямой взаимосвязи не только с фаталистическим настоящим, но и с ориентацией на гедонистическое настоящее и перспективой будущего.

По результатам проведенного однофакторного дисперсионного анализа можно говорить следующее: при переживании кризиса идентичности увеличение общей направленности, отражающей гедонистическое отношение к настоящему ($F = 2,36$; $p = 0,001$), вместе с ростом фаталистического отношения к жизни ($F = 2,34$; $p = 0,002$) ведет к увеличению общей негативной позиции в отношении личного прошлого. В свою очередь более негативное отношение к прошлому ведет к повышению общей направленности на будущее ($F = 2,61$; $p = 0,001$). Таким образом, при кризисе идентичности негативная реконструкция прошлых событий выступает как своеобразный ресурс для построения будущих жизненных планов. Общая неудовлетворенность прошлым толкает человека на построение личного будущего. Необходимо, конечно, помнить, что общая осмысленность как прошлого, так и будущего при кризисе идентичности довольно невысокая, и жизненные цели в таком

случае характеризуются определенной размытостью, однако сам факт влияния негативного прошлого на планирование жизни является весьма интересным.

Ориентация на гедонистическое настоящее в выборке НКИ находится в прямой взаимосвязи с фаталистическим настоящим и обратной взаимосвязи с временной ориентацией на будущее. При этом увеличение общей нацеленности на будущее ведет к снижению гедонистического отношения к жизни ($F = 2,6$; $p = 0,0001$), а фаталистическая установка, напротив, снижает выраженность временной перспективы будущего ($F = 2,17$; $p = 0,002$).

Иная система взаимосвязей шкалы «Гедонистическое настоящее» в выборке КИ. Для респондентов, переживающих кризис идентичности, общая направленность на получение удовольствия в жизни связывается с негативным отношением к прошлому (выше мы рассмотрели специфику данной связи), позитивным отношением к прошлому и фаталистическим настоящим. При этом общее положительное восприятие личного прошлого и гедонистическая позиция в отношении настоящего взаимообуславливают друг друга. Получается интересная и очень противоречивая система взаимосвязей аспектов временной перспективы в кризис идентичности: несвязанные друг с другом позитивное и негативное прошлое находятся в прямой зависимости от гедонистического отношения к жизни, которое в свою очередь увеличивается в случае выраженного положительного отношения к прошлому, что приводит к увеличению отрицательного отношения к нему.

Рассматривая особенности системы взаимосвязи ориентации на фаталистическое настоящее в выборках КИ и НКИ, мы обнаружили следующее: при переживании кризиса идентичности фаталистическое отношение к жизни находится в прямой взаимосвязи с отрицательным отношением к прошлому и ориентацией на «приятное» настоящее, а при отсутствии кризиса идентичности данный показатель вступает еще и в обратную взаимосвязь с ориентациями на будущее и позитивное прошлое. Это в очередной раз указывает на существенные различия временных профилей респондентов, переживающих и не переживающих кризис идентичности.

Временная перспектива личности предполагает наличие определенных пространственных отношений между различными временными модусами. Этот

параметр исследовался нами с помощью теста кругов Т. Коттла. Полученные данные позволяют проанализировать значимость временных зон и их связанность (таблица 17).

Согласно результатам, значимость области прошлого статистически выше для респондентов, переживающих кризис идентичности (данная область изображалась кругами большего размера, чем в другой выборке). И это является подтверждением того, что прошлое при кризисе идентичности выступает более актуальным временным отрезком жизни, вне зависимости от его оценки как позитивного или негативного.

Таблица 17 – Сравнительный анализ значимости и степени связанности временных зон (тест кругов Т. Коттла)

Временные зоны	Значимость временной зоны			р-уровень
	НКИ	КИ	t-критерий	
Прошлые	24,84	28,44	2,38	0,02
Настоящее	33,03	32,37	0,58	0,56
Будущее	42,12	39,19	1,91	0,06
Степень связанности временных зон				
Прошлые-Настоящее	2,40	2,21	0,75	0,45
Прошлые-Будущее	0,92	0,87	0,25	0,81
Настоящее-Будущее	2,81	2,15	2,61	0,01
общая связанность	6,14	5,23	1,46	0,15

При кризисе идентичности происходящий процесс идентификации во многом основывается на включении прошлого опыта и образа себя в прошлом во внутренний сравнительный анализ, результатом которого выступают определенные тенденции по формированию образа «Я» настоящего и будущего. Именно с этим, на наш взгляд, и связывается большая значимость временной зоны прошлого.

Анализ связанности временных зон показал, что при отсутствии кризиса идентичности настоящее и будущее чаще изображаются во взаимосвязи друг с другом. Для респондентов группы КИ связь между временными зонами настоящего и будущего менее актуальна, что может свидетельствовать о субъективном восприятии разрозненности данных временных зон и отсутствии преемственности между настоящим и будущим.

Анализ взаимосвязи показателей значимости временных зон и их связанности с различными временными ориентациями показал, что при кризисе идентичности никаких связей между пространственным восприятием временных зон и выраженностью различных аспектов временной перспективы не выявлено. Но при отсутствии кризиса идентичности некоторые связи были выявлены. Так, например, обнаружена обратная взаимосвязь между ориентацией на фаталистическое настоящее и связанностью прошлого с настоящим ($r = -0,17$; $p \leq 0,05$) и прошлого с будущим ($r = -0,16$; $p \leq 0,05$). Другими словами увеличение связанности между зонами прошлого и настоящего, прошлого и будущего сопряжено с уменьшением общего фаталистического отношения к жизни. При этом фаталистическое отношение к жизни вступает в обратную взаимосвязь с общей связанностью временных зон ($r = -0,19$; $p \leq 0,01$).

В целом, пространственные представления временных зон отражают восходящую линию – от меньших областей прошлого, к большим областям будущего, и это является нормой для того возрастного периода, в котором находятся наши респонденты (Т. Коттл).

Измерение протяженности временной перспективы будущего проводилось с использованием метода мотивационной индукции Ж. Нюттена, позволяющего определить временные периоды, к которым относятся указанные респондентами мотивационные объекты. Эти временные периоды выступают в качестве темпоральных элементов, составляющих временную перспективу будущего. Как показал анализ полученных данных – временная локализация объектов, представленных в сознании респондентов групп КИ и НКИ, имеет определенные различия (таблица 18, рисунок 12).

Так, значительная доля мотивационных объектов, указанных респондентами группы КИ, темпорально локализуется в диапазоне одного дня. Зачастую такую темпоральную локализацию имеют объекты, относящиеся к категории отдыха и удовольствия: «Я буду вполне доволен, если выплусь/отдохну», «Я ужасно хочу кушать», «Я хочу спать», «Наибольшее удовольствие я получаю, если гуляю», «Я действительно хочу торт». Более выражена локализация объектов в календарном

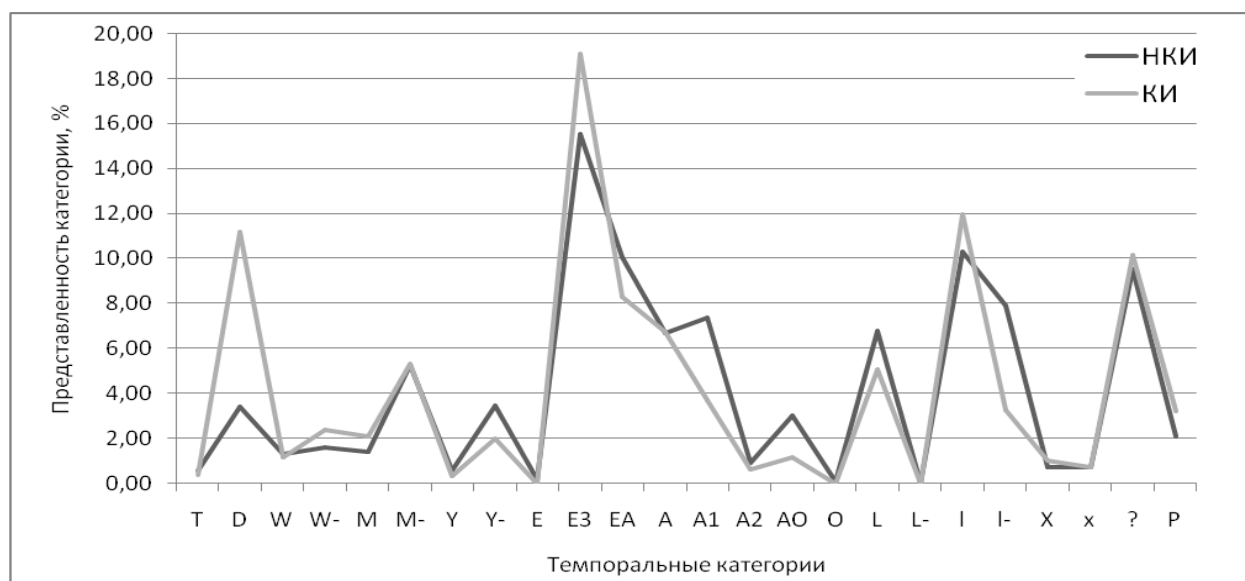
диапазоне нескольких недель, при этом часто мотивация касается ближайших учебных задач (темпоральная локализация определялась, исходя из сопоставления даты заполнения бланка и периода экзаменационной сессии): «Я мечтаю о том, что сдам эту сессию», «Я буду доволен, если скоро выйду на каникулы», «Наихудшее наказание для меня – завалить эту сессию», «Моя большая надежда – это слетать летом в отпуск».

Таблица 18 – Соотношение представленности темпоральных категорий в группах НКИ и КИ (% от общего числа указанных высказываний)

Темпоральные элементы	НКИ	КИ	ф эмп.
T – настоящий момент, время проведения теста	0,57	0,40	1,07
D – в течение дня	3,43	11,19	14,46**
W – в течение недели	1,32	1,14	0,88
W – в течение нескольких недель	1,59	2,40	2,65**
M – в течение месяца	1,41	2,09	2,51**
M – в течение нескольких месяцев	5,28	5,29	0,00
Y – в течение одного года	0,57	0,31	1,81*
Y – в течение одного или двух лет	3,48	1,97	4,28**
E – период обучения	0,18	0,00	3,81**
E3 – период обучения в вузе (18-25 лет)	15,54	19,12	4,46**
EA – период обучения и взрослости	10,03	8,27	2,79**
A – период взрослости	6,68	6,75	0,19
A1 – первая половина взрослой жизни (25-45 лет)	7,37	3,72	7,62**
A2 – вторая половина взрослой жизни (45-65 лет)	0,92	0,60	1,67*
AO – период взрослости и старости	3,00	1,14	6,41**
O – период пожилого возраста	0,11	0,00	2,93**
L – неопределенный период всей жизни	6,80	5,09	5,86**
L – выраженный период всей жизни	0,05	0,00	2,93**
I – открытое настоящее модальность, качество, способность, цель располагается в настоящем	10,30	11,96	2,51**
I – длительность существования желанного качества	7,90	3,26	9,53**
X – после смерти субъекта	0,71	1,03	1,49
x – историческое будущее	0,74	0,74	0,00
? – вневременные и неcodируемые объекты	9,54	10,13	0,93
P – прошлое	2,08	3,23	3,21**

В целом, если сравнивать протяженность временной перспективы будущего по календарным периодам (день, неделя, месяц, год), можно сделать вывод о том, что во временной перспективе будущего респондентов, не переживающих кризис идентичности, чаще встречается более удаленная локализация мотивационных объектов (период нескольких недель, месяцев и лет), чем у респондентов,

находящихся в кризисе. Иллюстративном в этом плане могут быть следующие высказывания, относящиеся к одной и той же мотивационной категории: «Любой ценой я хочу сдать экзамен» (респондент группы КИ, 2 курс) и «Я хочу закончить университет» (респондент группы НКИ, 2 курс). Наличие более темпорально удаленных мотивов требует достаточно осмысленного, целеустремленного и направленного отношения к жизни, чего нет при переживании кризиса идентичности. При этом для группы КИ характерна более выраженная темпоральная локализация мотивационных объектов в периоде открытого настоящего, отражающего личностные качества, способности, физическое состояние: «Я работаю над собой», «Я хочу стать лучше», «Мое большое желание – это быть счастливой», «Наибольшее удовольствие я получаю, когда все вокруг меня радует», «Максимум усилий я прилагаю, чтобы бросить курить», «Я хотел бы быть способным делать все, что я хочу», «Я пытаюсь развиваться», «Я надеюсь только на себя».

Примечание: T – настоящий момент, время проведения теста; D – в течение дня; W – в течение недели; W- – в течение нескольких недель; M – в течение месяца; M- – в течение нескольких месяцев; Y – в течение одного года; Y- – в течение одного или двух лет; E – период обучения; E3 – период обучения в вузе (18-25 лет); EA – период обучения и взрослости; A – период взрослости; A1 – первая половина взрослой жизни (25-45 лет); A2 – вторая половина взрослой жизни (45-65 лет); AO – период взрослости и старости; O – период пожилого возраста; L – неопределенный период всей жизни; L- – выраженный период всей жизни; I – открытое настоящее модальность, качество, способность, цель располагается в настоящем; I- – длительность существования желанного качества; X – после смерти субъекта; x – историческое будущее; ? – вневременные и некодируемые объекты; P – прошлое

Рисунок 12 – Соотношение темпоральных категорий, указываемых респондентами групп НКИ и КИ

Наиболее насыщенными темпоральными элементами, основанными на социальных и биологических показателях (период обучения в вузе, период взрослости (первая, вторая половина) и т.д.), для обеих групп являются период

обучения в вузе, период обучения и взрослости и первая половина периода взрослости. Однако по частоте отнесения мотивационных объектов к указанным темпоральным элементам на первое место выходит группа НКИ. О большей протяженности временной перспективы при отсутствии кризиса идентичности свидетельствуют достоверные различия и по показателям периода второй половины взрослости, пожилого возраста и всего жизненного пути: «Я стремлюсь к обеспеченной жизни», «Когда-нибудь я уеду жить за границу», «Я действительно хочу создать свою семью», «Мое большое желание – это открыть свой бизнес», «Я ужасно хочу иметь детей», «Когда-нибудь я стану лучшей мамой», «Я ужасно хочу реализоваться в семье и науке», «Я хочу иметь счастливую семью в будущем», «Моя большая надежда – увидеть правнуков», «Я стремлюсь к наилучшему будущему», «Когда-нибудь я буду вспоминать юность». Таким образом, можно сделать вывод, что временная перспектива будущего при переживании кризиса идентичности характеризуется меньшей протяженностью и большей локализацией мотивационных устремлений в ближайших временных периодах.

Обобщая полученные результаты исследования особенностей временной перспективы личности в период кризиса идентичности, можно сделать следующие выводы:

- при переживании кризиса идентичности профиль временной перспективы смещается в сторону большей выраженности ориентации на негативное прошлое и фаталистическое настоящее, что проявляется в негативной реконструкции событий прошлого и в стремлении избежать самостоятельных постановок целей на будущее; при этом позитивные временные ориентации, определяющие сбалансированную временную перспективу, выражены на достаточном уровне, однако наличие высоких показателей «негативных» аспектов временной перспективы (негативное прошлое, фаталистическое настоящее) приводит к общей дисгармонизации и противоречивости временной организации жизни;

- при переживании кризиса идентичности увеличение общей направленности на гедонистическое отношение к жизни, вместе с ростом фаталистического отношения к ней, ведет к увеличению выраженности ориентации на негативное

прошлое; негативная реконструкция прошлых событий выступает в качестве ресурсного источника для построения будущих жизненных планов, но, с учетом общей низкой осмысленности жизни, ставящиеся цели характеризуются размытостью и неясностью;

- противоречивая система взаимосвязей аспектов временной перспективы в кризис идентичности находит свое отражение во взаимосвязях таких ее аспектов, как гедонистическое настоящее, негативное и позитивное прошлое: несвязанные друг с другом позитивное и негативное прошлое находятся в прямой зависимости от гедонистического отношения к жизни, которое в свою очередь увеличивается в случае выраженного положительного отношения к прошлому, что приводит к увеличению отрицательного отношения к нему;

- временная зона прошлого более значима при переживании кризиса идентичности, чем при отсутствии такового, при этом наблюдается меньшая связанность между зонами настоящего и будущего, что свидетельствует об актуальности прошлого и субъективном восприятии разрозненности, отсутствии преемственности между настоящим и будущим;

- временная перспектива будущего при переживании кризиса идентичности характеризуется меньшей протяженностью и большей локализацией мотивационных устремлений в ближайших временных периодах.

3.3 Временная перспектива как предиктор переживания кризиса идентичности

Полученные в ходе исследования результаты позволяют обосновано утверждать следующее: при переживании кризиса идентичности происходят определенные изменения в ценностно-смысловой сфере субъекта и во временной перспективе личности. Исходя из этого, можно предположить, что показатели временной перспективы личности, а именно – доминирование тех или иных ее ориентаций (позитивное или негативное отношение к прошлому, нацеленность на настоящее, как источник жизненного удовольствия, общая направленность в

будущее с определенными и осмысленными целями, общее отношение к жизни как к некоей предопределенности, не зависящей от человека), значимость и связанность временных зон, могут свидетельствовать о наличии или отсутствии переживания кризиса идентичности. Для проверки данного предположения нами был проведен дискриминантный анализ, представляющий собой альтернативу множественного регрессионного анализа для случая, когда зависимая переменная представлена в номинативной шкале.

В качестве исходных данных для дискриминантного анализа выступили: классифицирующая переменная – кризис идентичности, определяемый через принадлежность к одной из двух групп (переживающих и не переживающих кризис идентичности) и 12 дискриминантных переменных – показатели по шкалам методики ZTPI Ф. Зимбардо (5 показателей: позитивное/негативное прошлое, фаталистическое/ гедонистическое настоящее, будущее), показатели значимости и связанности временных зон (7 показателей (тест кругов Т. Коттла): значимость трех временных модусов, связанность между парами временных модусов и показатель общей связанности). Задачей дискриминантного анализа является выявление дискриминантных переменных, позволяющих предсказать наличие или отсутствие переживания кризиса идентичности, и определение «веса» каждой дискриминантной переменной в общей предсказательной способности функции.

В результате первичного анализа, с включением всех дискриминантных переменных, была получена каноническая функция с большой информативностью и дискриминантной способностью. Статистическая достоверность для всего набора канонических функций высокая (таблица 19)

Таблица 19 – Основные показатели канонической функции (1)

Функция	Собственное значение	% дисперсии	λ -Вилкса	χ^2	Каноническая корреляция	p-уровень
1	1,095	100	0,472	175,867	0,723	0,000

Определены значения канонической функции для групповых центроидов, координаты которых позволяют интерпретировать функцию относительно ее роли в различении классов: для состояния переживания кризиса идентичности значение функции равно $-1,259$; для отсутствия кризиса идентичности $0,862$. Таким образом,

чем ниже значение функции, тем выше вероятность того, что субъект переживает кризис идентичности.

Для дискриминантного анализа были отобраны переменные, выступающие в качестве наиболее значимых, различия по которым между группами статистически достоверны (по показателям F-критерия Фишера). Анализ стандартизованных коэффициентов каждой переменной позволил определить соотношение вкладов переменных в каноническую функцию. Так, наиболее существенными переменными для канонической функции выступают переменные «Негативное прошлое», «Гедонистическое настоящее», «Будущее», «Фаталистическое настоящее» (таблица 20)

Таблица 20 – Коэффициенты канонической функции (1)

Переменные	Нестандартизованные весовые значения предикторов	Стандартизованные коэффициенты	Структурные коэффициенты
Настоящее (значимость)	0,016	0,141	0,040
Будущее (значимость)	0,003	0,044	0,115
Прошлое-Настоящее (связанность)	-0,071	-0,153	0,006
Настоящее-Будущее (связанность)	0,050	0,101	0,208
Негативное прошлое	-0,753	-0,498	-0,396
Гедонистическое настоящее	1,207	0,719	0,326
Будущее	1,179	0,667	0,507
Позитивное прошлое	0,066	0,044	0,335
Фаталистическое настоящее	-0,727	-0,471	-0,411
(Constant)	-4,815	-	-

Полученная каноническая функция, позволяющая определить отнесенность объекта к той или иной группе (НКИ или КИ), имеет наиболее высокие корреляции с временной перспективой будущего (0,507), фаталистическим настоящим (-0,411), негативным прошлым (-0,396), позитивным прошлым (0,335) и гедонистическим настоящим (0,326). Правильно классифицированы были 86,3 % случаев по сравнению с 52,8 % , ожидаемыми как правильного распределения случайности.

Уравнение дискриминантной функции имеет следующую форму (с использованием константы и нестандартизованных весовых значений):

Наличие/отсутствие кризиса идентичности = $-4,815 + 1,207$ (Гедонистическое настоящее) + $1,179$ (Будущее) – $0,753$ (Негативное прошлое) – $0,727$ (Фаталистическое настоящее) – $0,071$ (Прошлое-Настоящее (связанность)) + $0,016$ (Настоящее (значимость)) + $0,050$ (Настоящее-Будущее (связанность)) + $0,066$ (Позитивное прошлое) + $0,003$ (Будущее (значимость)).

Таким образом, в качестве индикаторов переживания кризиса идентичности действительно могут выступать различные параметры временной перспективы, отражающие общие установки по отношению к временным модусам; показатели связанности прошлого – настоящего, и настоящего – будущего; и субъективная значимость областей настоящего и будущего.

Однако довольно большое количество предикторов, включенных в каноническую функцию усложняет процесс определения отнесенности объекта к той или иной группе, в связи с чем нами был проведен повторный дискриминатный анализ с вычетом переменных с невысоким вкладом в общую функцию. Полученная новая каноническая функция верна в 87,1 % случаев и включает в себя такие переменные, как «Негативное прошлое», «Гедонистическое настоящее», «Будущее» и «Фаталистическое настоящее» (таблицы 21, 22).

Таблица 21 – Основные показатели канонической функции (2)

Функция	Собственное значение	% дисперсии	λ -Вилкса	χ^2	Каноническая корреляция	p-уровень
2	1,062	100	0,485	171,5	0,718	0,000
Значения канонической функции для групповых центроидов						
классифицирующая переменная			значение функции			
отсутствие кризиса идентичности			0,85			
переживание кризиса идентичности			-1,24			

Новая каноническая функция включает в себя меньшее количество дискриминантных переменных и обладает чуть большей силой предсказания, чем первая функция. Наиболее высокие корреляции функции наблюдаются с такими предикторами, как будущее (0,515), фаталистическое настоящее (-0,417) и негативное прошлое (-0,403). Уравнение новой дискриминантной функции имеет следующую форму (с использованием константы и нестандартизированных весовых значений):

Наличие/отсутствие кризиса идентичности = $-4,182 + 1,218$ (Гедонистическое настоящее) + $1,238$ (Будущее) – $0,793$ (Негативное прошлое) – $0,695$ (Фаталистическое настоящее).

Таблица 22 – Коэффициенты канонической функции (2)

	Нестандартизированные весовые значения предикторов	Стандартизированные коэффициенты	Структурные коэффициенты
Негативное прошлое	-0,793	-0,525	-0,403
Гедонистическое настоящее	1,218	0,725	0,331
Будущее	1,238	0,700	0,515
Фаталистическое настоящее	-0,695	-0,451	-0,417
(Constant)	-4,182		

Данная каноническая функция демонстрирует следующее:

- чем больше выраженность во временной перспективе личности негативного отношения к прошлому, выше показатели фаталистического настоящего и ниже значения гедонистического настоящего и временной перспективы будущего, тем выше вероятность отнесения субъекта к группе лиц, переживающих кризис идентичности;

- в случае большей выраженности во временной перспективе личности гедонистического настоящего и временной перспективы будущего вместе с низкими значениями негативного прошлого и фаталистического настоящего увеличивается вероятность отнесения субъекта к группе лиц, не переживающих кризис идентичности.

Проведенный анализ демонстрирует, что показатели временной перспективы личности могут выступать в роли предикторов кризиса идентичности. Учитывая, что временная перспектива рассматривается и как динамическое, и как относительно стабильное образование личности, можно предположить, что в некоторых случаях специфика временной перспективы личности является именно показателем кризиса идентичности (динамичность временной перспективы), но в случае, если временная перспектива выступает как относительно стабильная характеристика человека, то ее специфика является фактором, обуславливающим вероятность и глубину

переживания кризиса идентичности. Например, представим себе двух людей – для одного личностной особенностью (т.е. более стабильным образованием) является сбалансированная временная перспектива, предполагающая позитивное отношение к личному прошлому, стремление и нацеленность на будущее вместе с умением получать удовольствие от настоящего. Второй же человек, напротив, характеризуется несбалансированной временной перспективой, для него характерно негативное отношение к событиям прошлой жизни и к себе в целом, настоящее для такого человека не столь насыщено и интересно, как могло бы быть, на будущее цели практически не ставятся, а в отношении жизни существует четкое убеждение – что все в руках судьбы. И оба этих человека сталкиваются с новой для них жизненной ситуацией, требующей определенного личностного опыта, которого пока нет, и влекущей за собой необходимость во внутриличностных изменениях. В данном случае, наиболее вероятно то, что более глубокий кризис идентичности будет переживаться именно человеком с несбалансированной временной перспективой, в то время, как другой – может довольно быстро и безболезненно пройти через этот период.

3.4 Особенности ценностно-смысловой детерминации временной перспективы личности в период кризиса идентичности

Предыдущий анализ продемонстрировал, что при переживании кризиса идентичности или при отсутствии такового существуют определенные различия как во временной перспективе личности, так и в ценностно-смысловой сфере. Причем данные различия проявляются не только в выраженности тех или иных показателей временной перспективы или ценностно-смысловой сферы, но и в системе взаимосвязей элементов, входящих в структуру рассматриваемых образований. Учитывая, что временная перспектива это динамическое образование, отражающее личностное отношение ко времени, а, согласно ценностно-смысловой парадигме развития личности, системообразующим фактором личности является ценностно-

смысловая сфера, располагающаяся на пересечении мотивационно-потребностной, эмоциональной и когнитивной сфер и обуславливающая целостность самой личности, опосредуя жизнедеятельность человека (А. В. Серый, М. С. Яницкий), мы стоим на позиции, что именно элементы ценностно-смысловой сферы выступают в роли детерминант временной перспективы личности. При этом характер детерминационной связи опосредован переживанием кризиса идентичности.

Косвенным свидетельством тому служат полученные нами результаты, демонстрирующие различия системы взаимосвязей как предпочитаемых ценностей, так и некоторых мотивационных устремлений с ориентацией на различные типы временной перспективы в контрольной и экспериментальной группе.

Так в группе респондентов, не переживающих кризис идентичности, выявлены статистически достоверные взаимосвязи между ориентацией на негативное прошлое и значимостью таких ценностей, как материально обеспеченная жизнь ($r = -0,19$; $p \leq 0,05$), счастливая семейная жизнь ($r = -0,19$; $p \leq 0,05$); мотивационной направленностью на физические характеристики субъекта ($r = 0,23$; $p \leq 0,01$); самореализацию ($r = -0,25$; $p \leq 0,01$), обладание ($r = 0,23$; $p \leq 0,01$). Временная перспектива будущего связана с такими ценностями, как активная деятельная жизнь ($r = -0,22$; $p \leq 0,01$), здоровье ($r = 0,22$; $p \leq 0,01$), счастливая семейная жизнь ($r = 0,18$; $p \leq 0,05$); мотивационной направленностью на самосохранение ($r = -0,22$; $p \leq 0,01$). Ориентация на позитивное прошлое взаимосвязана со значимостью ценностей здоровья ($r = 0,21$; $p \leq 0,01$), наличия хороших и верных друзей ($r = 0,27$; $p \leq 0,01$), счастливой семейной жизни ($r = 0,29$; $p \leq 0,01$) и жизненной мудрости ($r = -0,17$; $p \leq 0,05$); мотивационной направленностью, отражающей желание и надежды в отношении других людей ($r = 0,30$; $p \leq 0,01$). Достаточно большое количество взаимосвязей выявлено между ориентацией на фаталистическое настоящее и мотивационными устремлениями, направленными на самосохранение ($r = 0,25$; $p \leq 0,01$), самореализацию ($r = -0,31$; $p \leq 0,01$), общую активность ($r = -0,25$; $p \leq 0,01$), социальные контакты ($r = 0,21$; $p \leq 0,01$), обладание ($r = 0,23$; $p \leq 0,01$), отдых и удовольствие ($r = 0,23$; $p \leq 0,01$).

В группе респондентов, переживающих кризис идентичности, взаимосвязи временной перспективы и рассматриваемых ценностно-смысловых образований отличаются от представленных выше. Так, ориентация на негативное прошлое связана со значимостью таких ценностей, как интересная работа ($r = 0,22$; $p \leq 0,05$), наличие хороших и верных друзей ($r = -0,22$; $p \leq 0,05$). Ориентация на гедонистическое настоящее находится во взаимосвязи с ценностями познания, как возможности расширения своего кругозора ($r = -0,21$; $p \leq 0,05$), счастливой семейной жизни ($r = 0,25$; $p \leq 0,01$); мотивационной направленностью, отражающей желание субъекта, чтобы другие люди вступили в контакт ($r = 0,37$; $p \leq 0,01$) и желания, надежды в отношении других людей ($r = 0,27$; $p \leq 0,01$). Временная перспектива будущего взаимосвязана с ценностью активной деятельной жизни ($r = -0,26$; $p \leq 0,01$), здоровья ($r = 0,19$; $p \leq 0,05$), материально обеспеченной жизни ($r = 0,21$; $p \leq 0,05$), познания ($r = 0,24$; $p \leq 0,01$); мотивационной направленностью на активность ($r = 0,29$; $p \leq 0,01$), на отдых и удовольствие ($r = -0,29$; $p \leq 0,01$). Ориентация на позитивное прошлое связана со значимостью таких ценностей и мотивационных устремлений, как жизненная мудрость ($r = -0,21$; $p \leq 0,05$), материально обеспеченная жизнь ($r = 0,27$; $p \leq 0,01$), познание ($r = -0,31$; $p \leq 0,01$) и мотивационной направленностью на активность ($r = 0,26$; $p \leq 0,01$). Взаимосвязей между ценностно-смысловыми образованиями и ориентацией на фаталистическое настоящее выявлено не было.

При отсутствии переживания кризиса идентичности мотивационные устремления выступают как более связанные с временной перспективой личности, чем при переживании кризиса. Таким образом, кроме качественных различий во взаимосвязях временной перспективы с ценностями и мотивацией, существуют еще и количественные. Полученные результаты демонстрируют, что ценности и мотивы обнаруживают лишь тенденцию к детерминации временной перспективы, именно интернализированность ценностей и мотивов, отражающаяся в личностных смыслах, выступает в роли ценностно-смысловых детерминант временной перспективы (А. В. Серый). Личностные смыслы, выражающие степень принятия субъектом ценностей и мотивов, относящихся к различным временным модусам, находят свое

отражение в смысложизненных ориентациях человека и показателе внутреннего локуса контроля [147]. Основываясь на данном положении, в качестве основных ценностно-смысловых детерминант временной перспективы мы рассматриваем именно показатели смысложизненных ориентаций личности, в связи с этим, прежде всего, был проведен анализ взаимосвязей различных показателей временной перспективы и смысложизненных ориентаций (таблицы 23, 24).

Таблица 23 – Коэффициенты корреляции типов временной перспективы и показателей теста СЖО в группе НКИ

Субшкалы	Негатив. прошлое	Гедонист. настоящее	Будущее	Позитивн. прошлое	Фаталистич. настоящее
Осмысленность жизни	-0,19**	-0,01	0,26**	0,16*	-0,17*
Цели в жизни	-0,09	-0,02	0,37**	0,15	-0,17*
Процесс жизни	-0,09	0,02	0,11	0,06	-0,06
Результативность жизни	-0,18*	0,20**	0,08	0,20**	0,01
Локус контроля-Я	-0,11	0,08	0,18*	0,14	-0,15
Локус контроля-Жизнь	-0,13	-0,09	0,21**	0,12	-0,19*
* – $p \leq 0,05$; ** – $p \leq 0,01$					

Различия в системе взаимосвязей выступают в качестве косвенного доказательства, так как иллюстрируют не сами ценностно-смысловые детерминанты временной перспективы (взаимосвязь не отражает направление воздействия), а, скорее, структурные особенности единой системы «ценностно-смысловая сфера – временная перспектива».

Таблица 24 – Коэффициенты корреляции типов временной перспективы и показателей теста СЖО в группе КИ

КИ	Негатив. прошлое	Гедонист. настоящее	Будущее	Позитивн. прошлое	Фаталистич. настоящее
Осмысленность жизни	-0,27**	0,12	0,09	0,12	-0,37**
Цели в жизни	-0,14	0,09	0,09	0,10	-0,29**
Процесс жизни	-0,26**	0,04	-0,01	0,00	-0,24*
Результативность жизни	-0,15	0,08	0,16	0,21*	-0,16
Локус контроля-Я	-0,11	0,09	0,14	0,01	-0,23*
Локус контроля-Жизнь	-0,38**	-0,01	-0,09	0,10	-0,49**
* – $p \leq 0,05$; ** – $p \leq 0,01$					

На рисунке 13 графически отражены все выявленные корреляционные связи между смысловыми ориентациями и типами временной перспективы для обеих экспериментальных групп.

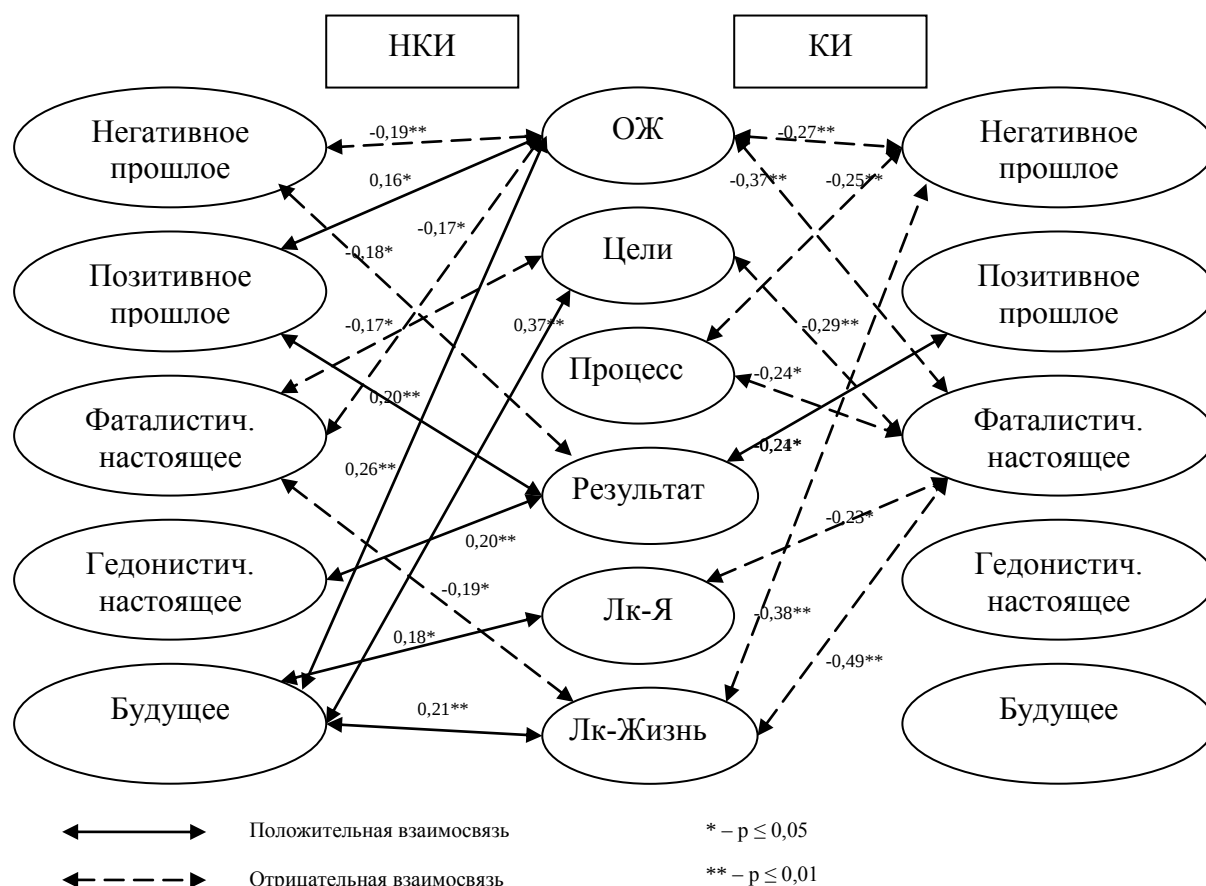

Рисунок 13 – Система корреляционных связей смысловых ориентаций, локуса контроля и различных типов временной перспективы в группах НКИ и КИ

Согласно полученным результатам, при отсутствии переживания кризиса идентичности временная перспектива, отражающая негативное отношение к личному прошлому, находится в обратной взаимосвязи с общей осмысленностью жизни и осмысленностью прожитой ее части. При переживании кризиса идентичности рассматриваемый тип временной перспективы сохраняет обратную взаимосвязь с общей осмысленностью жизни и вступает в обратную взаимосвязь со смысловыми ориентациями, отражающими интерес, эмоциональную насыщенность жизни (шкала «Процесс жизни») и управляемость жизни (шкала «Локус контроля-Жизнь»).

Таким образом, если у респондентов, не переживающих кризис идентичности, при ориентации на негативное прошлое ценностно-смысловая сфера характеризуется общей низкой осмысленностью жизни и смысловым

обесцениванием прошлого жизненного опыта, то для респондентов, находящихся в состоянии кризиса идентичности, ориентация на негативное прошлое сопровождается неудовлетворенностью своей жизнью в настоящем, своеобразным фатализмом, выражающимся в убеждении о невозможности сознательного контроля собственной жизни, и общей низкой осмысленностью жизни в целом.

Временная перспектива, отражающая ориентацию на позитивное прошлое, в группе респондентов НКИ находится во взаимосвязи с теми же смысложизненными ориентациями, что и временная перспектива негативного прошлого, только в данном случае взаимосвязь прямая. В группе респондентов КИ ориентация на позитивное прошлое взаимосвязана со шкалой «Результативность жизни». Важно отметить, что в отсутствии переживания кризиса идентичности полярные типы временной перспективы прошлого взаимосвязаны с одними и теми же смысложизненными ориентациями полярными знаками связей. Переживание же кризиса идентичности обуславливает иную систему взаимосвязей смысловых образований и полярных типов временной перспективы с включением разных коррелирующих элементов.

Большее количество взаимосвязей между смысловыми ориентациями и типом временной перспективы «Фаталистическое настоящее» наблюдается в выборке КИ. Так общая временная установка, отражающая убежденность в предопределенности будущего и пассивность в настоящем, при переживании кризиса идентичности находится в обратной взаимосвязи практически со всеми показателями смысложизненных ориентаций и локуса контроля, кроме показателя «Результативность жизни». Если у респондентов, не переживающих кризис идентичности, общая фаталистическая установка ко времени жизни связана с низким уровнем осмысленности жизни, недостаточной смысловой направленностью в будущее и общей достаточно фаталистической жизненной позицией, то у респондентов, переживающих кризис, наряду с указанными взаимосвязями, появляется еще и связь с низкой оценкой эмоциональной насыщенности жизни в настоящем и неуверенностью в собственных силах в плане контроля жизненных событий.

Интересно следующее – при переживании кризиса идентичности временная перспектива, ориентированная на будущее, и временная перспектива, отражающая общую ориентацию на гедонистическое настоящее, не вступают в линейные взаимосвязи с элементами ценностно-смысловой сферы. При отсутствии кризиса, временная ориентация на будущее, напротив, имеет большое количество взаимосвязей с такими смысловыми элементами, как общая осмысленность жизни, осмысленность целей в будущем, отношение к себе, как к источнику изменений в собственной жизни и общая позиция о свободе выбора человека, его личной ответственности в построении собственной жизни. Установка же на гедонистическое настоящее в выборке НКИ связана с общей оценкой результативности жизни: при возрастании во временной перспективе личности гедонистической направленности возрастает и общая положительная и осмысленная оценка пройденного жизненного пути.

Рассмотренные системы взаимосвязей различных типов временной перспективы и смысложизненных ориентаций при условии переживания или не переживания кризиса идентичности демонстрируют наличие определенных спецификаций во взаимосвязях, но не позволяют говорить о направленном воздействии ценностно-смысловых образований на временную перспективу личности. Для анализа ценностно-смысловой детерминации временной перспективы личности применялся однофакторный дисперсионный анализ (One-Way ANOVA), а в случае, если наблюдались значимые различия в дисперсиях сравниваемых выборок, использовался критерий Н-Краскала-Уоллеса (как непараметрический аналог ANOVA). В качестве зависимых переменных поочередно выступали типы временной перспективы, выявленные с помощью методики ZTPИ Ф. Зимбардо, в роли независимых переменных – показатели по методике СЖО (Д. А. Леонтьев). С целью приведения исходных данных в необходимую для анализа структуру, все показатели по методике СЖО были переведены в соответствующую градацию, отражающую низкий, средний и высокий уровень выраженности признака. Для данного перевода по всем шкалам методики отдельно в каждой экспериментальной группе были высчитаны средние значения и стандартные отклонения.

Рассматривая смысловые детерминанты временной перспективы личности, мы столкнулись с тем, что некоторые выявленные детерминанты не отражались в представленных выше корреляционных отношениях. Полученные данные нашли свое объяснение в нелинейном влиянии фактора на временную перспективу. Далее, по ходу анализа, будут предоставлены графики средних значений, иллюстрирующие подобный эффект воздействия. Представим смысловую обусловленность временной перспективы, характерную для респондентов, не переживающих кризис идентичности (таблица 25).

Таблица 25 – Ценностно-смысловые детерминанты временной перспективы личности при отсутствии переживания кризиса идентичности

НКИ	Сума квадратов (SS)	df	Средний квадрат (MS)	F	p-уровень
Осмысленность жизни → Будущее					
Межгрупповой	2,76	2	1,38	4,46	0,01
Внутригрупповой	52,64	170	0,31		
Общий	55,40	172			
Цели в жизни → Будущее					
Межгрупповой	6,23	2	3,11	10,76	0,00
Внутригрупповой	49,18	170	0,29		
Общий	55,40	172			
Продолжение таблицы 25					
Результативность жизни → гедонистическое настоящее					
Межгрупповой	3,43	2	1,72	5,85	0,00
Внутригрупповой	49,86	170	0,29		
Общий	53,29	172			
Результативность жизни → позитивное прошлое					
Межгрупповой	3,28	2	1,64	4,41	0,01
Внутригрупповой	63,13	170	0,37		
Общий	66,41	172			
Локус контроля-Я → Негативное прошлое					
Межгрупповой	3,11	2	1,55	3,15	0,05
Внутригрупповой	83,88	170	0,49		
Общий	86,99	172			
Локус контроля-Я → Позитивное прошлое					
Межгрупповой	3,03	2	1,52	4,07	0,02
Внутригрупповой	63,38	170	0,37		
Общий	66,41	172			
Локус контроля-Жизнь → Фаталистическое настоящее					
Межгрупповой	3,40	2	1,70	3,63	0,03
Внутригрупповой	79,44	170	0,47		
Общий	82,84	172			

Обнаружено статистически достоверное влияние общей осмысленности жизни и целеустремленности, отражающей осмысленную направленность жизни, на выраженность перспективы будущего. Полученные данные, на наш взгляд, довольно логично описывают процесс детерминации ориентации человека на будущее: чем выше общая осмысленность жизни, чем больше целей человек перед собой ставит, тем более выражена у него временная перспектива будущего.

Выраженность временной перспективы, отражающей установку на гедонистическое настоящее, находится в зависимости от общей оценки результативности прошлого. Другими словами, при отсутствии кризиса идентичности тем выше стремление к наслаждению настоящим моментом жизни, чем выше удовлетворенность самореализацией в прошлом. На наш взгляд, данная детерминация отражает некое внутреннее «разрешение» на получение удовольствия в настоящем, без угрызений совести об отсутствии заботы о будущем. Иллюстрацией подобного внутреннего «разрешения» может служить такое высказывание: «В прошлом я достаточно потрудился и много добился, могу позволить себе отдохнуть и насладиться настоящим».

Временная перспектива, ориентированная на фаталистическое настоящее, детерминируется наличием и выраженностью внутреннего убеждения о неподвластности человеческой жизни неким сторонним силам. Чем больше человек уверен в том, что жизнь и жизненный путь целиком складываются из личных выборов и ответственных решений, тем меньше выраженность ориентации на фаталистическое настоящее во временной перспективе.

Наличие у человека представлений о себе как о сильной личности, обладающей достаточной свободой выбора и способностью контролировать события собственной жизни выступает в качестве детерминанты как в ориентации на позитивное прошлое, так и в ориентации на негативное прошлое (рисунок 14).

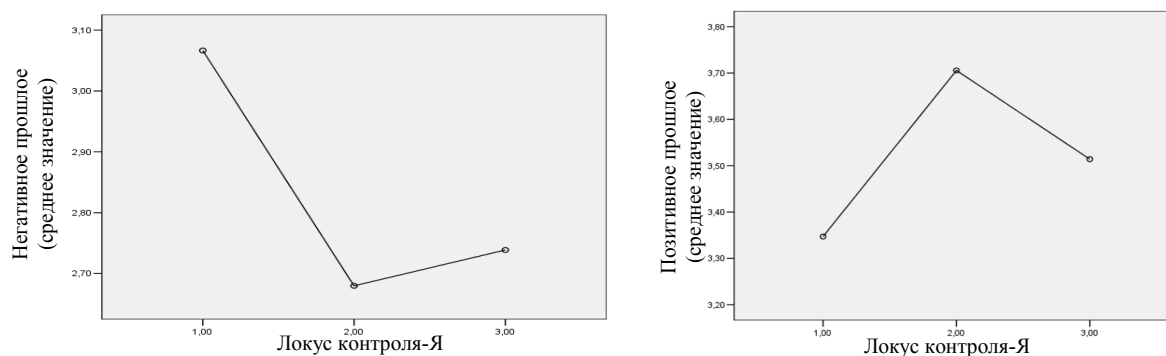

Рисунок 14 – Графики средних значений, отражающие влияние переменной «Локус контроля-Я» на выраженность во временной перспективе позитивного и негативного прошлого

Выявленное воздействие не является прямолинейным, в связи с чем оно не было отражено в рассмотренной выше корреляционной матрице. Представленные на графиках градации по параметру «Локус контроля-Я» отражают следующее: низкий и высокий уровень выраженности признака (1 и 3) предполагают либо достаточно низкую оценку собственных сил и свободы выбора в процессе жизнеосуществления, либо, наоборот, очень высокую оценку, типичную для людей, предпочитающих во всем полагаться только на собственные силы и оценивающих события в жизни как результаты принятых ими решений; средний уровень, соответственно, предполагает достаточно высокую оценку себя, как «творца» собственной жизни, однако с допущением возможности того, что некоторые жизненные события не зависят от личностных усилий. Две крайние позиции выраженности рассматриваемого признака приводят к увеличению ориентации на негативное прошлое и, соответственно, уменьшению ориентации на позитивное прошлое. Промежуточный уровень выраженности признака является наиболее оптимальным для увеличения ориентации на позитивное прошлое и уменьшения ориентации на негативное. Таким образом, в случае отсутствия переживания кризиса идентичности респондент более ориентирован на негативное прошлое и менее – на позитивное, если у него либо слишком высокая, либо, наоборот, достаточно низкая оценка себя, собственных сил и наличия свободы выбора в процессе построения жизни. Для иллюстрации данной детерминационной связи можно привести несколько высказываний: «Моя жизнь не сильно то и зависит от моих усилий, я пока не достаточно свободен в выборах и считаю, что события, которые происходили со мной в прошлом, зависели в

основном не от меня, поэтому в прошлом достаточно событий, которые мне кажутся не очень позитивными» или «Все в моей жизни зависит только от меня и моих собственных усилий, и поэтому в прошлом достаточно много негативных моментов – просто я сделал не тот выбор или принял не то решение, в общем – недостаточно постарался, чтобы что-то изменить» и наиболее оптимальный вариант: «Конечно, в жизни многое зависит от меня, но есть и такие события, на которые я никак не могу повлиять, мое прошлое это и результат моих собственных выборов и результат неконтролируемых мною событий, но оно такое, какое есть».

Кроме того, ориентация на позитивное прошлое также зависит от общей оценки результативности жизни как довольно продуктивного периода самореализации. Чем выше осмысленность прошлого и ощущение его продуктивности, тем более выражена общая ориентация на позитивное прошлое.

Далее рассмотрим смысловую обусловленность временной перспективы, характерную для респондентов, переживающих кризис идентичности (таблица 26). При интерпретации полученных данных необходимо учитывать относительность уровневой выраженности фактора, выступающего в качестве независимой переменной (в нашем случае это показатели смысложизненных ориентаций и локуса контроля). В целом показатели по шкалам методики СЖО у респондентов выборки КИ значимо ниже, чем аналогичные показатели у респондентов выборки НКИ. В связи с этим – высокий уровень выраженности признака при переживании кризиса идентичности в большинстве случаев соответствует низкому уровню выраженности этого же признака при отсутствии кризиса идентичности. Тем не менее, используемое уровневое разделение позволяет оценить основные тенденции в природе детерминационных связей.

Таблица 26 – Ценностно-смысловые детерминанты временной перспективы личности при переживании кризиса идентичности

КИ	Сума квадратов (SS)	df	Средний квадрат (MS)	F	p-уровень
Осмысленность жизни → Негативное прошлое					
Межгрупповой	3,15	2	1,57	4,02	0,02
Внутригрупповой	40,34	103	0,39		
Общий	43,49	105			

Продолжение таблицы 26

Осмысленность жизни → Позитивное прошлое					
Межгрупповой	4,09	2	2,05	3,97	0,02
Внутригрупповой	53,11	103	0,52		
Общий	57,20	105			
Осмысленность жизни → Фаталистическое настоящее					
Межгрупповой	5,07	2	2,53	6,11	0,00
Внутригрупповой	42,73	103	0,41		
Общий	47,80	105			
Осмысленность жизни → Будущее					
Межгрупповой	4,17	2	2,08	7,06	0,00
Внутригрупповой	30,40	103	0,30		
Общий	34,56	105			
Цели в жизни → Негативное прошлое					
KruskalWallisTest					
Chi-Square	6,51				0,04
df	2,00				
Цели в жизни → Гедонистическое настоящее					
Межгрупповой	2,89	2	1,45	3,34	0,04
Внутригрупповой	44,60	103	0,43		
Общий	47,49	105			
Цели в жизни → Фаталистическое настоящее					
Межгрупповой	4,32	2	2,16	5,12	0,01
Внутригрупповой	43,48	103	0,42		
Общий	47,80	105			
Процесс жизни → Негативное прошлое					
Межгрупповой	2,49	2	1,24	3,13	0,05
Внутригрупповой	41,00	103	0,40		
Общий	43,49	105			
Процесс жизни → Фаталистическое настоящее					
Межгрупповой	5,05	2	2,52	6,08	0,00
Внутригрупповой	42,76	103	0,42		
Общий	47,80	105			
Локус контроля-Жизнь → Негативное прошлое					
Межгрупповой	6,89	2	3,44	9,69	0,00
Внутригрупповой	36,60	103	0,36		
Общий	43,49	105			
Локус контроля-Жизнь → Фаталистическое настоящее					
Межгрупповой	9,36	2	4,68	12,54	0,00
Внутригрупповой	38,44	103	0,37		
Общий	47,80	105			

При переживании кризиса идентичности общая осмысленность жизни выступает в качестве детерминанты не только временной перспективы будущего (как и в выборке НКИ), но и таких аспектов временной перспективы как негативное

прошлом, позитивное прошлое и фаталистическое настоящее, при этом влияние осмысленности жизни на перспективу будущего и позитивное прошлое не является линейным (рисунок 15). При переживании кризиса идентичности более высокий уровень общей осмысленности жизни ведет к снижению выраженности ориентации на негативное прошлое. Вместе с тем при сравнении низкого и среднего уровня выраженности рассматриваемого фактора видно, что совсем низкий уровень осмысленности жизни ведет к более положительной динамике в отношении позитивного прошлого, чем средний. Другими словами, при слабом осмыслении в отношении жизни респонденты, переживающие кризис идентичности, склонны более позитивно расценивать события прошлого.

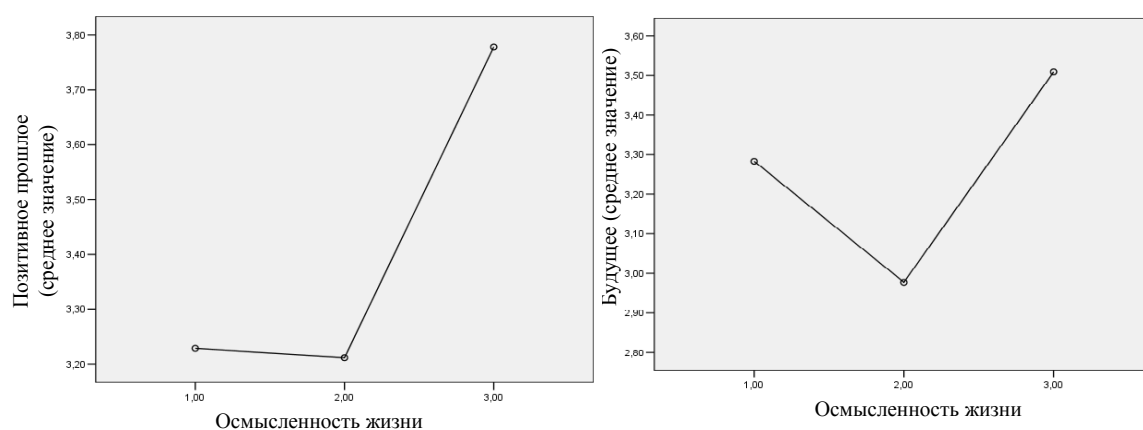

Рисунок 15 – Графики средних значений, отражающие влияние переменной «Осмысленность жизни» на выраженность во временной перспективе позитивного прошлого и ориентации на будущее

Интересен тот факт, что ориентация на негативное прошлое обусловлена не только общей осмысленностью жизни, но и выраженностью целевой направленности, оценкой эмоциональной насыщенности жизни и общей убежденностью в подвластности жизни сознательному контролю. При переживании кризиса идентичности отсутствие в жизни целей на будущее, придающих осмысленность и направленность жизни, неудовлетворенность жизнью в настоящем, оценка ее как эмоционально скудной и приверженность фаталистическим взглядам на жизнь ведут к более негативной реконструкции жизненных событий. Учитывая количество смысловых детерминант, определяющих ориентацию на негативное прошлое и специфику рассмотренного выше процесса идентификации

(отражающего отдаление образа себя в прошлом от образа идеала), можно предположить, что более негативная реконструкция жизненных событий является необходимым этапом в процессе переживания кризиса идентичности, этапом, связанным с перестройкой в ценностно-смысловой сфере.

Возвращаясь к анализу влияния общей осмысленности на временную перспективу будущего, необходимо отметить нелинейный характер данного влияния – совсем низкий уровень и, относительно группы, самый высокий уровень осмысленности ведет к большей выраженности общей направленности субъекта на будущее (рисунок 15). Можно предположить, что у респондентов с низкой осмысленностью жизни поведение, определяемое стремлением к достижению чего-либо в будущем (временная перспектива будущего), не предполагает смысло-направленных целей, а скорее является результатом определенного «недоосмысления» возможных перспектив. Подтверждение данному предположению мы находим в том факте, что при отсутствии кризиса идентичности развитие временной перспективы будущего предполагает еще и наличие осмысленных целей в жизни, а при переживании кризиса идентичности это условие не является обязательным.

Выраженность временной перспективы гедонистического настоящего, отражающей направленность на получение удовольствия в настоящем, с определенной долей ущерба будущим перспективам, обуславливается наличием целей в жизни (рисунок 16).

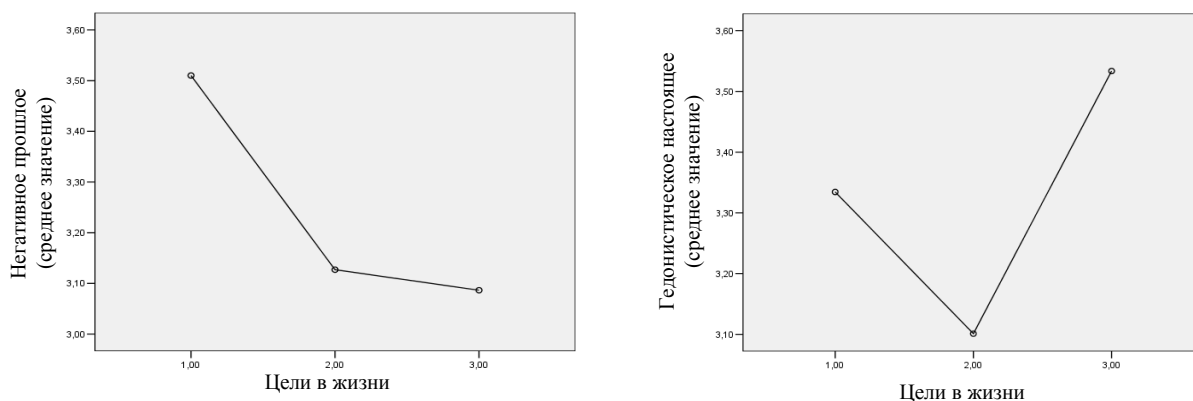

Рисунок 16 – Графики средних значений, отражающие влияние переменной «Цели в жизни» на выраженность во временной перспективе ориентации на негативное прошлое и гедонистическое настоящее

Как видно из графика данное обусловливание опять-таки носит нелинейный характер. Низкий уровень выраженности признака по шкале «Цели в жизни» предполагает их отсутствие и вполне логично укладывается в интерпретацию повышения ориентации на гедонистическое настоящее. Целей в будущем нет – есть стремление получить максимум от жизни в настоящем. Интерес вызывает другое – то, что в период кризиса идентичности общая ориентация на удовольствие в настоящем возрастает с увеличением целенаправленности. Если вернуться к рассмотрению сравнения профилей временной перспективы, мы увидим, что для респондентов группы НКИ показатели по фактору «гедонистическое настоящее» выше, чем для респондентов группы КИ. В этом плане ориентация на возбуждение, волнение и наслаждение в настоящем выступают как положительный полюс, приближение к которому в некоторой степени отражает выход из кризиса идентичности. Исходя из данной логики, смысловое будущее и целевая направленность обуславливающие повышение гедонистической позиции в отношении настоящего, выступают как показатели общей позитивной динамики выхода из кризисного состояния.

Аспект временной перспективы, отражающий направленность на фаталистическое настоящее, при переживании кризиса идентичности обуславливается несколькими смысложизненными ориентациями и показателями локуса контроля: общей низкой осмысленностью жизни, отсутствием целей, восприятием процесса жизни как неинтересного, эмоционально не насыщенного и не наполненного смыслом и убежденностью в иллюзорности свободы выбора и возможности контролировать события жизни. Интересен тот факт, что фаталистическое настоящее, как аспект временной перспективы, детерминировано теми же смысловыми элементами, что и негативное прошлое. Оба показателя временной перспективы в выборке КИ ярко выражены и значительно превышают соответствующие значения в выборке НКИ. Если при отсутствии переживания кризиса идентичности временная перспектива, ориентированная на фаталистическое настоящее, вполне логично зависит от восприятия субъектом себя как хозяина жизни, способного влиять на события своими решениями, то при переживании

кризиса идентичности данный тип временной перспективы формируется под воздействием нескольких факторов одновременно.

В целом хотелось бы заметить, что смысложизненные ориентации чаще выступают в роли детерминант временной перспективы личности именно при переживании кризиса идентичности. Переживание кризиса идентичности неизбежно ведет к тем или иным изменениям в структуре ценностно-смысловых образований, ответственных за адаптацию человека к изменившимся условиям, происходит переоценка и переосмысление всего жизненного пути и образов «Я» как прошлого и настоящего, так и будущего, наиболее болезненным в данном процессе является общее обесценивание личного прошлого, что непосредственно связано со снижением выраженности всех смысложизненных ориентиров. Именно в период этой трансформации ценностно-смысловой сферы временная перспектива личности в большей степени обусловлена происходящими изменениями. В случае же, если кризис идентичности не переживается, временная перспектива детерминируется только теми смысловыми образованиями, которые непосредственно связаны с различными ее аспектами.

Кроме того, при анализе данных нами было выдвинуто предположение о том, что степень связанности временных модусов во временной перспективе при переживании кризиса идентичности так же может иметь свои особенности в детерминировании смысложизненными ориентациями. Используя однофакторный дисперсионный анализ (One-Way ANOVA) и рассматривая в качестве зависимых переменных показатели связанности временных модусов прошлого, настоящего и будущего (данные, полученные с помощью графического теста Т. Коттла), а в роли независимых переменных – показатели по методике СЖО (Д. А. Леонтьев), мы получили статистически достоверные результаты, отражающие ценностно-смысловую обусловленность связанности временных модусов прошлого и настоящего (таблица 27, рисунок 17).

Для респондентов, не переживающих кризис идентичности, характерно следующее: чем выше оценка прошлого, как результативного, удовлетворительного в плане самореализации, тем более отдаленными друг от друга представляются

области прошлого и настоящего, отражающие пространственный компонент временной перспективы. Принимая во внимание общую ориентацию на позитивное прошлое, характерную для респондентов данной группы, можно сделать предположение, что высокая результативность прошлого является своеобразным условием, позволяющим дистанцировать его от настоящего и двигаться вперед, не останавливаясь на достигнутом.

Таблица 27 – Влияние смысловых ориентаций на степень связанности модусов прошлого и настоящего в группах КИ и НКИ

	Сума квадратов (SS)	df	Средний квадрат (MS)	F	p-уровень
Группа КИ Локус контроля-Жизнь → Прошлое-Настоящее					
Межгрупповой	32,87	2	16,44	3,86	0,02
Внутригрупповой	438,55	103	4,26		
Общий	471,43	105			
Группа НКИ Результативность жизни → Прошлое-Настоящее					
Межгрупповой	30,32	2	15,16	3,46	0,03
Внутригрупповой	745,36	170	4,38		
Общий	775,68	172			

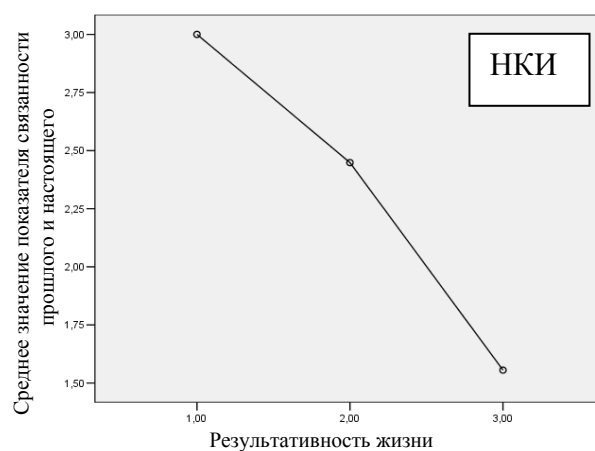
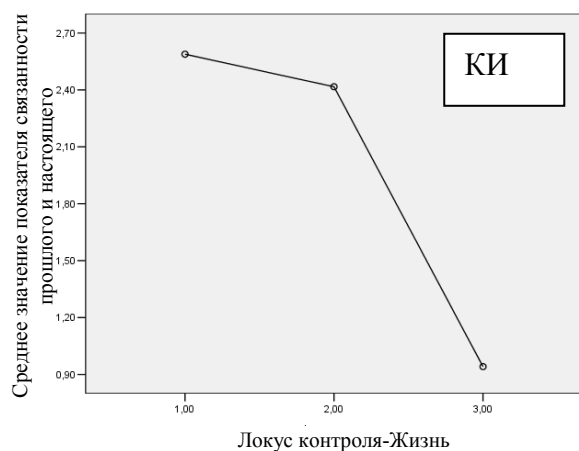

Рисунок 17 – Графики средних значений, отражающие влияние переменных «локус контроля-Жизнь» и «Результативность жизни» на степень связанность модусов прошлого и настоящего

В случае же переживания кризиса идентичности дистанция между прошлым и настоящим увеличивается, если уменьшается фаталистическая позиция к жизни. Другими словами, при переживании кризиса идентичности с ростом уверенности в возможности управлять жизнью растет и дистанция между прошлым и настоящим, что на наш взгляд, отражает определенный отказ от прошлого по типу «прошлое от

меня не зависело, но в настоящем я сам, а не судьба или кто-либо еще, создаю свою жизнь». В этом плане основанием для дистанцирования прошлого и настоящего выступает именно убеждение в существовании свободы выбора и возможности его реализации, а основанием для сближения прошлого и настоящего выступает увеличение фаталистического отношения к жизни.

Выводы по главе

В ходе эмпирического исследования было выявлено, что переживание кризиса идентичности находит свое отражение в особенностях ценностно-смысловой сферы и временной перспективы. При этом данные особенности касаются не только уровня выраженности тех или иных показателей, отражающих специфику указанных феноменов, но и проявляются в характере взаимосвязей и взаимообусловленности как элементов временной перспективы, так и элементов ценностно-смысловой сферы.

Так, в ценностно-смысловой сфере переживание кризиса идентичности проявляется в низком уровне осмысленности жизни, десинхронизации временных локусов смысла, несогласованности системы ценностных ориентаций и мотивационных устремлений. Во временной перспективе кризис идентичности находит свое отражение в возрастании выраженности ориентации на негативное прошлое и фаталистическое настоящее, снижении представленности в профиле временной перспективы ориентации на позитивное прошлое, гедонистическое настоящее и будущее, меньшей протяженности временной перспективы будущего. При этом характер взаимообуславливания элементов временной перспективы имеет определенные особенности в случае переживания или не переживания кризиса идентичности. Так, например, ориентация на негативное прошлое, в группе респондентов, переживающих кризис идентичности, обуславливает направленность временной перспективы на будущее, что свидетельствует о своеобразном

«мотивирующем» воздействии негативной реконструкции жизненных событий в прошлом.

В таблице 28 представлены обобщенные результаты, отражающие основные ценностно-смысловые детерминанты временной перспективы в зависимости от наличия или отсутствия переживания кризиса идентичности.

Таблица 28– Ценностно-смысловые детерминанты временной перспективы личности для групп НКИ и КИ

Временная перспектива	Ценностно-смысловые детерминанты	
	НКИ	КИ
Негативное прошлое	- Отношение к себе как к хозяину жизни, обладающим свободой выбора и способностью контролировать события жизни	- Общая осмысленность жизни; - Целевая направленность на будущее; - Эмоциональная насыщенность и интерес жизни; - Выраженность внутреннего убеждения о неподвластности человеческой жизни сторонним силам, управляемость жизни
Позитивное прошлое	- Результативность прошлого, как оценка удовлетворенности самореализацией; - Отношение к себе, как к хозяину жизни, обладающим свободой выбора и способностью контролировать события жизни	- Общая осмысленность жизни
Гедонистическое настоящее	- Результативность прошлого, как оценка удовлетворенности самореализацией	- Осмысленная целевая направленность на будущее
Фаталистическое настоящее	- Выраженность внутреннего убеждения о неподвластности человеческой жизни сторонним силам, управляемость жизни	- Общая осмысленность жизни; - Целевая направленность на будущее; - Эмоциональная насыщенность и интерес жизни; - Выраженность внутреннего убеждения о неподвластности человеческой жизни сторонним силам, управляемость жизни
Будущее	- Общая осмысленность жизни; - Осмысленная целевая направленность на будущее	- Общая осмысленность жизни

Полученные данные еще раз подтверждают важность происходящих в период переживания кризиса идентичности процессов переосмысления и переоценки

прошлого, выступающего не только в качестве компонента временной перспективы, но и в роли важнейшего элемента идентификации.

Подводя итоги всему вышесказанному, можно говорить о том, что наше предположение о различном характере ценностно-смысловой детерминации временной перспективы личности при переживании кризиса идентичности или отсутствии такового подтвердилось.

Заключение

Целью нашего исследования было выявление особенностей ценностно-смысловых детерминант временной перспективы личности в период кризиса идентичности. Проведенное исследование объединяет в себе три важнейших проблемы психологии: временную перспективу личности, ценностно-смысловую сферу и проблему идентичности, в частности, кризиса идентичности. Временная перспектива в различных ее формах, как проблема исследования, рассматривалась в трудах таких ученых как К. Левин, Ж. Нюттен, Ф. Зимбардо, Дж. Бойд, Ж. Пиаже, П. Фресс, Д. Г. Элькин, С. Л. Рубинштейн, Л. С. Выготский, К. А. Абульханова-Славская, А. В. Болотова, Т. Н. Березина, М. Р. Гинзбург, Е. Н. Дмитриева, В. И. Ковалёв, О. В. Лукьянов, Ж. С. Мамедова, Н. Н. Толстых, Е. И. Головаха, А. А. Кроник, А. Сырцова, Т. А. Нестик и др. Несмотря на достаточно разнообразные подходы к определению сущности временной перспективы, множество точек соприкосновения теоретических концепций подтверждает, что временная перспектива человека может выступать как многомерное и сложное образование, включающее в себя пространственно-временную организацию жизни, отражающую как психологическое будущее, так и психологическое прошлое и настоящее субъекта.

Одной из важнейших особенностей временной перспективы личности является сложная взаимосвязь данного феномена с ценностно-смысловой сферой субъекта. При этом элементы ценностно-смысловой сферы составляют ядро личности и выступают как результат процесса социализации, реализуемой посредством механизмов интериоризации, идентификации и интернализации (А. В. Серый, М. С. Яницкий). Таким образом, ценности и смыслы, отражающие как социальный, так и индивидуальный план внутреннего мира человека, выступают в роли детерминант временной перспективы личности. В ситуации переживания кризиса идентичности ценностно-смысловая сфера субъекта изменяется, что приводит к трансформациям во временной перспективе, причем характер детерминационной связи данных образований опосредован переживанием кризиса

идентичности. Результаты, полученные в ходе нашего исследования, позволили прийти к следующим заключениям, выступающим в качестве доказательства данного положения:

1. Взаимосвязь структурных компонентов ценностно-смысловой сферы и временной перспективы личности в период переживания кризиса идентичности имеет сложный детерминационный характер.

2. Особенности ценностно-смысловой сферы и временной перспективы личности опосредуются идентификационным процессом взаимообусловленного сближения смысловых образов «Я», локализованных в различных временных зонах.

3. В период переживания кризиса идентичности такие показатели ценностно-смысловой сферы, как общая осмысленность жизни, направленность локуса контроля, актуальное смысловое состояние, иерархическая структура ценностных ориентаций и ее согласованность с мотивационными устремлениями, характеризуются отличительными особенностями, выраженными в фаталистическом отношении к жизни и общей низкой оценке собственных возможностей в построении жизненного пути и свидетельствующими об изменениях в ценностно-смысловой сфере: низкая осмысленность целей в будущем или их отсутствие, неудовлетворенность жизнью в настоящем, низкая оценка достигнутых результатов (неудовлетворенность прошлым); десинхронизация временных локусов смысла (жесткая локализация личностных смыслов во времени и непроницаемость внешних границ субъективной реальности); несогласованность иерархии ценностных ориентаций и мотивационных устремлений.

4. Временная перспектива личности, представленная через соотношение типов временных ориентаций, протяженность временной перспективы будущего, пространственные представления, отражающие значимость и связанность временных зон трансформируется при переживании кризиса идентичности: профиль временной перспективы смещается в сторону большей выраженности ориентации на негативное прошлое и фаталистическое настоящее, при этом позитивные временные ориентации, определяющие сбалансированную временную перспективу, выражены на достаточном уровне; временная перспектива будущего характеризуется меньшей

протяженностью; более выражена значимость области прошлого, что свидетельствует об актуальности данного временного отрезка жизни, при этом наблюдается меньшая связанность между зонами настоящего и будущего.

5. Системы взаимосвязей и взаимообусловленности параметров временной перспективы различны в случае отсутствия кризиса идентичности или его наличия, при этом при переживании кризиса идентичности данная система носит противоречивый характер: к увеличению выраженности ориентации на негативное прошлое приводит увеличение общей направленности на гедонистическое отношение к жизни и рост фаталистического отношения к ней, ориентация на негативное прошлое выступает в качестве ресурсного источника для построения будущих жизненных планов; противоречивость в системе взаимосвязей временной перспективы отражается в особенностях взаимообуславливания таких типов временной перспективы, как негативное прошлое, гедонистическое настоящее и позитивное прошлое.

6. Смыслжизненные ориентации и уровень внутреннего локуса контроля, отражающие интернализированные ценности и их согласованность с мотивационными устремлениями, выступают в качестве ценностно-смысловых детерминант временной перспективы личности.

7. Характер детерминационной связи опосредован переживанием кризиса идентичности, что находит свое подтверждение как в качественных особенностях, проявляющихся в различиях ценностно-смысловых детерминант одних и тех же параметров временной перспективы, так и в количественных, отражающих большую степень обуславливания временной перспективы ценностно-смысловыми образованиями именно в период кризиса идентичности:

- при отсутствии переживании кризиса идентичности выраженность ориентации на позитивное прошлое детерминируется удовлетворенностью самореализацией в прошлом и внутренним локусом контроля, отражающем представление о себе как о сильной личности; ориентация на негативное прошлое также зависит от показателей внутреннего локуса контроля; выраженность во временной перспективы ориентации на гедонистическое настоящее зависит от

общей оценки результативности жизни, на фаталистическое настоящее – от показателя локуса контроля, отражающего убежденность в том, что человеку дано контролировать свою жизнь; временная перспектива будущего определяется общей осмысленностью жизни и наличием осознанных целей, придающих жизни направленность;

- при переживании кризиса идентичности выраженность ориентации на позитивное прошлое детерминируется общим уровнем осмысленности жизни; ориентация на негативное прошлое обусловлена общей осмысленностью жизни, выраженностью осмысленной целевой направленности, оценкой эмоциональной насыщенности жизни и общей убежденностью в подвластности жизни сознательному контролю (локус контроля-Жизнь); выраженность во временной перспективе ориентации на гедонистическое настоящее обуславливается наличием целей в жизни; ориентация на фаталистическое настоящее обуславливается общей низкой осмысленностью жизни, отсутствием целей, восприятием процесса жизни как неинтересного, эмоционально ненасыщенного, не наполненного смыслом и убежденностью в иллюзорности свободы выбора и возможности контролировать события жизни (те же смысловые детерминанты, что и в случае ориентации на негативное прошлое); ориентация на будущее обусловлена общей осмысленностью жизни.

8. Показатели временной перспективы личности, отражающие общие установки по отношению к временным модусам, связанность временных зон прошлого-настоящего и настоящего-будущего, субъективную значимость областей настоящего и будущего, могут выступать в качестве предикторов кризиса идентичности. При этом, чем больше выраженность во временной перспективе личности негативного отношения к прошлому, выше показатели фаталистического настоящего и ниже значения гедонистического настоящего и временной перспективы будущего, тем выше вероятность отнесения субъекта к группе лиц, переживающих кризис идентичности; в случае большей выраженности во временной перспективе личности гедонистического настоящего и временной перспективы будущего вместе с низкими значениями негативного прошлого и

фаталистического настоящего вероятность отнесения субъекта к группе лиц, переживающих кризис идентичности, снижается.

По результатам проведенного исследования были получены экспериментальные доказательства ценностно-смысловой детерминации временной перспективы личности; выявлены и описаны детерминанты временной перспективы личности, относящиеся к ценностно-смысловой сфере и представленные в смысложизненных ориентациях; доказана возможность использования показателей временной перспективы личности в качестве предикторов переживания кризиса идентичности. Таким образом, можно констатировать, что гипотеза исследования нашла свое подтверждение, общая цель исследования была достигнута.

Представленное исследование не претендует на полное разрешение проблемы, касающейся связи таких феноменов, как временная перспектива личности и ценностно-смысловая сфера, в условиях переживания кризиса идентичности. Продолжение исследовательской работы возможно в изучении динамического аспекта ценностно-смысловой детерминации временной перспективы личности в кризис идентичности посредством лонгитюдного исследования; более углубленном изучении системы взаимосвязей между ценностными ориентациями и мотивационными устремлениями и отражения данных взаимосвязей на специфике временной перспективы; изучении возможностей оптимизации переживания кризиса идентичности, посредством формирования гармоничной, сбалансированной временной перспективы с опорой на имеющиеся в науке знания о временной перспективе личности и обуславливающих ее факторах, в том числе и ценностно-смысловых.

Результаты, полученные в ходе исследования, могут быть использованы в практике психологической помощи людям, переживающим кризис идентичности (в частности в юношеском возрасте), с целью формирования сбалансированной временной перспективы, ответственной за гармоничное функционирование человека в окружающей реальности, а так же в образовательном процессе в рамках дисциплин, освещающих проблемы психологии личности, социальной психологии и общей психологии. Кроме того, проведенное исследование актуализирует важность

дальнейшего изучения феноменов ценностно-смысловой сферы, временной перспективы личности и идентичности во взаимосвязи, как факторов определяющих целостность человека и его функционирование как открытой саморазвивающейся системы.

Список литературы

1. Абульханова, К. А. Время личности и время жизни / К. А. Абульханова, Т. Н. Березина. – СПб.: Алетейя, 2001. – 300 с.
2. Абульханова-Славская, К. А. Стратегия жизни / К. А. Абульханова-Славская. – М.: Мысль, 1991. – 299 с.
3. Аврелий Августин. Исповедь / Аврелий Августин; пер. с лат. М. Е. Сергеев. – М.: Ренессанс, 1991. – 488 с.
4. Алексеева, В. Г. Ценностные ориентации как фактор жизнедеятельности и развития личности / В. Г. Алексеева // Психологический журнал. – 1984. – Т. 5, № 5. – С. 63-70.
5. Ананьев, Б. Г. Человек как предмет познания / Б. Г. Ананьев. – СПб.: Питер, 2001. – 288 с.
6. Андреева, Г. М. К вопросу о кризисе идентичности в условиях социальных трансформаций [Электронный ресурс] / Г. М. Андреева // Психологические исследования: электрон. науч. журн. – 2011. – N 6(20). – С. 1. – URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 10.02.2015).
7. Андреева, Г. М. Социальная психология: векторы новой парадигмы [Электронный ресурс] / Г. М. Андреева // Психологические исследования: электрон. науч. журн. – 2009. – N 1(3). – URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 15.03.2015).
8. Андреева, Г. М. Психология социального познания / Г. М. Андреева. – М.: Аспект Пресс, 2005. – 196 с.
9. Андреева, Г. М. Трансформация социальной идентичности в современных социокультурных условиях / Г. М. Андреева // Вестник Таганрогского гос. пед. института. – 2010. – № 2. – С. 174-178.
10. Анцыферова, Л. И. Психология формирования и развития личности / Л. И. Анцыферова // Человек в системе наук: сб.ст. – М., 1989. – С. 426-433.
11. Аристова, И. Л. Временная перспектива и образ будущего у лиц, направленных на медико-социальную экспертизу / И. Л. Аристова, Н. В. Шевцова //

Личность в экстремальных условиях и кризисных ситуациях жизнедеятельности. – 2014. – №4. – С. 85-89.

12. Аристотель. Физика / Аристотель. Собрание сочинений: в 4 т.– М.: Мысль, 1981. – Т. 3. – 613 с.

13. Артемьева, Е. Ю. Основы психологии субъективной семантики / Е. Ю. Артемьева. – М.: Смысл, 1999. – 352 с.

14. Асмолов, А. Г. Деятельность и установка / А. Г. Асмолов. – М.: изд-во Моск. ун-та, 1979. – 150 с.

15. Асмолов, А. Г. О некоторых перспективах исследования смысловых образований личности / А. Г. Асмолов, Б. С. Братусь, Б. В. Зейгарник, В. А. Петровский, Е. В. Субботский, А. У. Хараш, Л. С. Цветкова // Психология личности: сб. ст. – М., 2003. – С. 118-127.

16. Асмолов, А. Г. Принципы исследования смысловых образований личности / А. Г. Асмолов, Е. Е. Насиновская, Е. З. Басина // Развитие эргономики в системе дизайна: тезисы докладов Всесоюзной конференции. – Боржоми, 1979. – С. 219-224.

17. Асмолов, А. Г. Психология личности: Принципы общепсихологического анализа / А. Г. Асмолов. – М.: Смысл, 2001. – 416 с.

18. Белановская, О. В. Временная перспектива жизненных планов в юношестве [Электронный ресурс] / О. В. Белановская // Проблемы социальной психологии личности. – URL: http://psyjournals.ru/sgu_socialpsy/issue/30275_full.shtml (дата обращения 10.05.2014).

19. Белинская, Е. П. Конструирование идентификационных структур личности в ситуации неопределенности / Е. П. Белинская // Трансформации идентификационных структур в современной России: сб. ст. – М., 2001. – С. 30-54

20. Белинская, Е. П. Временные аспекты «Я»-концепции и идентичности / Е. П. Белинская // Мир психологии. – 1999. – №3. – С. 140-147.

21. Белинская, Е. П. Изменчивость Я: кризис идентичности или кризис знания о ней? [Электронный ресурс] / Е. П. Белинская // Психологические

исследования. – 2015. – Т. 8, № 40. – С. 12. – URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 15.08.2015).

22. Белинская, Е. П. Социальная психология личности: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений/ Е. П. Белинская, О. А. Тихомандрицкая. – М.: Академия. – 2009. – 304 с.

23. Белинская, Е. П. Графический тест Коттла: специфика показателей временной перспективы / Е. П. Белинская, И. С. Давыдова// Психологическая наука и образование. – 2007. – № 5. – С. 28-37.

24. Бергер, П. Социальное конструирование реальности / П. Бергер, Т. Лукман // Психология самосознания: хрестоматия. – Самара, 2000. – С. 567-588.

25. Бергсон, А. Избранное: Сознание и жизнь / А. Бергсон; пер с фр. – М.: РОССПЭН, 2010. – 399 с.

26. Бергсон, А. Творческая эволюция / А. Бергсон. – М.: Канон-Пресс-Ц, 2001. – 383 с.

27. Бергсон, А. Собрание сочинений: Опыт о непосредственных данных сознания. Материя и память / А.Бергсон; пер. с фр. – М.: Московский клуб, 1992. – Т.1.– 336 с.

28. Березина, Т. Н. Жизненный путь личности: осознанный и неосознаваемый аспекты / Т. Н. Березина // Российский менталитет. Вопросы психологической теории и практики. – М., 1997. – С. 313-323.

29. Березина, Т. Н. Интрапсихический пространственно-временной образный континуум как субъективная реальность / Т. Н. Березина // Психология личности. Новые исследования. – М., 1998. – С. 192-209.

30. Березина, Т. Н. Пространственно-временные особенности мысленных образов и их связь с особенностями личности/ Т. Н. Березина // Психол. журн. – 1998. – Т. 19, № 4. – С. 13-26.

31. Березина, Т.Н. Методики исследования глубинных особенностей личности / Т. Н. Березина. – М.: Издательство ИПРАН, 1997. – 48 с.

32. Большой психологический словарь / под ред. Б. Г. Мещерякова, В. П. Зинченко. – СПб.: Прайм–ЕВРОЗНАК, 2005. – 672 с.

33. Бондырева, С. К. Духовность (психология, социология, семантика) / С. К. Бондырева, Д. В. Колесов. – М.: Изд-во Моск. психол.-соц. института; Воронеж: НПО «МОДЭК», 2007. – 144с.
34. Братусь, Б. С. Аномалии личности / Б. С. Братусь. – М.: Мысль, 1988. – 301 с.
35. Братусь, Б. С. Психология, Нравственность. Культура / Б. С. Братусь. – М.: Менеджер; Роспедагентство, 1994. – 60 с.
36. Братусь, Б. С. Нравственное сознание личности: психологическое исследование / Б. С. Братусь. – М.: Знание, 1985. – 64 с.
37. Братусь, Б. С. К изучению смысловой сферы личности / Б. С. Братусь // Вестн. Моск. Ун-та. Психология. – 1981. – №2. – С. 46-56.
38. Братусь, Б. С. К проблеме человека в психологи / Б.С. Братусь // Вопросы психологии. – 1997. №5. – С.13-15.
39. Будинайте, Г. Л. Личностные ценности и личностные предпосылки субъекта / Г. Л. Будинайте, Т. В. Корнилова // Вопросы психологии. – 1993. – Т. 14, № 5. – С. 99-105.
40. Бучек, А. А. Социально-психологические особенности формирования этнической идентичности коренных народов Камчатки: автореф. дис. ... канд. психол. наук: 19.00.05 / Бучек Альбина Александровна. – СПб., 2003. – 23с.
41. Вайзер, Г. А. Смысл жизни и возраст / Г. А. Вайзер // Психолого-педагогические и философские аспекты проблемы смысла жизни: сб. ст. – М, 1997. – С. 91-110.
42. Вартанова, И. И. Мотивация и временная перспектива старшеклассников / И. И. Вартанова// Национальный психологический журнал. – 2013. – № 2 (10). – С. 127-133.
43. Василюк, Ф. Е. Психология переживания (анализ преодоления критических ситуаций) / Ф. Е. Василюк. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984. – 200 с.
44. Весна Е. Б. Идентификация личности в супружеской паре / Е. Б. Весна, Ю. Ю. Неяскина. – Петропавловск-Камчатский: КамГУ им. Витуса Беринга, 2013. – 270 с.

45. Вечканова, Е. М. Методологические предпосылки исследования ценностно-смысловых детерминант временной перспективы личности [Электронный ресурс] / Е. М. Вечканова // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). – 2015. – № 3. – URL: <http://journal-s.org/index.php/sisp/article/view/5528/df930> (дата обращения: 01.07.2015).
46. Вилюнас, В. К. Психология эмоциональных явлений / В. К. Вилюнас. – М.: Изд-во Моск.ун-та, 1976. – 142 с.
47. Водяха, А. А. Исследование ценностно-смысловых ориентаций личности как фактора сформированности профессиональной идентичности врача / А. А. Водяха // Вестник Томского государственного университета. – 2009. – № 324. – С.321-324.
48. Выготский, Л. С. Основы дефектологии / Л. С. Выготский // Собрание сочинений: в 6 т. – М.: Педагогика, 1983. – Т. 5. – 369 с.
49. Выготский, Л. С. Психология / Л.С. Выготский. – СПб., М.: Апрель-пресс: ЭКСМО-пресс, 2000. – 1006 с.
50. Гарванова, М. З. Исследование ценностей в современной психологии / М. З. Гарванова, И. Г. Гарванов // Современная психология: материалы III междунар. науч. конф. (г. Казань, октябрь 2014 г.). – Казань: Бук, 2014. – С. 5-20.
51. Гидденс, Э. Последствия модернити / Э. Гидденс // Новая постиндустриальная волна на Западе: сб. ст. – М., 1999. – С. 101-123.
52. Гинзбург, М. Р. Сформированность личностной идентичности как показатель успешности социализации в старшем подростковом и юношеском возрастах / М. Р. Гинзбург // Мир психологии. – 1998. – №1. – С. 21-25.
53. Гинзбург, М. Р. Психологическое содержание личностного самоопределения / М. Р. Гинзбург // Вопросы психологии. – 1994. – № 3. – С. 43-52.
54. Головаха, Е. И. Психологическое время личности / Е. И. Головаха, А. А. Кроник. – М.: Смысл, 2008. – 267 с.
55. Голубев, А. М. Временная перспектива и мотивационные предпочтения / А. М. Голубев, М. Г. Казачинская // Вестник Новосибирского гос. ун-та. Серия: психология. – 2009. –Т.3, №2.– С. 69-77.

56. Гунгер, Н. Н. Психологические средства становления идентичности личности в период нормативного кризиса взрослости: дис. ... канд. психол. наук: 19.00.01 / Гунгер Наталья Николаевна. – Новосибирск, 2007. – 221 с.
57. Гуссерль, Э. Феноменология внутреннего сознания времени / Э. Гуссерль // Собрание сочинений: пер. с нем. – М.: Гнозис, 1994. – Т. 1. – 102 с.
58. Гуссерль, Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология / Э. Гуссерль; пер. с нем. – СПб.: Владимир Даль, 2004. – 398 с.
59. Декарт, Р. Избранные произведения / Р. Декарт. – М.: Мысль, 1950. – 711 с.
60. Джемс, У. Психология / У. Джемс. – М.: Педагогика, 1991. – 368 с.
61. Дильтей, В. Наброски к критике исторического разума / В. Дильтей // Вопросы философии. – 1988. – №4. – С. 135-153.
62. Дильтей, В. Очерки по основоположению наук о духе / В. Дильтей // Построение исторического мира в науках о духе: сб. ст. – М., 2004. – С. 117-118.
63. Дорохов, М. Б. Эмпирическое исследование изменения «временных перспектив» в психотравматической ситуации / М. Б. Дорохов // Новое слово в науке и практике: гипотезы и апробация результатов исследований. – 2013. – №8. – С. 7-20.
64. Драголи, Л. Д. Временные категории речи и дифференциация времени / Л. Д. Драголи // Восприятие пространства и времени. – 1969. – С. 97-98.
65. Драголи, Л. Д. О категории времени и речи ребёнка / Л. Д. Драголи // Вопросы психологии. – 1964. – С. 139-141.
66. Дружинина, И. А. Кризис идентичности будущих психологов: особенности развития и пути преодоления / И. А. Дружинина // Личность в экстремальных условиях и кризисных ситуациях жизнедеятельности: сб.ст. – Владивосток, 2011. – С. 29-35.
67. Живаева, Ю. В. Социокультурная идентичность как фактор устойчивости жизненного мира человека: дисс. ... канд. психол. наук: 19.00.01 / Живаева Юлия Валерьяновна. – Красноярск, 2014. – 213с.
68. Жигинас, Н. В. Психология кризиса идентичности студентов: персонологическая концепция, феноменология, медико-психологическое

сопровождение: дис. ... д-ра. психол. наук: 19.00.04 / Жигинас Наталья Владимировна. – Томск, 2011 – 449 с.

69. Жигинас, Н. В. Педагогические условия формирования и преодоления акмеологического кризиса идентичности у студентов вуза / Н. В. Жигинас // Вестн. Томского гос. пед. ун-та. – 2012. – №6 (121). – С. 210-213.

70. Жигинас, Н. В. Феноменология кризиса идентичности студентов, типология, психодиагностика, связь с видами дезадаптации (обобщенный кластерный анализ) / Н. В. Жигинас // Сибирский вестник психиатрии и наркологии. – 2011. – №2 (65). – С. 53– 57.

71. Заковоротная, М. В. Идентичность человека: социально-философские аспекты / М. В. Заковоротная. – Ростов-на-Дону: Изд-во Северо-Кавказского научного центра высшей школы. 1999. – 200 с.

72. Запорожец, А. В. Развитие произвольных движений / А. В. Запорожец. – М.: АПН РСФСР, 1960. – 430 с.

73. Здравомыслов, А. Г. Потребности, интересы, ценности / А. Г. Здравомыслов. – М.: Политиздат, 1986. – 222 с.

74. Зимбардо, Ф., Бойд, Дж. Парадокс времени. Новая психология времени, которая улучшит вашу жизнь / Ф. Зимбардо, Дж. Бойд. – СПб.: Речь, 2010. – 352 с.

75. Зотова, Л. Э. Временная перспектива личности в контексте профессиональной деятельности / Л. Э. Зотова // European Social Science Journal. – 2015. – №4. – С. 194-198

76. Иванова, Н. Л. Социальная идентичность: теория и практика / Н. Л. Иванова, Т. В. Румянцева. – М., 2009. – 456 с.

77. Иванова, Н. Л. Психологическая структура социальной идентичности: автореф. дис. ... д-ра. психол. наук: 19.00.05/ Иванова Наталья Львовна. – Ярославль, 2003. – 43 с.

78. Иванова, Н. Л. Социальная идентичность и проблемы образования / Н. Л. Иванова. – Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2001. – 228 с.

79. Кант, И. Критика чистого разума / И. Кант // Собрание сочинений: в 6 т. – М.: Мысль, 1964. – Т. 3. – 799 с.

80. Караваева, Л. П. Особенности представления о будущем в период середины жизни личности у людей с разной временной перспективой / Л. П. Караваева // Человеческий капитал. – 2013. – №4(52). – С. 23– 27.

81. Квасова, О. Г. Трансформация временной перспективы личности в экстремальной ситуации: дис. ... канд. психол. наук: 19.00.01 / Квасова Ольга Григорьевна. – М., 2013. – 214 с.

82. Келли, Дж. Теория личности. Психология личностных конструктов / Дж. Келли. – СПб: Речь, 2000. – 249 с.

83. Ключко, В. Е. Постнеклассическая трансперспектива психологической науки / В. Е. Ключко // Вестник Томского гос. ун-та. – 2007. – № 305. – С. 157-165.

84. Ключко, В. Е. Личностная идентичность и проблема устойчивости человека в меняющемся мире: системно-антропологический ракурс / В. Е. Ключко, О. В. Лукьянов // Вестник Томского гос. ун-та. – 2009. – № 324. – С.333-337.

85. Ковалев, В. И. Особенности личностной организации времени жизни / В. И. Ковалев // Гуманистические проблемы психологической теории: сб. ст. – М.,1995.– С. 179– 185.

86. Ковдра, А. С. Временная перспектива как predisposition психологической безопасности личности: дис....канд. психол. наук: 19.00.01 / Ковдра Алена Сергеевна. – Пятигорск, 2012. – 224 с.

87. Колябина, Т. С. Социальная идентичность как основополагающий элемент патриотизма и гражданственности [Электронный ресурс] // Теория и практика общественного развития. Социологические науки. – 2005. – Вып.3 – URL:<http://www.teoria-practica.ru/index.php/-3-2005/182-2009-12-26-10-43-44/83-2009-07-05-14-54-55>.

88. Кон, И. С. Социология личности / И. С. Кон. – М.: Политиздат, 1967. – 383 с.

89. Кон, И.С. Психология юношеского возраста: Проблемы формирования личности. Учеб. пособие для студ. пед. ин-тов / И. С. Кон. – М., 1979. – 175 с.

90. Краснорядцева, О. М. Суверенность личности как основание психологического здоровья / О. М. Краснорядцева, А. В. Ключко // Сибирская психология сегодня: сб. науч. тр. – Кемерово, 2002. – С. 6-7.

91. Краснорядцева, О. М. Ценностная детерминация профессионального поведения педагогов / О. М. Краснорядцева // Сибирский психологический журнал. Выпуск 7. – Томск, 1998. – С.25-28.

92. Круглов, Б. С. Социальная направленность личности / Б. С. Круглов // Формирование личности старшеклассника: сб. ст. – М., 1989. – С. 12-14.

93. Кузьмин, М. Ю. Кризис идентичности у студентов и его связь с жизнестойкостью: дис. ... канд. психол. наук: 19.00.01/ Кузьмин Михаил Юрьевич. – Иркутск, 2012 – 191 с.

94. Кун, М. Эмпирическое исследование установок личности на себя / М. Кун, Т. Маркпартленд // Современная зарубежная социальная психология. – М., 1989. – С. 180-189.

95. Лебедева, Н. М. Социальная идентичность на постсоветском пространстве: от поисков самоуважения к поискам смысла / Н. М. Лебедева // Психологический журнал. – 1999. – Т.20, №3. – С. 48-58.

96. Левин, К. Теория поля в социальных науках / К. Левин. – М., 2000. – 365 с.

97. Леонтьев, А. Н. Лекции по общей психологии: учеб. пособие для вузов по спец. «Психология» / А. Н. Леонтьев. – М.: Смысл, 2000. – 509 с.

98. Леонтьев, А. Н. Деятельность. Сознание. Личность / А. Н. Леонтьев. – М.: Смысл, 2004. – 352 с.

99. Леонтьев, Д. А., Профессиональное самоопределение как построение образов возможного будущего / Д. А. Леонтьев, Е. В. Шелобанова // Вопросы психологии. – 2001. – № 1. – С. 57-65.

100. Леонтьев, Д. А. Тест смысложизненных ориентаций (СЖО) / Д. А. Леонтьев. – М.: Смысл, 2006. – 18 с.

101. Леонтьев, Д. А. Новые горизонты проблемы смысла в психологии / Д. А. Леонтьев // Проблема смысла в науках о человеке (к 100-летию Виктора

Франкла): материалы международной конференции / под ред. Д.А.Леонтьева. – М.: Смысл, 2005. – С. 36–49.

102. Леонтьев, Д. А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности / Д. А. Леонтьев; 2-е, испр. изд. – М.: Смысл, 2003. – 487 с.

103. Лобок, А. М. Антропология мифа / А. М. Лобок. – Екатеринбург: Отд. образов. администр. Октябрьского района, 1997. – 688 с.

104. Лобок, А. М. Психология мифа: дис. в виде научн. доклада... д-ра психол. наук. – М., 1998. – 55 с.

105. Логинова, И. О. Психология жизненного самоосуществления / И. О. Логинова. – М.: Изд-во СГУ, 2009. – 279 с.

106. Логинова, И. О. Жизненное самоосуществление человека как предмет психологического познания / И. О. Логинова // Известия Волгоградского гос. пед. ун-та. Серия «Педагогические науки». – 2009. – № 6 (40). – С. 184-187.

107. Ломов, Б. Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии / Б. Ф. Ломов. – М.: Наука, 1984. – 448 с.

108. Лукьянов, О. В. Идентичность – элемент транстемпорального мира и фронт экзистенциального опыта / О. В. Лукьянов // Сибирский психологический журнал. – 2007. – № 26. – С. 31-35.

109. Лукьянов, О. В. Готовность быть: Введение в транстемпоральную психологию / О. В. Лукьянов. – М.: Смысл, 2009. – 231 с.

110. Лукьянов, О. В. Самоидентичность как условие устойчивости человека в меняющемся мире: дис. ... д-ра. психол. наук: 19.00.01 / Лукьянов Олег Валерьевич. – Томск, 2009. – 289 с.

111. Лукьянов, О. В. Смысловые детерминанты временной перспективы личности / О. В. Лукьянов, Ю. Ю. Неяскина // Вестн. Томск. гос. ун-та. – 2012. – № 360. – С. 152-157.

112. Лукьянов, О. В. Фактор времени в системе психологических интерпретаций / О. В. Лукьянов // Журнал Высшей школы экономики. – 2010. – Т. 7, № 2. – С. 46-63.

113. Магомед-Эминов, М. Ш. Деятельностно-смысловой подход к психологической трансформации личности: дис .. д-ра. психол. наук: 19.00.01 / Магомед-Эминов Мадрудин Шамсудинович. – М., 2009. – 530 с.
114. Магомед-Эминов, М. Ш. Позитивная психология человека: в 2 т. / М. Ш. Магомед-Эминов. – М.: ПАРФ, 2007. – Т.1– 347 с.
115. Мамедова, Ж. С. Взаимосвязь ценностных ориентаций и временной перспективы личности (на примере делинквентных подростков): автореф. дис ... канд. психол. наук: 19.00.01 / Мамедова Жанна Сабировна. – М., 2007. – 26 с.
116. Мандрикова, Е. Ю. Современные подходы к изучению временной перспективы личности / Е. Ю. Мандрикова // Психологический журнал. – 2008. – Т. 29, № 4. – С. 54– 65.
117. Маслоу, А. По направлению к психологии бытия / А. Маслоу: пер. с англ. – М.: ЭКСМО-Пресс, 2002. – 272 с.
118. Массен, П. Развитие личности ребенка / П. Массен, Дж. Конгер, Дж. Каган, А. Хьюстон: пер. с англ. – М., Прогресс, 1987. – 272 с.
119. Мёдова, А. А. Понятие времени и его значение для модели сущности человека. Сравнительный анализ концепций Иммануила Канта и Мориса Мерло-Понти // Форум молодых кантоведов (материалы Международного Кантовского конгресса). – М.: ИФ РАН, 2006. – С. 33– 43.
120. Молчанов, В. И. Время и сознание. Критика феноменологической философии / В. И. Молчанов. – М.: Высш. шк., 1998 – 144 с.
121. Мухина, В. С. Возрастная психология / В. С. Мухина. – М.: Академия, 1997. — 431 с.
122. Мэй, Р. Открытие Бытия / Р. Мэй. – М.: Институт Общегуманитарных Исследований, 2004. – 224 с.
123. Насиновская, Е. Е. Вопросы мотивации личности с позиции деятельностного подхода / Е. Е. Насиновская // Психология в вузе. – 2003. – № 1-2. – С. 216-226.

124. Насиновская, Е.Е. Вопросы мотивации личности / Е. Е. Насиновская // Общая теория смысла, психологические концепции смыслообразования, смыслодидактика: сб. ст. – М., 2014. – С. 314-324.
125. Наследов, А. Д. Математические методы психологического исследования. Анализ и интерпретация данных: учебное пособие / А. Д. Наследов. – СПб.: Речь, 2007. – 392с.
126. Некрасова, Е. В. Пространственно-временная организация жизненного мира человека: автореф. дис. ... д-ра. психол. наук: 19.00.01 / Некрасова Евгения Владимировна. – Барнаул, 2005. – 47 с.
127. Нестик, Т. А. Социально-психологическая детерминация группового отношения к времени: автореф. дис. ... д-ра психол. наук: 19.00.05 / Нестик Тимофей Александрович. – М., 2015. – 47 с.
128. Ньютон, И. Математические начала натуральной философии // А. Н. Крылов: собр. трудов. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936. – Т.7. – С.30-31.
129. Нюттен, Ж. Мотивация, действие и перспектива будущего / Ж. Нюттен; пер. с англ. – М.: Смысл, 2004.– 608 с.
130. Овчинникова, Ю. Г. Роль конструктивного кризиса идентичности развитии личности: автореф. дис. ... канд. психол. наук: 19.00.01 / Овчинникова Юлия Германовна. – М., 2004. – 29 с.
131. Павленко, В. Н. Разновидности кризиса социальной идентичности в Украине / В. Н. Павленко // Этническая психология и общество. – М., 1997. – С. 88–96.
132. Павленко, В. Н. Трансформация социальной идентичности в пост-тоталитарном обществе / В. Н. Павленко, Н. Н. Корж // Психологический журнал. – 1998 – Т.19, №1. – С. 75-89.
133. Платон. Собрание сочинений: в 4 т. / Платон; под общ. ред. А. Ф. Лосева, В. Ф. Асмуса, А. А. Тахо-Годи. – Москва: Мысль, 1993. – Т. 2. – 526 с.
134. Плотин. Эннеады: в 2 т./ Плотин. – Киев: УЦИММ– Пресс, 1995. – 236с.
135. Полетаева, А. В. Ценностно-смысловые ориентации личности как фактор переживания последствий психической травмы /А. В. Полетаева, А. В. Серый //

Социальная работа в Сибири: Сб. тр. – Кемерово, 2004. – С. 137-141.

136. Потанина, Л. Т. Образно-символическое мышление как средство развития ценностно-смысловой сферы личности школьника: дис. ... д-ра. психол. наук: 19.00.07 / Потанина Лейла Тахировна. – М., 2015. – 426 с.

137. Проконич, О. А. Динамические характеристики временной перспективы личности студентов вуза в процессе обучения / О. А. Проконич // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). – 2015. – №1 (45). – С. 207– 219. – DOI: 10.12731/2218– 7405– 2015– 1– 46

138. Родина, Е. М. Временная перспектива и профессионально-личностное саморазвитие студентов / Е. М. Родина // Социальная психология личности и акмеология: сб. ст. – М., 2014. – С. 136-143.

139. Рубинштейн, С. Л. Бытие и сознание. Человек и мир / С. Л. Рубинштейн. – СПб.: Питер, 2003. – 512 с.

140. Рубинштейн, С. Л. Основы общей психологии / С. Л. Рубинштейн. – СПб.: Питер, 2001. – 720 с.

141. Румянцева, Т. В. Психологическое консультирование: диагностика отношений в паре: учебное пособие / Т. В. Румянцева. – СПб.: Речь, 2006. – 176 с.

142. Рыжухин, А. В. Специфика восприятия времени подростками с асоциальным поведением: автореф. дис ... канд. психол. наук: 19.00.01 / Рыжухин Андрей Владимирович. – М., 2011. – 26с.

143. Савельев, Д. И. Психологическое содержание кризиса идентичности личности / Савельев Дмитрий Иванович // Известия Российского государственного педагогического университета имени А.И.Герцена. – 2009. – № 116. – С. 276-283.

144. Савлакова, Н. М. Временная перспектива личности: теоретический анализ проблемы / Н. М. Савлакова // Философия и социальные науки. – 2010. – № 3. – С. 18-23.

145. Серенкова, В. Ф. Типологические особенности планирования личностного времени / В. Ф. Серенкова // Гуманистические проблемы психологической теории: сб. ст. – М., 1995. – С. 192-204.

146. Сержантов, В. Ф. Человек, его природа и смысл бытия / В. Ф. Сержантов.

– М., 1990. – 360 с.

147. Серый, А. В. Психологические механизмы функционирования системы личностных смыслов у студентов вуза в процессе обучения: дис. ... д-ра психол. наук: 19.00.07 / Серый Андрей Викторович. – Иркутск, 2005. – 411 с.

148. Серый, А. В. Структурно-содержательные характеристики системы личностных смыслов / А. В. Серый // Сибирская психология сегодня: сб. науч. тр. – Кемерово, 2004. – Вып. 2. – С. 4-13.

149. Серый, А. В. Ценностно-смысловая сфера личности: уч. пособ. / А. В. Серый, М. С. Яницкий. – Кемерово: Кемеровский гос. ун-т, 1999. – 92 с.

150. Серый, А. В. Психологические механизмы функционирования системы личностных смыслов / А. В. Серый. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 2002. – 183 с.

151. Серый, А. В. Система личностных смыслов: структура, функции, динамика / А. В. Серый. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 2004. – 272 с.

152. Серый, А. В. Ценностно-смысловая парадигма как основа построения обобщенной теории психологического консультирования / А. В. Серый // Вестник КРАУНЦ. Гуманитарные науки. – 2011. – № 2. – С. 132-142.

153. Серый, А. В. Ценностные ориентации как фактор формирования и развития системы личностных смыслов индивида / А. В. Серый // Вопросы общей и дифференциальной психологии: сб. ст. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 1999. – С. 354-360.

154. Серый, А. В. Уровень напряженности защитных механизмов личности в зависимости от типа актуального смыслового состояния / А. В. Серый, Д. В. Карась // Сибирский психологический журнал. – 2007. – № 25. – С. 29-34.

155. Славинская, Ю. В. Временная перспектива лиц, отбывающих пожизненное лишение свободы / Ю. В. Славинская, Б. Г. Бовин // Прикладная юридическая психология. – 2011. – № 4. – С. 41-54.

156. Солдатова, Г. У. Психология межэтнических отношений в ситуации социальной нестабильности: автореф. дис. ... д-ра психол. наук: 19.00.05 / Солдатова Галина Уртанбековна – М., 2001. – 431 с.

157. Субботский, Е. В. Изучение у ребенка смысловых образований / Е. В. Субботский // Вест. Моск.ун-та. сер. Психология. – 1977. – №1. – С. 62-72.
158. Сырцова, А. Феномен временной перспективы в разных культурах (по материалам исследований с помощью методики ZTPI) / А. Сырцова, О. В. Митина, Дж. Бойд, И. С. Давыдова и др. // Культурно-историческая психология. – 2007. – №4. – С. 19-31.
159. Сырцова, А. Возрастная динамика временной перспективы личности: дис. ... канд. психол. наук: 19.00.13 / Сырцова Анна. – М., 2008. – 317 с.
160. Сырцова, А. Методика Ф. Зимбардо по временной перспективе / А. Сырцова, Е. Т. Соколова, О. В. Митина // Психологическая диагностика. – 2007. – №1. – С. 85-105.
161. Сырцова, А. Адаптация опросника временной перспективы личности Ф. Зимбардо / А. Сырцова, Е. Т. Соколова, О. В. Митина // Психологический журнал. – 2008. – Т.29, № 3. – С. 101-109.
162. Терехина, Н. С. Субъектные и личностные характеристики людей различных профессий при построении временной перспективы: автореф. дис ...канд. психол. наук: 19.00.13 / Терехина Надежда Сергеевна – М., 2014. – 26 с.
163. Толстых, Н. Н. Развитие временной перспективы личности: культурно-исторический подход: дис. ...д-ра психол. наук: 19.00.01 / Толстых Наталия Николаевна. – М., 2010. – 45 с.
164. Урбанович, А. А. Психология кризисов социальной идентичности личности / А. А. Урбанович. – Минск.: Академия МВД Республики Беларусь, 2005. – 228 с.
165. Ухтомский, А. А. Доминанта / А. А. Ухтомский. – СПб.: Питер, 2002. – 448 с.
166. Фейгенберг, И. М. Николай Бернштейн: от рефлекса к модели будущего / И. М. Фейгенберг. – М.: Смысл, 2004. – 239 с.
167. Франселла, Ф. Новый метод исследования личности: руководство по репертуарным личностным методикам / Ф. Франселла, Д. Баннистер: пер. с англ. – М.: Прогресс, 1987. – 236 с.

168. Фресс, П. Восприятие и оценка времени / П. Фресс, Ж. Пиаже // Экспериментальная психология. – М.: Прогресс, 1978. – Вып.6 – С. 88-130.
169. Фресс, П. Приспособление человека к времени / П. Фресс // Вопросы психологии. – 1961. – №1. – С.43-57.
170. Фромм, Э. Бегство от свободы / Э. Фромм. – М.: Прогресс. 1990. – 272 с.
171. Хайдеггер, М. Бытие и время / М. Хайдеггер; пер. с нем. – Харьков: Фолио, 2003. – 503 с.
172. Хачатурова, М. Р. Временная перспектива личности и выбор стратегий совладающего поведения в ситуации межличностного конфликта / М. Р. Хачатурова, А. К. Болотова // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2011. – №10. – С. 241-249.
173. Хван, Н. В. Взаимосвязь временной перспективы и ценностно-смысловой организации жизненного мира человека: автореф. дис. ... канд. психол. наук: 19.00.01 / Хван Наталья Владимировна. – Томск, 2015. – 211 с.
174. Хесле, В. Кризис индивидуальной и коллективной идентичности / В. Хесле // Вопросы философии. – 1994. – №10. – С. 112-123.
175. Цельмина, М. В. Психологические условия развития идентичности личности: дис. ... канд. психол. наук: 19.00.01/ Цельмина Марина Владимировна – Новосибирск, 2003. – 209 с.
176. Цуканов Б. И. Время в психике человека / Б. И. Цуканов. – Одесса: АстроПринт, 2000. – 218 с.
177. Шеина, Т. Е. Связь временной перспективы личности человека и интернет-пространства / Т. Е. Шеина // Современные тенденции развития науки и технологий. – 2015. – №1-7. – С. 143-145.
178. Шерковин, Ю. А. Проблема ценностных ориентации и массовые информационные процессы / Ю. А. Шерковин // Психол. журн. – 1982. – Т. 3, № 5. – С. 135-145,
179. Штомпка, П. Социология социальных изменений / П. Штомпка. – М.: Аспект Пресс, 1996. – 415 с.

180. Элькин, Д. Г. Восприятие времени / Д. Г. Элькин. – М.: Изд-во Акад. пед. наук РСФСР, 1962. – 312 с.
181. Эриксон, Э. Детство и общество / Э. Эриксон: пер. с англ. – СПб.: Речь, 2000. – 416 с.
182. Эриксон, Э. Идентичность: юность и кризис. / Э. Эриксон: пер. с англ. – М.: Флинта, 2006. – 342 с.
183. Юнг, К. Г. Проблемы души нашего времени / К. Г. Юнг. – М.: Прогресс «Универс», 1993. – 336 с.
184. Ядов, В. А. Социальная идентификация в кризисном обществе / В. А. Ядов // Психология личности в трудах отечественных психологов: сб. тр. – СПб, 2000. – С. 324-335.
185. Ядов, В. А. Социальные и социально-психологические механизмы формирования социальной идентичности / В. А. Ядов // Психология самосознания: хрестоматия. – Самара, 2000. – 672 с.
186. Яницкий, М. С. Ценностное измерение массового сознания / М. С. Яницкий. – Новосибирск.: Изд-во СО РАН, 2012. – 237 с.
187. Яницкий, М. С. Ценностные ориентации личности как динамическая система / М.С. Яницкий. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 2000. – 204 с.
188. Яницкий, М. С. Диагностика уровня развития ценностно-смысловой сферы личности: учебное пособие / М. С. Яницкий, А. В. Серый. – Новокузнецк: МАОУ ДПО ИПК, 2010 – 102 с.
189. Ярошук, В. Л. Особенности понятий о времени у детей и взрослых / В. Л. Ярошук // Материалы IV Всесоюзного съезда общества психологов. – Тбилиси, 1971. – С.382– 383.
190. Adler, A. What life should mean to you / A. Adler. – London: George Allen and Unwin, 1980. – 300 p.
191. Boniwell, I. A question of balance: Time perspective and well-being in British and Russian samples / I. Boniwell, E. Osin, P. A. Linley, G.V. Ivanchenko // The Journal of Positive Psychology. – 2010. –Vol. 5, No. 1. – p. 24–40.

192. Colarusso, C. A. A developmental line of time sense – in late adulthood and throughout the life cycle / Solnit A. J. et al. (eds) // *The Psychoanalytic study of the Child* . – New Haven, CT: Yale Univ. Press. – 1998.
193. Cottle, T.J. Perceiving time: a psychological study with men and women / T. J. Cottle. – New York: Wiley. – 1976.
194. De Volder M., Lens W. Academic achievement and future time perspective as a cognitive-motivational concept / De Volder M., Lens W. // *Journal of personality and Social Psychology*. – 1982. – 42. – P. 566-571.
195. Frank, L. K. Time perspectives / L. K. Frank // *J.Soc.Phil.* – 1939. – Vol.4. – P. 293-312.
196. Hornick J. Psychological Time: The Case of Time and Consumer Behavior / J. Hornick, D. Zakay // *Time and Society*. – 1996. – Vol. 5., No. 3. – P. 385-397.
197. Lennings C.J. Self-efficacy and temporal orientation as predictors of treatment outcome in severely dependent alcoholics / C. J. Lennings // *Alcoholism Treatment Quarterly*. – 1996. – Vol.14. – P. 71-79.
198. Lens W. Motivation and demotivation in secondary education: Student characteristics / W. Lens, M. Decruyenaere // *Learning and Instruction*. – 1991. – Vol. 1. – P.145– 159
199. Levinson D. J. A conception of adult development / D. J. Levinson // *Amer. Psychol.* – 1986. – N 41. – P. 3-13.
200. Lewin, K. Time perspective and morale / K. Lewin // *Resolving Social, conflicts*. – 1948 – N. 4.
201. Luckmann Th. Remarks on personal identity: Inner, Social and Historical Time / Th. Luckmann // Jacobson-Widding A. (ed.). *Identity: personal and sociocultural*. Uppsala, 1983.
202. Rokeach, M. The nature of human values / M. Rokeach. – New York: Free Press, 1973. – 438 p.
203. Royce J.R. The encapsulated man: an interdisciplinary essay on the search for meaning / J. R. Royce. – Princeton: Van Nostrand, 1964. – 206 p.

204. Royce J.R. Theory of personality and individual differences: factors, systems and processes / J. R. Royce, A. Powell. – Englewood Cliffs (N.J.): Prentice-Hall, 1983. – 304 p.
205. Schwartz, S. H. Toward a theory of the universal content and structure of values: Extensions and cross-cultural replications / S. H. Schwartz, W. Bilsky. – Journal of Personality and Social Psychology. – 1990. – N. 58. – P. 878-891
206. Tajfel H., Turner J. The social identity theory of intergroup behavior // Psychology of intergroup relations / S. Worchel, W. Austin/ – Chicago. 1986. – P. 7-24
207. Turner J. Social Categorization and the Self-concept: A social cognitive theory of group behaviour // Advances in group processes. – L., 1985. – P. 77– 121
208. Van Calster, K. Affective attitude toward the personal future: Impact on motivation in high school boys / K. Van Calster, W. Lens, J. Nuttin // American journal of psychology. – 1987. – N.100 – p.1– 13.
209. Waterman A. Identity development from adolescence to adulthood: an extension of theory and review of research // Development psychology. – V. 18. – № 3. – 1982. – P. 341– 358
210. Zimbardo, Philip G., Boyd, John N. Putting Time in Perspective: A Valid, Reliable, Individual– Differences Metric / Ph.G. Zimbardo, J.N. Boyd // Journal of Personality and Social Psychology 1999, Vol. 77, n. 6. – P. 1271– 1288.

Приложение

Приложение А

Примеры отнесения характеристик самоописания к идентификационным категориям (методика «Кто Я?» М. Куна - Т. Макпартланда)

Таблица 1 – Идентификационные категории и примеры высказываний

Показатели обобщенной категории	Примеры высказываний
«Социальное Я»	
Обозначение пола, принадлежность к роду	человек; девушка; парень; мужчина; женщина
Сексуальная роль	страстная любовница; любовник; покоритель сердец, ценитель женской красоты
Учебно-профессиональная ролевая позиция	студент; ученик; сотрудник; работник; парикмахер; психолог; юрист; человек, у которого завтра экзамен; модель; писатель; музыкант, ведущая, организатор, должник; артист
Семейная принадлежность	сын; дочь; племянница; внук; сестра; брат; у меня много родных; люблю свою семью; семьянин; дядя; тетя; дорожу родными, люблю бабушку и дедушку
Этническо-региональная принадлежность	русская; россиянка; гражданин; патриот; житель Земли; родилась на Камчатке; камчадал
Мировоззренческая идентичность	христианка; верующий; верующая; атеист
Групповая принадлежность	геймер; домохозяйка; автоводитель; меломан; активист; спортсмен; черлидер; фанат футбола
«Коммуникативное Я»	
Дружба, круг друзей	Хороший, верный, отличный друг; подруга; душа компании; у меня много друзей; любимая девушка/парень
Общение, субъект общения, оценка взаимодействия с людьми	люблю общаться; умею слушать; учитываю точку зрения других; любимый и любящий человек; тот, кто попытается помочь; тот, кто любит окружающих несмотря ни на что
«Материальное Я»	
Описание собственности	имею квартиру; нет квартиры; бездомный; есть велосипед; есть собственная машина
Оценка собственной обеспеченности, отношение к материальным благам	бедный; люблю деньги; мечтаю о богатстве; победитель денежного приза
Отношение к внешней среде	люблю море; не люблю плохую погоду; люблю природу; мечтаю о лете
«Физическое Я»	
Субъективное описание внешних данных	красотка; красавец; симпатяшка; сипатичный; спортивная; качок; не уродина; милашка; привлекательная; красивая девушка
Фактическое описание физических данных	шикарная брюнетка; голубоглазая; длинноногая блондинка; несовершеннолетняя
Пристрастие в еде, вредные привычки	любитель вкусно поесть; сладкоежка; некурильщик; табакзависимый; люблю мороженое и борщ; периодически злоупотребляю алкоголем

Продолжение Приложения А

«Деятельное Я»	
Занятия, деятельность, интересы, увлечения	изучаю английский язык; люблю смотреть фильмы; лентяйка; люблю готовить; занимаюсь спортом; чиню машины; учусь играть на гитаре; читаю много книг; люблю математику; рукодельница; люблю спать; КМС по художественной гимнастике;
Самооценка способности к деятельности, навыков, знаний, достижений	работоспособный; ответственный; умный; талантливая во всем; профессионалка во всех сферах; гений; трудолюбивый; лодырь; бездельник; обучаемая
«Перспективное Я»	
Профессиональная перспектива	будущий психолог, юрист, программист, учитель...; будущий водитель; будущий профессионал своего дела; будущий специалист
Семейная перспектива	будущая мать/отец; будущая жена/муж; буду хорошей и заботливой мамой; хочу любящего мужа; хочу чтобы родители жили долго; хочу ребенка мальчика; будущая свекровь, бабушка, прабабушка; будущая тетя; будущий защитник отечества; хочу полную семью
Материальная перспектива	хочу в будущем материального благополучия; хочу много денег; хочу иметь частный дом;
Физическая перспектива	хочу быть здоровым, хочу бросить курить, хочу похудеть, хочу никогда не болеть; хочу красивые длинные волосы; хочу чтобы не было аллергии
Деятельностная перспектива	хочу много путешествовать, хочу жить в Америке; хочу объездить весь мир
Персональная перспектива	хочу исправить свое поведение; хочу стать менее раздражительной; хочу быть уверенней в себе
«Рефлексивное Я»	
Личностные качества, особенности характера, описание стиля поведения	добрый; заботливый; искренний; веселый; жизнерадостный; упертый; уравновешенный; настойчивый; целеустремленный; амбициозный; влюбчивая; творческая; гордая; экстраверт; оптимист; интроверт; меланхолик; нудный; скучный; честный; хитрый; реалист; юморист; романтик; весельчак; гороскоп; имя;
Глобальное, экзистенциальное «Я»	Бог; творец; создатель; существо; человек-загадка; часть целого; целый мир; создание; я; солнце; тайна; творец своего мира
Проблемная идентичность	
Самоописание с негативным оттенком	садист; маразматик; разгильдяй; бомж; прогульщик; лживая; безответственная; обманщица; слабовольный; разочарованный; алкоголик; плохая; ветреная; неврастеник; нахожусь в состоянии апатии; называют вредной и ироничной; раздражают люди

Приложение Б

Примеры отнесения мотивационных объектов к различным временным периодам и мотивационным категориям (метод мотивационной индукции Ж. Нюттен)

Таблица 2 – Анализ протяженности временной перспективы

Темпоральные элементы	Примеры
Т – настоящий момент, время проведения теста	закончить тест, наконец-то закончить тест, помочь вам с тестом, дописать все ответы анкеты
D – в течение дня	спать, мороженое, отдыхать, будет дождь, снег прекратился, выспаться, улыбка моих близких, курить, позвонить, простить, светило солнце
W – в течение недели	отдохнуть на выходных, сходить с друзьями в клуб, ходить на тренировки, встречусь с другом, погода переменится
W- – в течение нескольких недель	сдам эту сессию, завалить эту сессию, сдать экзамен, выехать на природу, кататься на лыжах, получу зачет
М – в течение месяца	полетаю на воздушном шаре, скоро выйду на каникулы, купить телефон, сдать все экзамены, обновить гардероб
М- – в течение нескольких месяцев	хочу на море, слетать летом в отпуск, похудеть, отпуск, пересдать зачеты, новые лыжи, заработать денег на путине, работать над своим телом, велосипед
У – в течение одного года	прыгну с парашютом, ходить на тренировки весь год без пропусков, поднакопить денег для следующей поездки
У- – в течение одного или двух лет	закончить университет, получить права, устроиться на работу через годик, получить диплом (студенты последних курсов обучения)
Е – период обучения	учиться, знания, получить образование
ЕЗ – период обучения в вузе (18-25 лет)	получить диплом, отучиться на юриста/психолога/программиста, отчисление, закончить университет (студенты 1, 2 курса), достичь цели, одиночество, проектом, встретить единственную, непонимание родителей, оправдать доверие родителей, папа с мамой не ругались
ЕА – период обучения и взрослости	не успею сказать нужные слова самым близким, завести свою семью, для семьи, жить самостоятельно, родителей, набраться опыта, добиться цели, реализовать намеченные планы
А – период взрослости	иметь детей, сделать карьеру, реализоваться, квартиру, стать арт-директором, будет две машины, рожу двух детей, возьму ребенка с детдома, быть богатой, много путешествовать, повидать мир
А1 – первая половина взрослой жизни (25-45 лет)	создать свою семью, открыть свой бизнес, родить здоровых детей, устроюсь на высокооплачиваемую работу, гараж, стану отцом, найти работу, выйти замуж
А2 – вторая половина взрослой жизни (45-65 лет)	обеспеченная жизнь, уехать жить за границу, стать звездой, построить дом, иметь собственный дом

Продолжение Приложения Б

АО – период взрослости и старости	Стать лучшей мамой, реализовать в семье и науке, иметь счастливую семью в будущем, буду преподавать в лучших университетах мира, иметь хорошие отношения в семье, иметь крепкую/счастливую семью, детей и мужа
О – период пожилого возраста	увидеть правнуков, буду вспоминать юность, хорошей жизни в старости
L – неопределенный период всей жизни	наилучшему будущему, жить в любви, жизнь была успешной, счастье в жизни, жить, все будет хорошо, лучшей жизни
L- – выраженный период всей жизни	всю жизнь быть счастливой, посвятить всю свою жизнь любимому делу
l – открытое настоящее модальность, качество, способность, цель располагается в настоящем	Собой, стать лучше, все вокруг меня радует, бросить курить, делать все, что я хочу, развиваться, на себя, бороться со своим характером, быть худой, быть сильным и здоровым, хорошо знать английский язык, самосовершенствование, стиль, способность к боксу, способность к магии, принимать решения, любить себя, любить
l- – длительность существования желанного качества	оставаться самим собой в любой ситуации, быть интересным, оставаться красивой, быть справедливым, буду менее расточительной
X – после смерти субъекта	смерть, умру, рано умру
x – историческое будущее	мир во всем мире, чтобы прекратились войны, чтобы власть наконец-то была нормальной, всем добра, война, мир везде
? – вневременные и неcodируемые объекты	быть волшебником, лучшее, завоевать мир, летать, космос, отсутствие ответа, неразборчивый ответ
P – прошлое	ошибки прошлого, ошибки, обидела незаслуженно человека, прошлом

Таблица 3 – Анализ мотивационной направленности

Категории мотивации	Примеры
S - Личность субъекта	себя, найду себя, счастья, найти понимание с миром, быть счастливой
Sc - Я-концепция	изменить себя в лучшую сторону, стать лучше, самосовершенствование, работать над собой, уважать себя и свои решения,
Spre - Самосохранение	быть уверенной в завтрашнем дне, освобожусь от ненужных мыслей, уйдет апатия, у меня будут проблемы, рано умру, спокойствия, все будет хорошо, неопределенность, выздороветь, не болеть, разочарование, безопасности вокруг меня, тюрьма
Saut - Личностная автономия	жить самостоятельно, стану взрослой, скоро съеду от родителей, стать самостоятельным, самодостаточной, встану на ноги, работать, чтобы не зависеть от других
Sph - Физические характеристики	похудеть, быть стройной, отрастить волосы, бросить курить, сесть на диету, привести себя в хорошую физическую форму

Продолжение Приложения Б

Sapt - Способности	Буду хорошо фотографировать, быть способным, я не умею рисовать, научиться делать колесо, плавать, быстро читать, разбираться в языках
Scar - Характер, черты личности	сострадание, быть целеустремленным, быть справедливым, лучше контролировать свои эмоции, быть более дружелюбным, меньше раздражаться,
SR - Самореализация	многого добиться в жизни, достижения целей, самореализоваться, осуществлению задуманных планов, все цели в жизни выполнимы, буду успешной, реализовать свои цели, мечты, преуспеть во всех начинаниях
R - Активность	перемены, заниматься киноделом, активные действия, уборка в доме, занимаюсь делом, делах, поступках, вышивать,
R2 - Профессиональная деятельность	устроиться на работу, найти хорошую работу, на собеседованиях, работать по специальности,
R3 - Учебная деятельность	сдать сессию, завалю зачет, подготовиться к экзамену, сдать все экзамены, окончить институт, перейти на бюджет, получить образование, получить диплом, подготовить семинар, выучить билеты по педагогике
C -Социальный контакт	иметь детей, отношений, создам семью, встретить любовь, выйти замуж, мамы, родителей, стану мамой, любимого человека, молчание, останусь одна
C2 - Социальная реципрокность (активность других в социальном контакте)	доброту людей, мои родители лучше меня понимали, мама не одобрит выбор, меня поймут, папа с мамой не ругались, меня перестали задевать, чтобы меня уважали, чтобы девушка перестала обижаться
C3 -Личные желание и надежды в отношении других людей	здоровья и счастья своим близким и родным, моя семья будет здорова, оправдать доверие родителей, моя семья ни в чем не нуждалась, не обижать людей, чтобы дорогие мне люди были счастливы
ES - Самопознание	определиться кем и каким я хочу быть, понимать себя
EC - Познание людей	лучше понимать свою девушку, других людей
ET -Познание экзист. реалий	найти смысл жизни, обрести истину
EI - Познание жизни	иметь больше жизненного опыта
Ew - Знания о культурных и природных объектах	знания об обществе, экономике, культуре, политике, биологических и физических законах, культурах, истории стран
T – Трансцендент. объекты	жить, жизнь бессмысленна, постижение сути
P - Обладание, приобретение	квартиру, велосипед, айфон, фотоаппарат, собаку, котенка, лыжи, свою студию, подарок родителей, иметь много денег
L - Досуг, отдых, удовольствие	высплусь/отдохну, кушать, спать, гуляю, торт, полечу в отпуск, на море, свадебное путешествие, прекрасно провожу время, улыбаться, поиграть в карты
Tt - Мотивация на тест	закончить тест, помочь вам с тестом, дописать все ответы анкеты
U -Неклассифицируемые ответы	к лучшему, для всего, всегда и всего, судьбу/на удачу, на все, чудо, в космос, отсутствие ответа, неразборчивый ответ
E – Познawat. мотивация	знания, познание, больше знать

Приложение Г

Кластеризация общей выборки

Таблица 4 – Средние значения по диагностическим показателям, легшим в основу кластерного анализа

	1 ЭГ (173 чел.)	2 ЭГ (106 чел.)	р
Идентификационные элементы:	Величина идентификации		
1-"Я в прошлом"	4,25	3,69	0,01
2-"Я в настоящем"	5,61	5,44	0,46
3-"Я в будущем"	5,32	5,50	0,45
4-"Человек, чья жизнь осмысленна"	5,09	5,03	0,79
5-"Человек, чья жизнь менее осмысленна"	3,32	3,61	0,16
Парное сравнение близости элементов	Коэффициенты близости		
1-2 «Я в прошлом» - «Я в настоящем»	0,67	0,64	0,12
1-3 «Я в прошлом» - «Я в будущем»	0,71	0,75	0,02
1-4 «Я в прошлом» - идеал	0,77	0,74	0,14
1-5 «Я в прошлом» - антиидеал	0,69	0,71	0,24
2-3 «Я в настоящем» - «Я в будущем»	0,59	0,61	0,13
2-4 «Я в настоящем» - идеал	0,68	0,68	0,61
2-5 «Я в настоящем» - антиидеал	0,77	0,74	0,05
3-4 «Я в будущем» - идеал	0,58	0,62	0,01
3-5 «Я в будущем» - антиидеал	0,75	0,76	0,44
4-5 Идеал - антиидеал	0,70	0,67	0,13
Индекс Бири	24,00	21,24	0,00
Индекс Кроккета	19,46	17,49	0,00
Тест смысложизненных ориентаций			
Цели в жизни	33,83	23,13	0,00
Процесс жизни	33,75	22,22	0,00
Результативность жизни	27,46	18,10	0,00
Методика «Личностная и социальная идентичность»			
Личностная идентичность	6,11	4,57	0,00
Социальная идентичность	6,11	4,86	0,00

Приложение Д

Факторный анализ коэффициентов близости элементов репертуарной решетки

Таблица 5 – Факторная структура близости элементов идентификации респондентов, не переживающих кризис идентичности

Близость элементов	Факторы			
	1	2	3	4
«Я в прошлом» - идеал	0,82	0,12	-0,13	-0,25
«Я в настоящем» - антиидеал	-0,78	0,19	0,04	-0,44
«Я в прошлом» - «Я в будущем»	0,63	-0,20	0,40	-0,08
«Я в настоящем» - идеал	0,01	0,75	-0,17	-0,01
Идеал - антиидеал	-0,01	-0,69	-0,48	-0,02
«Я в прошлом» - антиидеал	-0,19	0,57	0,02	0,16
«Я в прошлом» - «Я в настоящем»	-0,06	-0,06	0,84	0,01
«Я в будущем» - антиидеал	-0,19	-0,47	-0,58	-0,25
«Я в будущем» - идеал	-0,13	0,29	-0,17	0,72
«Я в настоящем» - «Я в будущем»	0,05	-0,04	0,39	0,69

Таблица 6 – Факторная структура близости элементов идентификации респондентов, переживающих кризис идентичности

Близость элементов	Факторы			
	1	2	3	4
«Я в прошлом» - «Я в будущем»	-0,75	0,06	0,21	0,28
«Я в настоящем» - идеал	0,64	0,01	-0,19	0,02
«Я в прошлом» - идеал	-0,58	0,09	-0,56	-0,21
«Я в будущем» - идеал	0,44	0,30	0,16	0,37
«Я в настоящем» - антиидеал	0,28	-0,83	-0,02	-0,02
«Я в настоящем» - «Я в будущем»	0,33	0,67	-0,07	0,12
«Я в будущем» - антиидеал	-0,25	-0,30	0,78	-0,15
«Я в прошлом» - антиидеал	0,20	-0,38	-0,73	-0,05
«Я в прошлом» - «Я в настоящем»	-0,01	0,26	0,09	0,71
Идеал - антиидеал	0,12	0,42	0,33	-0,70

Приложение Е

Корреляционный анализ предпочитаемых терминальных ценностей (сравнительный анализ)

Таблица 7 – Сравнение значимых коэффициентов корреляции терминальных ценностей

Предпочитаемые терминальные ценности	Группы	Терминальные ценности								
		1	2	3	4	5	6	7	8	9
Активная деятельная жизнь	НКИ		0,19**				-0,17*		-0,21**	
	КИ		0,20*				-0,24*		-0,09	
Жизненная мудрость	НКИ	0,19**				-0,01	-0,17*	-0,09	-0,10	
	КИ	0,20*				0,29**	-0,28**	-0,22*	-0,25**	
Здоровье	НКИ						0,15*			
	КИ						0,24*			
Интересная работа	НКИ					-0,15*				0,02
	КИ					-0,07				0,20*
Любовь	НКИ	-0,17*	-0,17*	0,15*		-0,15			0,26**	-0,19**
	КИ	-0,24*	-0,28**	0,24*		-0,31**			0,19*	-0,27**
Материально обеспеченная жизнь	НКИ		-0,09			-0,16*				0,10
	КИ		-0,22*			-0,17				0,26**
Наличие хороших и верных друзей	НКИ	-0,21**	-0,10				0,26**			
	КИ	-0,09	-0,25**				0,19*			
Познание	НКИ			-0,21**	-0,12	0,02	-0,11	-0,19*	-0,20**	
	КИ			-0,17	-0,22*	0,25*	-0,27**	-0,12	-0,24*	
Счастливая семейная жизнь	НКИ	-0,23**	0,06			-0,22**	0,28**			-0,24**
	КИ	-0,26**	-0,24*			-0,31**	0,24*			-0,19
Уверенность в себе	НКИ		-0,10		-0,13	-0,28**			-0,06	-0,02
	КИ		-0,20*		-0,22*	-0,37**			0,20*	-0,24*

Продолжение таблицы 7

Предпочитаемые терминальные ценности	Группы	Терминальные ценности								
		10	11	12	13	14	15	16	17	18
Активная деятельная жизнь	НКИ		-0,03	-0,16*		-0,10	-0,23**			
	КИ		-0,22*	-0,11		-0,26**	-0,26**			
Жизненная мудрость	НКИ				-0,21**		-0,26**			-0,10
	КИ				-0,03		-0,24*			-0,20*
Здоровье	НКИ	-0,21**	-0,26**		-0,28**	-0,10		-0,25**		
	КИ	-0,17	-0,07		-0,18	-0,28**		-0,08		
Интересная работа	НКИ		-0,22**			-0,19*		-0,29**	-0,18*	-0,13
	КИ		-0,08			-0,17		-0,12	-0,12	-0,22*
Любовь	НКИ	-0,11	-0,23**		-0,17	-0,22**	0,28**	-0,15*		
	КИ	-0,27**	-0,15		-0,11	-0,05	0,24*	-0,19*		
Материально обеспеченная жизнь	НКИ	-0,19*						-0,18*	-0,23**	
	КИ	-0,12						-0,35**	-0,19*	
Наличие хороших и верных друзей	НКИ	-0,24*						-0,20**		-0,06
	КИ	-0,20**						-0,10		0,20*
Познание	НКИ		0,16*				-0,28**	0,16*		0,07
	КИ		0,08				-0,24*	0,06		-0,25**
Счастливая семейная жизнь	НКИ	-0,28**	-0,09		-0,25**					0,04
	КИ	-0,24*	-0,26**		-0,15					0,25**
Уверенность в себе	НКИ	0,07					0,04			
	КИ	-0,25**					0,25**			

1 - Активная деятельная жизнь

2 - Жизненная мудрость

3 - Здоровье

4 - Интересная работа

5 - Красота природы и искусства

6 - Любовь

7 - Материально обеспеченная жизнь

8 - Наличие хороших и верных друзей

9 - Общественное признание

10 - Познание

11 - Продуктивная жизнь

12 - Развитие

13 - Развлечения

14 - Свобода

15 - Счастливая семейная жизнь

16 - Счастье других

17 - Творчество

18 - Уверенность в себе